

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 2/08

Scientific monthly

Series «Sociology»

Moscow 2008

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 2/08

Ежемесячный научный журнал

Серия «Социология»

Москва 2008

УДК 309
ББК 66.0я43
П 50

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редколлегия серии
«Социология»

Тощенко Ж.Т. – ответственный редактор
Великая Н.М. – заместитель ответственного редактора
Цепко М.С. – ответственный секретарь

© Коллектив авторов, 2008
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая социология

<i>Ж.Т. Тощенко</i> Современные лики охлократии	11
<i>Н.М. Великая, И.А. Гамбашидзе</i> Партийная конкуренция на выборах местного уровня как фактор совершенствования демократического процесса	25
<i>Р.И. Анисимов</i> Формирование института Российского государства в период президентства Путина	39
<i>В.В. Попов</i> Политические партии в информационном пространстве избирательной кампании марта 2007 года (по материалам региональных СМИ)	52
<i>А.С. Корсунов</i> Корпоративная социальная ответственность в России: вопросы легитимности	64
<i>И.В. Гудков</i> Формирование региональных представительных органов власти: анализ электорального поведения (на примере Эвенкии)	68
<i>М.В. Вельмакин</i> Формирование непартийных оппозиционных молодежных движений в Республике Беларусь	77
<i>О.А. Чуркина</i> Интернет-коммуникации российских гражданских организаций	86
<i>А.П. Хриенко, Ал.П. Хриенко</i> Электоральные рейтинги как инструмент манипуляции общественным мнением	99
<i>Г.А. Цветкова, А.А. Бесполитов</i> Социальные различия как факторы деятельности местного сообщества	107

А.Б. Каримова
Регион – «дорожная карта» глобализации 126

**Культурологические и этноконфессиональные
проблемы России**

И.В. Матасова
Стили руководства на государственных и частных
предприятиях: общее и особенное 141

А.Е. Крухмалев
Разноликые ксенофобы 153

Лю Юаньюань
Реклама как социальный процесс: китайская специфика
(на примере наружной рекламы) 180

А.А. Голосева
К вопросу о типах взаимодействия культур
в эпоху глобализации 186

А.В. Круковская
Тенденции развития театрального дела в Москве
в начале XXI в. 202

Социология семьи, молодежи и детства

С.Н. Майорова-Щеглова
Диалог культур: поиск универсальных подходов к детству 212

В.И. Горбачева, Я.В. Беляева
Незарегистрированный брак как востребованная
матримониальная практика 218

И.В. Петрушин
Нежелательная беременность как составляющая
нереализуемого демографического потенциала 226

А.В. Кулешова
Категории жизни подростков: субкультуры, агрессия, любовь 236

Социология здравоохранения

А.И. Дубинина

Оценка населением ситуации в сфере государственного
медицинского обслуживания (на примере программы
дополнительного лекарственного обеспечения) 254

М.Н. Товкач

Заболеваемость населения и условия ее снижения:
региональный аспект (на примере Карелии) 264

Методология и методика социологии

А.В. Стрельникова

Неполное использование социологических данных:
три уровня рассмотрения проблемы 275

Н.В. Романовский

Узловые проблемы курса «История социологии» 289

Аннотации 309

Сведения об авторах 318

CONTENTS

<i>Toshenko J.</i> Contemporary images of ochlocraty	11
<i>Velikaya N., Gambashidze I.</i> Party competition at local elections as a factor of perfectibility of democratic process	25
<i>Anisimov R.</i> The forming of the institution of Russian Federation at the epoch of Putin	39
<i>Popov V.</i> Political parties in the information space of electoral campaign of March 2007 (on the material of regional mass media)	52
<i>Korsunov A.</i> Corporate Social Responsibility in Russia: problems of legitimization	64
<i>Gudkov I.</i> Forming of regional legislatures: analysis of electoral behavior (example of Evenkiya region)	68
<i>Velmakin M.</i> The development of nonparty oppositional youth movements in Byelorussia	77
<i>Churkina O.</i> The evaluation of Internet-communications of Russian non-governmental organizations	86
<i>Chrienko A., Chrienko Al.</i> Electoral ratings as a tool of manipulating of the public opinion	99
<i>Zvetkova L., Bespolitov A.</i> Social differences as the factor of local community's activity	107
<i>Karimova A.</i> Region as the «roadmap» of globalization	126

<i>Matasova I.</i> Styles of management at the governmental and nongovernmental enterprises	141
<i>Kruchmalev A.</i> Different faces of xenophobes	153
<i>Lu Unyanuyan</i> Advertising as social process: Chinese specificity of outdoor advertising	180
<i>Goloseyeva A.</i> Towards the question of the types of cultural interaction in the epoch of globalization	186
<i>Krukovskaya A.</i> The trends of the theatre development in Modcow in the beginning of the XXI century	202

<i>Sheglova S.</i> Dialogue of cultures: the searching of universal ways to the childhood	212
<i>Gorbacheva V., Belyaeva J.</i> Civil marriage as matrimonial essential practice	218
<i>Petrushin I.</i> Undesirable pregnancy as the part of outstanding demographic potential	226
<i>Kuleshova A.</i> Lifestyle categories of the teenage group: subcultures, bellicosity, love	236

<i>Dubinina A.</i> Public opinion about situation in public health system in Russia	254
--	-----

<i>Tovkach M.</i> Sickness rate and conditions for it declining: regional aspects (example of Karelia)	264
<hr/>	
<i>Strelnikova A.</i> Incomplete using of sociological data: three levels of considering the problem	275
<i>Romanovsky N.</i> Key issues of the <i>History of sociology</i> course	289
Abstracts	309

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИКИ ОХЛОКРАТИИ*

Среди различных форм и видов политической власти охлократия является наименее исследованным феноменом, хотя в той или иной мере ее характеристики или отдельные проявления анализировались в связи эпохами, в которых происходили коренные социально-экономические и социально-политические изменения. Если говорить о ее сущности, то ее следует отнести к специфическим формам политического господства, которые обладают своеобразными чертами и характеристиками по сравнению как с традиционными видами власти (монархия), так и с особыми формами ее проявления [2, с. 13].

Немного истории

Представления об охлократии созревали постепенно. Следуя распространенной традиции, мы обращаемся к мыслителям античности. Среди известных нам философов хотелось бы упомянуть Платона (428/7–348/7 до н. э.) с его идеей о трех основных формах государственного управления: монархии, аристократии и демократии, каждая из которых в свою очередь делится на две формы. Монархия есть владычество одного и может быть законной (царь) или насильственной (тиран). Аристократия есть владычество немногих и может быть владычеством лучших или худших (олигархия). Что касается демократии, то она может быть законной или незаконной, насильственно-демагогической. По сути дела, Платон, характеризуя искажения демократической формы правления, в теоретическом плане обосновал некоторые проявления охлократии.

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ №07-03-00207а.

Идеи о деформированном демократическом строе развивал Аристотель (384–322 до н. э.). Охлократия, по Аристотелю, представляет собой извращенную форму демократии. Она, по его мнению, не представляет собой строго очерченную структуру: причисление к ней того или иного государства является всегда результатом учета различных признаков, которые зависят от субъективной трактовки ее сущности. Аристотель описывает Афины при Перикле и после него как такую форму правления, когда господствовала чернь; люди знатного происхождения систематически устранились от участия в делах управления; при назначении на должность решающую роль играла жеребьевка. И как неизбежный результат – расцвет деспотизма и беспорядки в управлении государственной и общественной жизнью. (Справедливости ради укажем, что другие мыслители видели в Афинах образец чистой демократии.) Вместе с тем Аристотель утверждал, что охлократии недолговечны, но весьма часто после себя оставляют такую форму правления, которую он относил к тирании.

Наиболее полно такую форму политического управления, как охлократия, обобщил древнегреческий историк Полибий (ок. 200 – ок. 120 до н. э.). Он применил эти идеи к конкретным формам правления в Древней Греции, Риме, Македонии, Малой Азии. Согласно его трактовке, охлократия (греч. *ochlos* – толпа, *kratos* – власть) проявляется в бессмысленности, произволе, мародерстве и беспределе по отношению к чести и достоинству людей [12].

Признаки охлократии можно найти в Римской империи, когда армия возводила на престол или свергала с него по своему усмотрению, вернее, усмотрению заговорщиков.

В дальнейшем к объяснению данного феномена обращались исследователи поздней античности, а затем эпохи Возрождения. К фактам проявления охлократических тенденций относят отдельные периоды французских революций 1789 и 1848 гг., когда толпа выбирала всех важнейших должностных лиц. Как охлократию некоторые исследователи называют Парижскую коммуну 1871г., когда такие исторические акты, как введение всенародного голосования, провозглашение роли труда в общественной жизни, сочетались с такими актами, как расстрел неорганизованной толпой генералов Леконта и Тома.

В XIX – начале XX в. это понятие использовалось консервативными течениями, выступавшими против предоставления избирательных прав всем людям, против социальных гарантий, а также предостерегающими о катастрофических последствиях

пролетарских революций. В этот период охлократию пытались осмыслить и как отсутствие продуманной политики в осуществлении власти, и как спонтанные, стихийные и разрушительные формы поведения людей в условиях, характеризующих напряженность в государственной и общественной жизни. В трудах ученых неоднократно отмечалось, что охлократия представляет опаснейшее социальное явление, которое несет бесчисленные бедствия для большинства населения, так как в условиях расстроившегося общественного организма невозможно говорить даже об элементарных гарантиях прав и свобод людей.

XX век в свою очередь внес свою лепту в проявление охлократии. Это периоды революции 1917 г., время гражданской войны в России, роль толпы в установлении фашистского режима в Германии, гражданская война в Испании и т. д. Как показывает анализ, эти охлократические явления являлись промежуточной формой в борьбе за власть после падения старого режима и до его замены более устойчивым и более или менее организованным [1].

В конце XX – начале XXI в. внимание к этому феномену возросло в связи с многочисленными событиями в мире и в конкретных регионах и странах, которые привели к дестабилизации ситуации [7]. Если рассматривать сложившуюся практику современных форм охлократии, то следует признать, что *самостоятельной формой осуществления политической власти охлократия практически не выступает*. Но она существенно дополняет политические режимы, особенно те, которые находятся в кризисном или переходном периоде. Проявление охлократических тенденций всегда означало фактический кризис власти, критическое состояние политической системы, существующего политического режима. Поэтому мы остановимся на характерных чертах современной охлократии, ее специфических особенностях.

Основные черты охлократии

Основными характерными чертами охлократии являются демагогия, авантюризм, популизм. Ей присуща изменчивость политического курса, непредсказуемость и импульсивность политических акций. Охлократия максимально упрощает сложные общественные проблемы, часто использует провокации, разжигает массовые страсти, провоцирует скандалы. Ее опорой, как правило, выступают маргинальные и люмпенизированные слои населения, неудовлетворенные своим социальным положением

Ж.Т. Тощенко

и готовые к неконтролируемым действиям (убийства, бессмысленное уничтожение материальных ценностей, насилие). Как утверждает Г. Лебон (1841–1920), для личности охлократа характерны недостаток воображения, политический кретинизм, жажда благ и всевозможные авантюристические проекты [4].

Охлократия часто вступает в свои права в переломное время, в критические для общества периоды. Как кризис общества всегда имеет пределы, так и охлократия характеризуется нежизненностью и недолговечностью. В большинстве случаев неустойчивость и недолговечность охлократии ведут к ухудшению общественной ситуации – выход из нее очень часто заканчивается диктаторскими или олигархическими формами правления [3]. Историческими примерами охлократии является Смутное время в России в начале XVII в., отдельные периоды гражданских войн, народные восстания в древнее время и Средние века, а также периоды смены общественно-политических отношений в условиях трансформирующихся обществ. Однако ярко выраженных форм охлократии существовало не так уж много. История знает больше примеров деформированных, частичных форм охлократии, которые нередко уживались с другими формами политической власти, проявлялись на тех или иных участках общественной жизни, в те или иные периоды кризисного состояния общества в отдельных регионах или частях государства.

В научной литературе имеется спорная точка зрения, трактующая *охлократию как одну из характеристик массового общества* [8, а также: Э.Г. Соловьев, 2000]. Эта точка зрения исходит из того, что синонимом охлократии является авантюристическая деятельность и настроения некоей совокупности политических деятелей и организаций, не обладающих ответственностью за свои поступки и поступки ведомых ими людей. Согласно этой точке зрения, эти силы в массовом обществе исповедуют «анти-системные» воззрения и провоцируют самого различного рода конфликты – расовые, этнические, конфессиональные, социальные и т. п. Несмотря на некую схожесть эти явления нельзя отождествлять: охлократия символизирует особое состояние политической власти. В этой связи для социологии, и особенно политической, важно выявлять элементы неуправляемости, отсутствие авторитета власти, ее невозможность справиться с нарушениями прав и свобод людей.

Важным показателем охлократического состояния политической жизни является *неверие людей в способность власти справиться с социальными и экономическими проблемами* и на

этом фоне появление стремления справиться с возникающими трудностями самим или с помощью стихийно возникших организаций. В этих условиях обнаруживается желание части людей обратиться за помощью и поддержкой к криминальным силам или пойти на стихийные акции протеста, вплоть до самосуда, отказа от участия в голосовании, в соблюдении нормативных требований во взаимоотношениях человека и государства начиная от отказа от уплаты налогов до отказа соблюдать требования по квартплате. Многие социологические исследования в России в 1990-е годы фиксировали падение авторитета всех ветвей политической власти, всех ее представителей с четкой переориентацией на личные и групповые (корпоративные) ценности, нередко носящие противоправный характер.

Если обобщить имеющиеся определения охлократии, то можно сказать, что охлократия означает: 1) *власть социально-политических групп, использующих популистские настроения и ориентации населения в крайне примитивных формах*, что создает условия для произвола и беспорядка во всех сферах общественной жизни; 2) *ситуацию беспорядков, мятежей, погромов*, побуждающих низменные устремления к бессмысленным разрушениям, безрассудным убийствам и произволу, попранию всех гарантий жизни человека.

Механизм действия охлократии

Среди средств, используемых охлократией, следует отметить неконтролируемое и беспредельное использование насилия. Оно проявляется в самых различных формах.

Прежде всего, это *поведение толпы*, которая может крушить правых и виноватых, потому что ее воображаемые враги являются для нее главным препятствием для устранения ее бед [6, с. 9]. Обычно толпа не имеет никаких целей – ее действия направлены на тех, кто мешал ей жить, т. е. в своем поведении она обращена «назад», не имея никаких конструктивных планов «вперед». Поэтому ее ведущими могут стать произвольно заявившие о себе демагоги, просто крикуны и даже преступные элементы. Это потом толпа поймет, что не того выдвинула. Но при больших потрясениях энергией толпы пользуются и политические кланы, которые направляют эту разрушительную силу против своих соперников. Обстановка охлократизма порождает маленьких и больших «вождей» и оракулов, претендующих на власть, отличную от других. Поэтому неудивительно, что в пери-

Ж.Т. Тощенко

од революций, восстаний, любых общественных потрясений, гражданских войн появляются десятки и сотни различных объединений, которые преследуют самые разнообразные цели – от политических до конфискационных. Нередко эти цели переплетаются между собой, образуя своеобразные «кентавры», которые обычно умирают по мере стабилизации обстановки в политике и экономике. Так было в период Великой смуты в начале XVII в. при переходе власти от Рюриковичей к Романовым, когда пытались узурпировать власть Лжедмитрий I и Лжедмитрий II, боярин Шуйский, не считая большого количества соперничавших групп, стремившихся вырвать друг у друга власть и соответствующие ей привилегии.

Нечто подобное, но в другой «упаковке» появилось в период гражданской войны в России в 1918–1922 гг., когда возникло огромное количество разных «республик», самостийных отрядов и просто банд, в результате чего долгое время на большей части территории страны царил беспредел, ибо правила и нормы поведения устанавливались теми, кто в данном случае и на данном месте имел власть.

Стоит отметить *организованное насилие*, осуществляемое толпой и в то же время в той или иной мере направляемое властью или оправдываемое ею. Речь идет о погромах, систематически возникавших в период напряженностей во внутренней и внешней политике. Всем известны еврейские погромы накануне и в период революции 1905–1907 гг., во время Гражданской войны. Гораздо меньше известно о погромах немецкого населения в период Первой мировой войны.

Одним из приемов направлять ярость толпы и отвлечь от насущных социальных проблем был поиск врага, на которого можно было свалить все неудачи и все проблемы [5]. В Средние века применялся такой метод, как расправы над ведьмами, которых обвиняли во всех несчастьях, неудачах и проблемах повседневной жизни. Переключить внимание с богатых и правящих на такое зло было излюбленным приемом в течение нескольких веков. Начатые в 1487 г. расправы по наущению церкви после издания «Молота ведьм» вылились в масштабную охоту на «нечистую силу», которая охватила все без исключения европейские страны и продолжалась до 1826 г., когда в Испании сожгли последнюю ведьму (*Осипов С. Люди в зазеркалье //АиФ. 1998. № 33*).

Однако нередко эти рецепты локальных расправ над отдельными людьми использовались для распространения актов насилия до масштабов национальной трагедии. Их надо отли-

чать от локальных охлократических моментов, таких как поведение болельщиков на стадионах, которые бурно переживают победу или поражение любимой команды. Их нарушения спокойствия повседневной жизни терпимы до тех моментов, когда начинаются провокации с целью дестабилизации общественного порядка. Но гораздо опаснее, когда начинается сознательное провоцирование и дестабилизация общественного порядка [11]. Назовем примеры социально-психических эпидемий только в XX в. Это массовый психоз, охвативший все европейские страны в период Первой мировой войны. Это массовая мобилизация общественного сознания на поддержку гитлеровского режима. Это массовый психоз в США в 1950-х гг., порожденный страхом перед советской водородной бомбой плюс отчеты по расследованию антиамериканской деятельности, которые породили хорошо организованную «красную панику». В XXI в. к этому добавилась организация «оранжевых революций». Эти примеры можно продолжать как по отношению к отдельным странам, так и отдельным эпохам.

Рецепты провоцирования современных социально-психических эпидемий известны давно: надо создать образ врага и перекрыть или дискредитировать альтернативные источники информации. Иначе говоря, охлократические проявления можно организовывать искусственно и использовать в своих как светских, так и духовных целях [10].

Для раздувания охлократической идеологии нередко использовалась произвольно трактуемая история, когда под влиянием источников формировалась искаженная историческая память. Чего, например, стоят проблемы, сформированные украинскими националистами для противопоставления истории русского и украинского народов. Немало спекуляций по поводу Кавказской войны в XIX в., история которой служит основой для организации всяких провокационных действий политических сил, использующих толпу в своих корыстных целях.

В связи с анализом механизма действия охлократии стоит особо остановиться на функциях СМИ, когда они сознательно выполняют заказ по дестабилизации политической обстановки. Свобода слова, свобода печати в конечном счете свелась к тому, что эта свобода стала доступна только тем, кто владел средствами массовой информации или кто имел доступ к ним. В результате СМИ превратились в орган по реализации узкогрупповых политически и экономически ангажированных инструментов проталкивания такой позиции, которая была выгодна собственнику.

Ж.Т. Тощенко

Особо следует сказать о таком феномене, как *самозванство*, которое может приводить к серьезным катаклизмам, использовать желания толпы для достижения действительных и мнимых целей. К таким проявлениям можно отнести восстание Пугачева, выступившего под именем царя Петра III против «коварной нашей супруги Катьки» (императрицы Екатерины II). Попытками самозванства была эпоха русских революций и особенно в связи с гибелью семьи Николая II. Историю таких самозванцев поведала «Неделя». Оказывается, уже через год после расстрела царской семьи в Сибири объявился юноша, очень похожий на царевича Алексея и назвавшийся им. По приказу адмирала Колчака с ним побеседовал француз Пьер Жийяр, бывший воспитатель наследника царского престола, и выяснил, что юноша не знает французского языка. Среди самозванцев оказалась и Степанида Тишкавцева, назвавшая себя чудом спасшейся женой Николая II Александрой Федоровной, за что поплатилась 10 годами лагерей в 1946 г. Интересно, что такую молву поддерживали люди, которые, по мнению автора статьи, не столько верили, сколько ностальгировали о прошлом: среди них были бывший кулак, члены семей репрессированных людей. То есть они были изгоями советской власти и хотели на что-то надеяться или, по крайней мере, сожалели об утраченном. Спекуляций на тему этой семьи было предостаточно. В 1938 г. в Германии был начат суд по иску некоей Анны Андерсон о признании ее великой княжной Анастасией Романовой. Этой же Анастасией пыталась назваться летом 2002 г. 101-летняя Наталья Билиходзе, как «спасшаяся от расстрела в доме Ипатьевых великая княжна Анастасия» [14].

Охлократия на постсоветском пространстве

Крах Советского Союза породил самые разнообразные, в том числе и охлократические, явления.

Прежде всего, *это стихийные или дезорганизирующие действия, осуществляемые посредством толпы*, которая способна сотворить самые невероятные действия для создания безвластия, отсутствия вразумительного организационного начала, готовая на любую расправу с любым лицом, органом, который покажется врагом, и в то же время не способная создать хотя бы относительно устойчивый общественный порядок. Идеологией толпы становится популизм, заигрывание и потакание низкопробным потребностям. Для нее характерна крутая смена наст-

роений и ориентаций, попытки подчиниться и действовать согласно абсурдным началам [15].

Другой лик охлократии представляют режимы, порожденные мутной *националистической волной*, когда бал в ряде республик правили те, кто свой прорыв к власти осуществлял, используя самые низкопробные чувства и настроения социальных дегенератов и ущемленных судьбой людей. В Грузии они шли под лозунгом «Грузия для грузин», в Азербайджане – «Русские – в Рязань, татары – в Казань», в Молдавии – «Чемодан, вокзал, Москва». Режимы Гамсахурдиа в Грузии, Эльчибея в Азербайджане, Мирчи Снегура в Молдавии пришли к власти на волне восставшей черни, которая сметала все советское (его синонимом было все русское). Но как только та же чернь увидела, что от ее новоявленных вождей нет никакого прока, она также быстро отвернулась от них, и они также стремительно потеряли власть, как и приобрели ее [13].

Особую лепту в охлократию внесла *Чечня*, когда пришедшие к власти на волне требований независимости не смогли совладать со своими подопечными (каждый тейп имел свои вооруженные отряды, не подчиняющиеся так называемой центральной власти). Получили распространение такие формы беспредела, как грабежи всех и вся, похищение людей, захваты заложников, махинации с финансами (в том числе и с российскими авизо), массовое изгнание и расправа над нечеченским населением. Шайка политических жуликов не могла (и не хотела?) справиться с этими явлениями, и даже самые, казалось, честные из них, как второй президент Чечни Масхадов, скатывались на путь обыкновенного бандитизма, руководствуясь не столько идеями, сколько возможностями править без всяких правил.

Наиболее наглядно охлократические тенденции проявились в *ельцинскую эпоху*. К концу его правления Россия постепенно превращалась в конгломерат «удельных княжеств», которые все меньше зависели от Москвы. Более того, Москва подчинялась правилам игры региональных вождей. По России прокатилась волна установления особых договорных отношений сначала между республиками (инициатором был Татарстан, который стал де факто государством в государстве со своим особым суверенитетом), а затем с областями и краями. Таких договоров было заключено более 40, т. е. почти с половиной субъектов Федерации. В результате Россия превратилась в некое аморфное образование, которое теряло всякую управляемость. Следствием этого стали развал промышленности, стремительное падение обороноспособности, нищета экономической базы [16].

Ж.Т. Тощенко

В результате бездействия президента, месяцами не появлявшегося на работе, произошло, по меткому выражению В. Никонова, «обнуление государственной власти», результатом чего «стало разрушение системы выработки, принятия и реализации политических решений, госмеханизм перестал нормально функционировать» (Никонов В. Безвластие // Известия. 1998. 20 окт.). Страна шла вразнос, охлократические проявления все больше и больше стали господствовать в политической и экономической жизни страны.

Охлократия проявилась и в огромном числе появившихся партий. В середине 1990-х годов их число доходило до 200, а с учетом региональных, республиканских, областных и краевых – до 5000. Амбиции и попытки надуть себя до серьезных политических партий били через край. Только в парламентских выборах 1996 г. в списки для голосования было внесено 43 партии при почти 20 отказах и при 50 претензий на возможность включения. Появилось много претендентов на партии с национальным и религиозным уклоном. Кошмар политических авантюристов – больших и маленьких – свидетельствовал о том, что политическое покрывало России разрывалось на куски, появилось огромное количество претендентов на лидерство, на вождизм. Характерно в этом случае поведение либералов. Не удовлетворяясь существованием некогда единой партии «Демократический выбор России», а затем «Выбор России», почти каждый либеральный деятель считал за долг организовать свою партию. Имели свои партии и Гайдар, и Немцов, и Хакамада, и Юшенков, и Кириенко, и другие деятели, которые, создав «кухонные» партии, пытались доказать свое величие, когда страна шла вразнос, когда нарушалось функционирование общественной и политической жизни, рос уровень несогласованности и неупорядоченности государства. В этой охлократической ситуации реально возникла опасность, что Россия может пойти по пути Советского Союза, перестав существовать как единое целое.

Эта ситуация безответственности и хаоса дополнялась поведением лидеров политических партий, умудрявшихся свалить все воедино – и большое, и малое, и значимое, и повседневное, и то, к чему стремятся люди, и то, что хочет эта партия и ее «вождь». Вот очередная презентация сольного альбома В. Жириновского «Настоящий полковник». На вопрос корреспондента, чему посвящена данная акция, он слышит ответ: «Посвящена она нашему протесту против празднования коммунистами годовщины Ленина, против юбилея НАТО, а также девятому съезду ЛДПР и моему дню рождения» (Комсомольская правда. 1999.

24 апр.). От подобных утверждений у людей возникает ощущение полного ералаша, взаимоисключающие ориентации и оценки, которые порождают (и не могут не породить) охлократические действия.

О том, что реален распад России в отсутствии целенаправленного управления, свидетельствуют попытки *организовать самостоятельные части управления отдельными регионами России*. Так, начала формироваться Уральская республика, которая даже напечатала свои денежные знаки. Были осуществлены попытки (помимо Чечни) создать Северо-Кавказскую федерацию. Нашлись апологеты и Дальневосточной республики. Такая ситуация могла привести к краху, и поэтому вполне оправданы усилия Путина, направленные на создание вертикали власти.

Охлократизм российской действительности проявился в таком феномене, как *семибанкирщина* (аналогично Великой смуте начала XVII в., когда страной заправляла семибоярщина), суть которой свелась к тому, что Россией на деле стала править кучка олигархов, которые распилили страну и намеревались руководить ею на правах сильных мира сего. Этой уверенности им добавила их поддержка избрания Ельцина президентом России в 1996 г., когда тот согласился на все условия, поставленные ему.

Показателями расстройтва государственного механизма и погружение его в пучину беспредела стали волна убийств по экономическим и политическим причинам, рост преступности и появление такого специфического феномена, как похищение людей (только в 1997 г. было зарегистрировано 1415 таких случаев) (*Блоцкий О. Бизнес на крови // Известия. 1998. 10 июня*).

Кто такие современные российские охлократы?

Прежде всего, это *политические руководители России во главе с Ельциным и его постоянно меняющейся командой*, которые принимали противоречивые и губительные для страны решения, повергшие ее в экономический и политический кризис. На экономическом направлении было сделано столько ошибок, что по страшным последствиям они превзошли уроны Великой Отечественной войны: такого падения производства не знала Россия в период самых опасных периодов войны с фашизмом. Это было дополнено безграмотными, поспешными и авантюрными решениями по либерализации цен и приватизации. Огромным уроном для государства обернулись залоговые аукционы. Все лакомые куски государственной (общенародной) собственности

Ж.Т. Тощенко

были расхвачаны теми, кто находился у власти, и расторопными людьми, разного рода кидалами, создавшими миллиардные состояния в условиях экономического беспредела. Не меньший беспредел был осуществлен и на социальном фронте. Миллионы людей в одночасье потеряли свои сбережения. И в то же время их кормили обещаниями, что вот-вот все наладится. В начале 1992 г. люди слышали от Ельцина, что к осени все будет успешно решено. О том, что России ничто не угрожает на экономическом и финансовом фронте, он говорил за несколько дней до августовского дефолта 1998 г.

Не менее впечатляющи и шарахания на внешнеполитическом поприще. В период югославского кризиса Ельцин пригрозил Клинтону всяческими неприятностями, заявил, что тот еще пожалеет о содеянном, чуть не назвав его военным преступником. А затем Россия «героическими» усилиями помогла НАТО выиграть войну, сдав по всем параметрам своего союзника, проиграв все, что можно поиграть. В целом Ельцин и его приспешники создавали впечатление «полной расстроенности властного механизма. Никто не просчитывает краткосрочных, не говоря уже о долгосрочных, последствий предпринимаемых шагов. Разрыв между риторикой и реальной политикой велик как никогда. Если и существует механизм принятия решений, то принцип его работы – от фонаря». Разве это не воплощение охлократии? (Никонов В. Несознанка // Известия. 1999. 22 июня).

Далее, это *политические демагоги*, которые отвергают все и вся, особенно что касается советской истории, и строят свои предложения на: а) полной ориентации на политические режимы западных стран (А. Козырев, К. Боровой, А. Илларионов), игнорируя реальность, свидетельствующую о том, что копирование чужих правил и норм не только не приносит пользы, но и противопоказано России; б) доказательстве полезности и важности возрождения монархической России или православного царства как панацеи от всех бед при беспредельной идеализации того, что было при царских режимах (А. Дугин); в) некоторых абстрактных пожеланиях, очень привлекательных для авторов, но непонятных для большинства россиян (Г. Явлинский).

Еще одну группу охлократов представляют *политические авантюристы*, рвущиеся к власти и пользующиеся любой возможностью засвидетельствовать свое желание порулить Россией. Так, правым силам была предоставлена возможность проявить себя на российском и международном поприще. Но они (Е. Гайдар, А. Чубайс, Б. Немцов, И. Хакамада) повергли Россию в такой хаос, что народ отказал им в праве говорить от его имени

уже в середине 1990-х годов. Амбиции их были настолько велики, что каждый из них организовал свою партию, считая, что именно он может спасти страну. Своими действиями они породили хаос, неразбериху, нарушив все прежние экономические связи и не создав новых.

Российская действительность в постсоветской России постоянно рождала *стихийных авантюристов*, которые, будучи нередко связаны с криминальными силами, постоянно претендовали на власть, собираясь кроить Россию по своему разумению. Такими лицами были криминальный авторитет Клементьев, избранный мэром Нижнего Новгорода, некто Донской, заявивший о своем желании баллотироваться на пост президента России. К крупным авантюристам относят и М. Ходорковского, которого перестало удовлетворять положение самого крупного олигарха России и у которого возникло желание приобрести и политическую власть.

В последние годы возник еще один тип охлократов – *творцов спецпроектов*, когда используется толпа для захвата политической власти. Причем эта толпа не стихийная, а организованная, подготовленная по всем канонам психологической войны. Сценарий с искусственным, но умелым использованием толпы опробован в Сербии для свержения режима Милошевича, в Грузии – для свержения Шеварднадзе и на Украине, когда толпа на майдане стала весомым аргументом для захвата власти оранжевыми силами.

Стоит упомянуть и такие проявления охлократии, как *самозванцы, организаторы погромов или внесудебных преследований по националистическим и другим ксенофобным установкам*, которые создают атмосферу беспредела при бездействии закона и разжигают ненависть и вражду.

Если подвести некоторые итоги, то можно сказать, что охлократия – это не просто и не только власть толпы. Это отражение позиций наиболее маргинальных слоев, с одной стороны, и амбициозных политических деятелей – с другой. Это отсутствие концепции развития, что было характерно и для Горбачева, и для Ельцина, и в определенной степени касается и Путина. Особенно, если речь идет о перспективе, о долгосрочном предвидении. Это желание нравиться не только своей толпе, но и посторонней силе. Распад СССР и появление новой России характеризовались дикой некомпетентностью, вопиющей ограниченностью, необъятной амбициозностью и, главное, отсутствием чувства реальности. И при этом боязнь народа, его настроения, которые пытаются заглушить всяческими подачками и «щедрыми» обещаниями.

1. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
2. *Вятр Е.* Лекции по политологии. Типология политических режимов. М., 1991.
3. *Дюверже М.* Ностальгия бессилия. М., 1990.
4. *Лебон Г.* Психология народов и масс. М., 1993.
5. *Маккей Ч.* Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы. М., 1998.
6. *Московичи С.* Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.
7. *Ортега-и-Гассет.* Восстание масс. М., 1993.
8. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1998.
9. Психология толп. М., 1998.
10. Преступная толпа / Сост. А.К. Боковиков. М., 1998.
11. *Стародубский Б.А.* Политические режимы европейских стран. Свердловск, 1989.
12. *Тощенко Ж.Т.* Охлократия // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003.
13. *Тощенко Ж.Т.* Три особенных лица власти. М., 2003.
14. *Филитов В.* Как поймали «жену Николая II» // Неделя. 1998. 17 нояб.
15. *Цуладзе А.М.* Политические манипуляции, или Покорение толпы. М., 1999.
16. *Шпак Л.Л.* Власть толпы. М., 1993.

Н.М. Великая
И.А. Гамбашидзе

ПАРТИЙНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ НА ВЫБОРАХ МЕСТНОГО УРОВНЯ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Присоединение России в 1998 г. к Европейской хартии местного самоуправления потребовало активизации политики в области реализации прав граждан РФ на местное самоуправление.

Заметим, что местное самоуправление рассматривается в современной политической социологии, политологии и политической практике как один из атрибутов демократического государства и как одна из институциональных гарантий демократии [1].

Европейская хартия местного самоуправления, принятая в виде конвенции Комитетом министров Совета Европы в июне 1985 г., – конечный результат целого ряда инициатив и многолетней работы в рамках Совета Европы, целью которой является выполнение общеевропейских нормативов определения и защиты прав местных органов власти, ближе всего расположенных к гражданам и предоставляющих им возможность активно участвовать в принятии решений, затрагивающих их повседневную жизнь.

Практически все страны Европы, включая Российскую Федерацию, подписали Европейскую хартию местного самоуправления и строят местную власть в соответствии с принципами местной автономии, изложенными в ней [2, с. 6–7].

Основные организационные модели МСУ в городских поселениях в Европе основываются на нескольких возможных сочетаниях трех традиционно устойчивых элементов системы муниципальной власти и управления: представительного органа (муниципального совета, думы, собрания), исполнительного органа (местной администрации, мэрии, префектуры, исполкома), высшего должностного лица (мэра, председателя Совета, главы МО, управляющего).

Практический опыт позволяет выделить следующие основные модели МСУ.

1. Совет (Дума, Собрание) – мэр (глава города). Модель предусматривает разделение полномочий между представительными и исполнительными органами городского самоуправления. В зависимости от полномочий мэра различают два варианта модели:

1.1. Совет и «слабый» мэр, где мэр избирается муниципальным Советом и является членом Совета. Он подконтролен и подотчетен Совету. Такая модель в РФ обычно присутствует на уровне сельских поселений и городских районов;

1.2. Совет и «сильный» мэр, где мэр избирается населением, формирует администрацию, обладает всей полнотой исполнительной административной власти, имеет право накладывать вето на решение Совета. Совет в рамках этой модели принимает решения, имеющие обязательную силу, утверждает или отклоняет проект бюджета, регламентирует управление городским хозяйством. Эта модель, как правило, существует в областных и районных городах. Причем до административной реформы более чем в 3600 муниципальных образованиях 37 субъектов РФ избранный населением глава администрации входил в состав представительного органа и был наделен правом председательствовать на его заседаниях.

Можно также отметить, что в РФ были распространены такие формы, как «сильный мэр – сильный Совет», «слабый мэр – сильный Совет». Принятие той или иной формы зависит главным образом от позиции региональной власти. Так, если в Самарской области мэры традиционно избираются населением, то в Саратовской – избираются из членов Совета и утверждаются губернатором. Такая же система была в республиках Татарстан, Мордовия, Калмыкия, Удмуртия, Северная Осетия, Курской области.

2. Модель «Совет – управляющий» и «Совет – менеджер» практически не получила распространения в РФ. В этом случае Совет состоит из депутатов, избранных населением, определяющих общий политический курс муниципалитета. При данной форме должность мэра может вообще отсутствовать или же мэр выполняет исключительно представительские функции и председательствует на заседании Совета. Исполнительная власть сосредоточена в руках управляющего, отношения которого с Советом строятся на контрактной основе и он может быть освобожден по решению совета.

3. Муниципалитет (исполком) – комиссия форма. При такой модели население избирает депутатов, которые образуют муниципалитет, одновременно являющийся представи-

тельным и исполнительным органом. Решения принимаются депутатами коллегиально, а каждый член совета возглавляет орган административного управления (какое-либо подразделение). Такая модель существует в России в небольших сельских поселениях.

После принятия нового закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2003 г. на повестку дня встала очередная реформа МСУ, которая началась в 2004 г. и должна быть завершена к 2009 г. В результате проводимой с 2004 г. реформы органов власти¹ создается двухуровневая система МСУ, сокращается общее количество муниципальных образований, формируется жесткий закрытый перечень вопросов местного значения для каждого вида муниципальных образований, который является обязательным к исполнению, сокращается численность депутатского корпуса представительного органа МСУ.

На формирование органов местного самоуправления оказала влияние и трансформация партийной системы, связанная с изменением законодательства о выборах и о партиях. 5 августа 2005 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации». Изменения внесены в девять законов и в четыре кодекса, в частности в Федеральные законы «О политических партиях» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». По сути весь 2006 г. стал временем освоения новых правил игры в избирательном процессе и во многом позволил внести коррективы в работу политических партий по участию в выборах в региональные парламенты Российской Федерации и в органы местного самоуправления.

Согласно новому законодательству, у политической партии должно быть не менее 100 региональных групп, а численность регистрируемой партии не должна быть ниже 50 тыс. человек, при этом более чем в половине субъектов РФ политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее 500 членов.

Региональные отделения политических партий получили право создавать собственные избирательные фонды, которые должны будут работать вместе с избирательным фондом политической партии по правилам, установленным законом.

Для нас же очень важным представляется новелла, которая закрепляет право местных отделений политических партий

выдвигать своих кандидатов на муниципальных выборах, что дает основание говорить о возможностях развития партийной системы и на местах.

Полагаем, что становление партийной системы на региональном и местном уровнях является важным сдвигом на пути формирования гражданского общества в России. Как бы ни критиковали партии, пока они остаются наиболее эффективным институтом, обеспечивающим смену власти, властных элит и защиты политических и гражданских прав. Поэтому анализ их деятельности остается актуальнейшей задачей в рамках политических исследований.

Отдельный интерес представляет деятельность партий на местном уровне, так как реальность (а не фиктивность) институтов гражданского общества проявляет себя именно на местах, в повседневной работе по защите интересов граждан. Помимо этого, как справедливо заметил А. Кынев, именно отношение населения к местным выборам может служить лучшей иллюстрацией состояния взаимоотношений власти и общества, отражать реальную степень развитости социальных сетей на той или иной территории. Оно в не меньшей степени, чем «идеологические» голосования на федеральных выборах, характеризует реальное состояние массового сознания, особенности политической культуры, реальную легитимность институтов управления [9].

Заметим, что теперь местные отделения фактически признаются субъектами избирательного процесса, хотя ранее возникали сомнения относительно того, вправе ли вообще местные отделения выдвигать кандидатов. В законе уточнено, что к числу избирательных объединений относятся политические партии, их региональные объединения и иные структурные подразделения, определенные в уставе партии. К иным относятся прежде всего местные отделения, а также первичные, районные, которые теперь также могут участвовать в выборах. Причем они вправе участвовать в выборах без создания юридического лица. Но, заметим, чтобы они смогли реализовать это право, необходимо, чтобы их данные были у органов юстиции.

Решение о выдвижении списка партии и кандидатов на местных выборах вправе принимать не только общее собрание или конференция местного отделения, но и иной региональный орган, предусмотренный уставом.

Таким образом, политический процесс определяется тенденцией к идеологизации избирательных кампаний, а сами выборы и на региональном, и на местном уровнях могут проходить по пропорциональной и по смешанной избирательной системе.

Возможность голосовать по партийным спискам на муниципальных выборах предусмотрена законами 18 регионов. К началу 2006 г. смешанная (мажоритарно-пропорциональная система) и пропорциональная избирательные системы использовались на выборах в 53 муниципальных образованиях восьми субъектов РФ: в Красноярском крае, в Волгоградской, Нижегородской, Сахалинской, Томской, Тульской, Читинской, Саратовской областях. Наиболее активно списки регистрировались в крупных городах, в то время как в сельских муниципальных образованиях только две партии выдвигали свои списки – «Единая Россия» и КПРФ [3, с. 157–166].

Результаты первых муниципальных выборов, прошедших уже в соответствии с новым законодательством, позволяют сделать некоторые выводы о адаптивности новых механизмов.

Первое. В выборах местного уровня приняли участие чуть более 35% избирателей, что подтверждает давно проявившуюся тенденцию российского политического процесса: явка на выборы тем меньше, чем ниже избираемый уровень власти. При этом явка на местных выборах выше в сельской местности, чем в городах. Наименьшую электоральную активность продемонстрировали жители Сахалинской области (22,65%). Там же был зафиксирован и самый высокий уровень протестного голосования, который составил 21,23%. Среднее количество избирателей, проголосовавшее против всех, составило по 6 регионам 15%. Эти цифры вполне сопоставимы с результатами выборов в предыдущие годы.

Второе. Выборы продемонстрировали укрепление позиций «Единой России» в региональных и муниципальных законодательных собраниях. Так, на выборах 2005 г. «Единая Россия» до 80% голосов набрала в Татарстане и Саратовской области. Эти выборы проходили по старой избирательной модели, т. е. по одномандатным округам, но выдвигались кандидаты и от партий. При этом в Татарстане в 83% округов выборы проводились на безальтернативной основе (выборы проходили 16.10.2005 г.); в 25 округах единственный кандидат не набрал нужные для избрания 50% голосов плюс один голос, а в 56 округах победил кандидат «против всех». Это, конечно, сеет сомнения в честности и справедливости проведенных выборов, так как общественности дали возможность убедиться, что режим наибольшего благоприятствования создается только для одной партии – «партии власти», что и объясняет неправдоподобно высокий процент, полученный «Единой Россией» в ряде регионов. Порядка 30% «Единая Россия» набрала в Красноярском крае (апрель 2005 г.) и Тульской области (октябрь 2005 г.) (табл. 1).

Таблица 1

Выборы представительных органов власти МСУ в 2005 г.
(по пропорциональной системе)

Регионы / Партии	Красно- ярский край	Волго- градская область	Нижего- родская область	Тульская область	Саха- линская область	Томская область
«Единая Россия»	22,69	27,27	31,07	28,44	28,73	17,85
КПРФ	14,91	19,98	11,07	16,76	10,90	9,95
Российская партия пенсио- неров		1,1	15,02	7,75	16,29	19,42
«Родина»		12,54	6,77	13,76		1,98
ЛДПР	6,88	10,67	5,47	4,61	2,51	7,77
СПС	2,00	0,43	4,71	1,17		4,29
«Яблоко»	4,09	0,43				4,29
Российская партия жизни		1,26	1,67	0,87	2,71	0,94
Аграрная партия	0,91	10,32		3,94		
Общест- венные движения, блоки	12,84	2,25	1,75	0,41	9,79	

Стабильным и предсказуемым остается результат КПРФ, традиционно имеющей сильные партийные организации на местах. Коммунисты в разных регионах консолидировали голоса 9–20% избирателей. «Родина» на волне успешной избирательной кампании 2003 г. добилась неплохих результатов (от 8 до 12%), что, впрочем, спровоцировало местные власти инициировать снятие списка «Родины» в некоторых регионах. Думается, что именно «Родина» оттянула часть электората у ЛДПР, кото-

рая утратила свои позиции в Тульской, Нижегородской, Сахалинской областях, сыграв на националистических и великодержавных идеях.

Что касается «Яблока» и СПС, то они в большинстве регионов не прошли в городские и районные представительные органы, отчасти и потому, что не выдвигали своих кандидатов по одномандатным округам, списки выставляли не во всех муниципальных образованиях. Главным образом эти партии заявляли о себе в областных городах. Однако эти партии смогли преодолеть проходной барьер только в одном регионе.

Третье. Неожиданностью избирательных кампаний 2004–2005 гг. стали успехи некоторых партий, ранее числившихся в аутсайдерах. Речь идет в первую очередь о Российской партии пенсионеров, которая смогла получить 15% в Нижегородской, 7,75% в Тульской областях. Однако ее успехи послужили причиной развязывания кампании против руководства РПП, за чем последовало переизбрание руководящих органов партии, что затруднило ее дальнейшее участие в борьбе как значимого политического актора. Как свидетельствуют источники, к этой акции приложили руку определенные круги из Администрации Президента, поддерживающие единороссов.

Несомненно, что особая роль в практике организации МСУ принадлежит главе МСУ и способам его избрания или назначения. В соответствии с действующим законодательством наличие выборных органов местного самоуправления признается таким же необходимым атрибутом муниципального образования, как устав, бюджет и муниципальная собственность.

К 2003 г. в России сложилось видовое многообразие органов местного самоуправления и способов его избрания. Так, по результатам исследования, проводимого Институтом экономики города в 2003–2004 гг. [8], в 206 городах (95% от числа принявших участие в анкетировании) устав предусматривает выборную должность главы муниципального образования. Из них в 185 городах (91%) выбор главы осуществляется населением муниципального образования, в 15 городах (7%) – представительным органом местного самоуправления, 3% не ответили на вопрос. При второй модели представительный орган, как правило, назначает главу из своего состава, но в г. Гагарине Смоленской области глава назначается Думой на основе трудового договора с победителем конкурса на замещение должности.

В 8 городах (4%) должность главы уставом не предусмотрена: в этих городах деятельность по осуществлению местного самоуправления возглавляет иное должностное лицо, которое

Н.М. Великая, И.А. Гамбашидзе

назначается на контрактной основе представительным органом муниципального образования (в 7 городах) или органом государственной власти субъекта Федерации (в г. Уфе).

В результате проведения реформы сократилось количество муниципальных образований, где глава МСУ выбирается всем населением. Так, опрос, проходивший в 2004 г. в рамках действия ФЗ № 154, показал, что 91% от числа ответивших на вопрос, использовал модель прямых выборов глав муниципальных образований и только 7% выбирали главу из состава представительных органов. В 2% городов должность выборного главы муниципального образования вообще не была предусмотрена уставом, и деятельность по осуществлению МСУ возглавляло иное должностное лицо.

Закон № 131 жестче регламентирует состав органов МСУ, настаивая на избрании главы муниципального образования на всеобщих выборах. Но в переходный период данный закон, наоборот, расширяет права субъектов Федерации, чем они и воспользовались, минимизируя права населения на избрание главы МСУ. В результате в 2006 г. модель прямых всеобщих выборов реализовывалась только в 74% городов, а в 26% глава избирался из состава депутатов. Очевидно, что в условиях давления административного ресурса и возможностей администрации проводить своих людей в законодательные собрания, глава субъекта Федерации в большей степени стал контролировать и вопрос избрания главы муниципального образования.

Ряд субъектов РФ полностью перешли на избрание глав муниципальных образований представительными органами. Это Москва, Белгородская область, Кабардино-Балкария, Башкортостан, Марий-Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Таймырский и Эвенкийский автономные округа. В некоторых субъектах Федерации (Брянская, Ленинградская, Тамбовская, Тульская области, Еврейская АО) депутаты избирают глав всех сельских поселений. В целом доля прямых выборов глав муниципальных образований на май 2005 г. составила: в городских округах – 89%, во внутригородских территориях Москвы и Санкт-Петербурга – 2%, в муниципальных районах – 76%, в городских поселениях – 76% [6, с. 22–26].

Хорошей иллюстрацией к этому служат предложения по изменению законодательства, внесенные представителями партии «Единая Россия» в октябре 2006 г., предусматривающие отмену прямых выборов мэров в региональных столицах и поддержанные рядом губернаторов (в том числе Росселем, Боосом). Однако широкое обсуждение и протесты городских глав и ассо-

циаций муниципальных образований отложили рассмотрение этих поправок.

Необходимо отметить, что избирательные кампании глав муниципальных образований были масштабнее и гораздо более высокобюджетными, чем кампании депутатов представительных органов власти. Сами выборы, безусловно, носили более персонифицированный характер, чем выборы представительных органов.

При этом доля партийных выдвиженцев была ниже, чем среди кандидатов в депутаты. Кандидаты в главы муниципальных образований предпочитали в основном баллотироваться путем самовыдвижения. Однако в целом доля избранных глав, выдвиженцев от «Единой России», еще выше, чем среди корпуса депутатов.

Сравним ряд выборов мэров, проведенных в 2005–2006 гг. в городах в разных административных округах РФ, где партии принимали активное участие: в Самаре, Петрозаводске, Бийске.

Выборы 2005–2006 гг. отличались большим количеством кандидатов, участвовавших в кампании, при этом меньше было мифических и подставных кандидатов. Так, в Самаре на предыдущих выборах из 6 кандидатов двое были безработными, явно выставленными штабами наиболее вероятных кандидатов, а еще один кандидат снял свою кандидатуру в пользу Г. Звягина, самого сильного противника прежнего мэра [12] (см. табл. 2).

Таблица 2

Зарегистрированные кандидаты
на выборах мэров

Город, муниципальное образование	Количество кандидатов на предыдущих выборах	Количество кандидатов на выборах 2006 г.	Количество туров
Самара	6 (2001)	20	2
Петрозаводск	5 (2002)	8	1
Бийск	6 (2002)	11	2

Во всех трех округах партии заявляли о поддержке кандидатов, а в ряде случаев выдвигали их официально. Однако спектр партий, участвовавших в выборах мэров, невелик: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, Российская партия жизни, «Родина».

Из 8 зарегистрированных в Петрозаводске кандидатов только 3 были выдвинуты политическими партиями: Жириновский А.А. (Карельское региональное отделение Либерально-демократической партии России, дата рождения 25.02.1968, генеральный директор ЗАО «Хельстад»), Меркушев А.А. (Карельское республиканское отделение Коммунистической партии Российской Федерации, дата рождения 08.10.1952, слесарь-судосборщик ООО «Варяг»), Масляков В.Н. (Петрозаводское отделение всероссийской политической партии «Единая Россия», дата рождения 09.02.1960, действующий глава).

И еще один кандидат получил поддержку Российской партии жизни – В. Попов, которому был «нужен рывок к желаемому посту столичного градоначальника, и он одним ударом (объявлением союза с Партией жизни) решал сразу несколько своих ситуационных задач» [7].

В Бийске из 11 кандидатов 4 были поддержаны политическими партиями, «Единая Россия» поддерживала В. Тараду, а местное отделение КПРФ заявило о поддержке сразу двух кандидатов.

Единственным кандидатом, которого на выборах в Бийске выдвинула политическая партия, стал Евгений Скоморохов, член политсовета местного отделения Республиканской партии России. По мнению обозревателя altapress.ru (06.09.2006), особенностью выборов мэра в Бийске стало отсутствие (по крайней мере, видимое) жесткого административного ресурса. Отчасти это объяснялось тем, что исполняющая обязанности главы города Лидия Громогласова кандидатом в мэры не заявлялась.

В Самаре из 20 кандидатов 5 человек получили поддержку ЕР, РПЖ, Родины, КПРФ и Демократической партии России.

При этом часто вопрос о том, кого поддерживать, ведет к серьезным внутрипартийным конфликтам. И если в Петрозаводске с кандидатом от «партии власти» все было более-менее ясно задолго до выборов (вероятным кандидатом считался В.Н. Масляков), в Бийске же на это место претендовали двое – Сергей Тен и Валерий Тарада. При этом буквально за два месяца до начала избирательной кампании С. Тен неожиданно стал координатором по газификации Бийска от сибирского полпредства [13].

Показательными в этом смысле были выборы в Самаре в октябре 2006 г. «Единая Россия» долго не могла определиться, кого она будет поддерживать. Но в итоге региональное отделение под давлением центрального политсовета остановилось на кандидатуре действующего мэра Лиманского, оправдав свой имидж партии «действующей власти».

Лиманский работал в качестве мэра уже 9 лет, и, как показывали предварительные данные социологических опросов, почти половина опрошенных категорически отказывались голосовать за действующего мэра [4], считая его ответственным за развал городского хозяйства. Более того, в Самаре действовал общественный комитет, инициировавший досрочный отзыв мэра, однако подготовленные им документы избирком стабильно браковал и процедуру отзыва мэра не назначал. В «Единую Россию» действующий мэр вступил буквально перед самыми выборами, хотя на предварительном этапе обсуждения в качестве возможного кандидата, рассчитывавшего на поддержку ЕР, рассматривался заместитель председателя самарской Думы Виталий Ильин, который, напротив, вышел из «Единой России» в расчете на поддержку других политических сил.

Заметим, что кандидатура Лиманского практически расколола региональное отделение «Единой России», когда на внеочередной областной конференции эту кандидатуру поддержало 97 голосов против 75. Целая группа единороссов была против кандидатуры Лиманского. Они говорили о запущенности городского хозяйства и о слишком долгом пребывании Лиманского у власти, что противоречит определенным демократическим принципам [11]. В ходе этих споров из партии «Единая Россия» в Самаре вышли более 300 человек, включая депутатов городской и областной Думы, представителя Самары в Федеральном Собрании, чиновников городской и областных администраций, крупных бизнесменов.

Подобные проблемы были и на выборах мэра Екатеринбурга, когда сразу два члена «Единой России» выдвинули свои кандидатуры на этот пост, одним из которых был и старый градоначальник. К сожалению, сегодня политики, бизнесмены, ставящие своей целью политическую карьеру, вынуждены имитировать свою принадлежность к той или иной партии, что профанирует идею выборов, придает декоративность избирательному процессу.

Заметим, что 2007 год подтвердил наметившуюся тенденцию потери единороссами своих позиций на выборах глав региональных столиц. На выборах мэра в Волгограде 20 мая 2007 г. победу одержал кандидат от КПРФ. 31-летний кандидат от компартии, депутат областной Думы Волгоградской области Роман Гребенников, согласно данным городской избирательной комиссии, получил поддержку 32,47% избирателей. Второе место занял и. о. мэра, первый вице-мэр Волгограда Роланд Херианов, набравший 23,85%. Кандидату от «Единой России», депутату

Н.М. Великая, И.А. Гамбашидзе

Госдумы Василию Галушкину досталось лишь третье место, за него проголосовали 20,35% избирателей [10].

Тем не менее, несмотря на приведенные примеры, говорить о потере влияния «Единой России» преждевременно, так как региональные выборы продемонстрировали вполне приличный результат для единороссов. Однако в крупных городах определенные негативные тенденции для «Единой России» существуют.

Особенностями выборов в МСУ можно назвать:

1. профессионализацию депутатского корпуса. Почти треть участвующих в выборах являются действующими депутатами;

2. увеличение избирательных фондов;

3. обострение интриги выборов за счет вовлечения в борьбу партий;

4. идеологизацию избирательной кампании, которая связана с партийной поддержкой и использованием партийных программ;

5. обсуждение результатов и хода выборов в местном сетевом сообществе;

6. нехватку кандидатов и проведение безальтернативных выборов;

7. низкий уровень явки и высокий процент округов, где выборы не признаны состоявшимися в связи с преобладанием проголосовавших «против всех»;

7. сохранение влияния «административного ресурса», когда выборы определяются и контролируются исполнительной властью региона.

Безусловно, реформа идет только два года и пока рано делать выводы относительно того, как она повлияла на политическое участие населения. Однако очевидно, что более высокая явка традиционно наблюдается на выборах именно глав местных самоуправлений, чем в представительные органы. Что же касается взаимодействия органов МСУ с населением, то по сравнению с 2004 г. практически все его формы стали менее активными в 2006 г.: сократились практики сходов и собраний граждан, личные встречи депутатов с населением, работа в общественных приемных, ответы в прямом эфире и на страницах прессы [5, с. 81–82]. Как утверждают авторы исследования, на эту тенденцию не повлияло даже то, что за данный период улучшилось Интернет-обеспечение муниципальных образований.

Более того, вопреки целям реформы бюрократизация и отчуждение местной власти от людей усиливается, что влияет и на явку на выборы, вынуждая региональные власти вообще отменять порог явки.

Партийная конкуренция на выборах местного уровня...

В целом можно сделать вывод, что для РФ пока более предпочтительной является модель «сильный мэр – Совет», которая придает дополнительную легитимность избранной власти и предполагает персонализированную ответственность главы местного самоуправления за положение дел в муниципальном образовании.

Примечания

- 1 Реформа была разработана специальной комиссией под руководством Д. Козака и прошла детальное обсуждение на разных уровнях власти и управления.

Литература

1. *Даль Р.* О демократии. М.: Аспект-Пресс, 2000.
2. Европейская хартия о местном самоуправлении (Страсбург, 15 октября 1985 г. // Сборник Федерального и регионального законодательства по вопросам местного самоуправления. Ч. 1. СПб., 1999.
3. *Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е.* Пропорциональная избирательная система в России. М.: НИВ, 2005.
4. Данные анкетного опроса, проведенного кампанией UCPR с участием авторов. Самара, сентябрь, 2006 г.
5. *Пузанов А., Рагозина Л.* Отчуждение местной власти // Pro et Contra. 2007. № 1 (35).
6. Реформа местного самоуправления и выборы (публикации группы работников аппарата Центризбиркома РФ) // Журнал о выборах. 2005. № 3.

Электронные ресурсы

7. Интервью с В. Поповым // politika-karelia.ru (05.10.2006).
8. Исследование «Городское управление в современной России». Анкетный опрос для глав администраций или их заместителей. Опрос проводился в 217 городах, из них 52 относятся к большим (25 – центры субъектов Федерации), 43 – к средним, 122 – к малым. Время проведения исследования – июнь–октябрь 2004 г. // http://www.urbaneeconomics.ru/texts.php?folder_id=80&mat_id=137&page_id=4201

Н.М. Великая, И.А. Гамбашидзе

9. *Кынев А.* Выборы и состояние гражданского общества в регионах России // Новое время. 17.10.2005. <http://www.indem.ru/idd2000/anal/Kinev/VibGO.htm>
10. *Магомедова М., Златковский М.* Красные наступают. На выборах мэра Волгограда «единоросса» опередил коммунист // Новые Известия. 2007. 22 мая // <http://www.newizv.ru/print/69573>
11. http://www.regtime.ru/owa/rt/rt_index.print?a_id=19415
12. Lenta.ru: Выборы // <http://lenta.ru/vybory/2001/07/16/samara/> 05.12.2006.
13. www.altapress.ru (16.08.2006)

Р.И. Анисимов

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ПУТИНА

В этой статье мы рассмотрим развитие властных институтов Российского государства в период президентства Путина. В определении государства мы используем ставшее хрестоматийным веберовское понятие государства как монополии на легитимное насилие. Вследствие чего возникает подобная монополия? Н. Элиас в своем фундаментальном труде «О процессе цивилизации» [3, с. 382] выделяет центробежные и центростремительные силы. Одни способствуют складыванию подобной монополии посредством концентрации в руках аппарата государства всех ресурсов, другие противостоят процессу монополизации насилия. Если выигрывают центробежные силы, монополизация насилия рушится, насилие переходит из рук одного в руки многих.

Типичный пример этому процессу дает нам Средневековье в период феодальной раздробленности¹. Насилие было рассредоточено по всему обществу, поэтому в обществе существовала постоянная борьба всех против всех. Рано или поздно в этой борьбе возникал сильнейший, который начинал постепенно лишать своих подданных права на насилие посредством его концентрации в своих руках, т. е. возникала монополия на насилие. Причем, аналогичные процессы происходят и в экономике. «Свободный рынок», в котором в результате конкуренции устанавливается оптимальная стоимость товара, может быть, и был адекватным понятием для той эпохи, в которой возникло это учение, но сейчас он представляет собой не что иное, как фикцию, скрывающую реальное владычество монополий. Сама логика конкурентной борьбы в рамках свободного рынка, т. е. рынка нерегулируемого, ведет к установлению монополии, следовательно, к уничтожению самого рынка. Целью любой борьбы является победа над противником. В результате борьбы выявляется победитель-монополист, который в дальнейшем и определяет правила

игры для всех остальных. Эти правила вошли в наш понятийный аппарат под названием «цивилизованных правил ведения бизнеса», и они в первую очередь служат для защиты сложившихся монополий от новых игроков, поддерживая исторически сложившийся статус-кво. Конечно, монополии по ряду причин рано или поздно исчезают, но на их место приходят новые, и процесс повторяется². О том, что бизнес ориентирован на уничтожение свободного рынка, свидетельствуют цели и задачи, а также военная терминология маркетинга. Цель любой удачной маркетинговой политики – найти свой сегмент рынка и занять его, овладеть полностью этим сегментом и не допускать на «свою территорию» чужих; если ради этого придется демпинговать, то монопольное положение на рынке вернет все потери³.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в области государственного строительства. В конечном итоге всегда находится победитель, который подчиняет себе всех остальных. Сначала это происходит в рамках одного удела – выделяется сильнейший рыцарь удела, потом происходит борьба между уделами – побеждает сильнейший удел, и вокруг него вырастает государство. На современном этапе происходит борьба между государствами за мировую гегемонию. Но об этом ниже.

Победа в борьбе между равными дается тем, кто обладает большими ресурсами (физическими, интеллектуальными, материальными), поэтому, для того чтобы приобрести монополию на насилие, государству, по мнению Н. Элиаса, необходимо создать еще монополию на сбор налогов. Эти монополии взаимодополняют друг друга, одна не может обходиться без другой. Без финансовых вложений нельзя собрать большую армию, а без армии (силовых структур) нельзя собрать необходимых средств.

Собственно, сами налоги возникли как чрезвычайная мера, первоначально они воспринимались как нечто незаконное, противоестественное. Собирали их от случая к случаю: или на крестовые походы, или на вооруженную борьбу с соседними феодалами, или для отпора чужеземного вторжения. Первоначально и для таких целей налоги не собирались, проводилась своего рода мобилизация жителей на войну, как при племенном строе. Но уже поднимались в торгово-экономическом плане города, они-то и предлагали государям взамен своих горожан денежное возмещение, на что государи соглашались, так как безземельных рыцарей, готовых послужить, было предостаточно. Но, главное, налоги не были постоянны. Постоянный сбор налогов возник только во время Столетней войны. Причем все налоги считались временными мерами. Однако сбор налогов

давал правителям важнейший ресурс для монополизации насилия, т. е. для создания и укрепления государства, никто уже не мог состязаться с государем по своим ресурсам, свободные воины смирились, произошло превращение рыцарей в придворных, а государство приобрело современный облик, который нам кажется естественным.

Аналогичным образом дела складывались и в Московии, только причиной для превращения налогов из временной меры в постоянную систему служило татаро-монгольское иго, скорей всего российские налоги своей предтечей имеют дань, собираемую для татаро-монгол. Характерно также и то, что подъем Москвы начался с того момента, когда Иван Калита получил право собирать дань для татаро-монгол. Возможно, это послужило одним из важнейших факторов для собирания земель вокруг Москвы. Был ли этот процесс неизбежен? Со всей уверенностью можно ответить «да». Возможно, централизованное государство сложилось бы не вокруг Москвы, но то, что оно сложилось бы, это безусловно и связано прежде всего с процессом разделения труда. Развитие земледелия и его специализация, развитие связанных с ним ремесел, постепенное обособление ремесленников от крестьян, затем выделение купцов как связующих элементов между городом и деревней, развитие торговли – все это рождало взаимозависимость между людьми. Ремесленник, занятый, например, варкой соли, зависел от крестьянина, занятого выращиванием ржи; крестьянин в свою очередь зависел от варщика соли, так как без соли он не мог сделать достаточных запасов на зиму; оба зависели от купца, который осуществлял между ними коммуникацию: покупал у одного соль и обменивал ее у другого на рожь. В свою очередь купец зависел от них обоих. Очевидно, что с развитием ремесел зависимость только возрастает, в цепочку включаются мельник, пекарь, возчик-ломовик и т. д.

Для осуществления успешной коммуникации между всеми ними прежде всего необходима безопасность. В условиях войны всех против всех безопасная коммуникация невозможна. Поэтому с дифференциацией производства усиливается взаимозависимость индивидов друг от друга, а это приводит к следующим последствиям:

– развиваются товарно-денежные отношения как наиболее эффективное средство экономической коммуникации между индивидами, а при их развитии становится возможным регулярный сбор налогов;

– различные области, уделы теряют свою экономическую независимость, что служит предпосылкой для их объединения в

Р.И. Анисимов

более крупные образования, т. е. ведет к потере политической независимости;

– безопасность достигается путем передачи насилия от многих (независимых, удельных князей) к одному (королю, царю);

– при увеличении взаимозависимости увеличивается и удел князя, управлять одному становится не под силу, он передает часть своих управленческих функций приближенным, возникает аппарат управления – бюрократия.

Таким образом, в результате процесса дифференциации труда необходимость толкала к объединению земель и возникновению государств в их современном виде. Усиливающаяся дифференциация труда вела ко все большей централизации власти, а это, в свою очередь, к увеличению и усилению бюрократии, которая представляла опасность для государя: теперь уже не бюрократы зависели от него, а он от них. При таком положении дел у государя, чтобы остаться у власти, имелись следующие альтернативы.

Первая. Разрушить старую бюрократию, создав взамен нее, новую. Примерами такой смены бюрократии являются опричнина Ивана Грозного и сталинские чистки.

Вторая. Не разрушая старую бюрократию, создать альтернативную ей, ввести в аппарат новых людей, сохраняя старых, при их столкновении быть как бы над схваткой, не давать ни одной из коалиций возможности уничтожить другую, таким образом владеть ситуацией, потому что соперничающие группировки, не имея достаточной силы, должны обращаться к государю. Яркими примерами такой альтернативы выступают Людовик XIV, который в противовес государственному аппарату управления, где посты занимали только буржуа, имел также двор, куда входили только дворяне, и играл на борьбе двора с чиновниками, а также Петр I, который активно принимал на службу иностранцев, составивших противовес традиционному боярству.

Третья. Полностью подчиниться одной из бюрократических группировок. Примеры этому можно найти в царствование Анны Иоанновны. Первый и третий вариант являются наилучшими с позиций централизации государства.

Первый плох в силу того, что рано или поздно новая бюрократия, укрепляясь на своих позициях, пожелает закрепить свое положение навечно, а противопоставить ей некого, так как старая уничтожена. Это вновь ведет к войне всех против всех, т. е. к исчезновению монополии на насилие и вследствие этого к распаду государства. Примеры подобного развития событий дает Смутное время или войны диадохом Александра Македонского.

Третья альтернатива также плоха именно вследствие того, что победившая группировка усиливается до такой степени, что она уже выделяется из государственного механизма и создает свою монополию на государство. Это в свою очередь ведет к тому, что у государства появляется два центра управления. Один официальный, ничего не решающий, второй неофициальный и все решающий. Таким образом подрывается вторая основная монополия государства – монополия на налоги. Население платит двойные налоги: одни официальные, другие в виде взяток, подношений господствующей клике, в результате чего бюрократия получает независимые от государства ресурсы. Эти ресурсы таят в себе потенциальную опасность, так как с их помощью можно оспорить существующую монополию на насилие, к тому же сама монополия на насилие растаскивается по «частным лавочкам» победившей группировкой. Дальше возможно развитие по следующим вариантам: или победившая группировка распадается и развитие идет по первой альтернативе, или проигравшие группировки, не допущенные к власти, мобилизуют остатки своих ресурсов и занимают место победивших. Потом ситуация повторяется вследствие того, что в сложившейся ситуации борьба ведется за ключевые посты. Примеров подобного развития также достаточно в истории. Это всевозможные дворцовые перевороты, бесконечные путчи, военные перевороты и др.

Самый оптимальный вариант – второй. Силы различных группировок в аппарате власти уравновешены так, что ни одна не имеет существенного перевеса над другой. Борьба между ними не прекращается, но она служит в целом только усилению центральной власти, так как без личной поддержки государя ни одна из группировок не может победить. В то же время государь не оказывает полной поддержки ни одной из группировок: это чревато развитием событий по третьей альтернативе. Государь создает своего рода подвижное равновесие. Если внутри аппарата создается какая-то мощная коалиция, претендующая на особое место, то в ответ государь создает противоборствующую ей группировку. Так, например, обстоит дело в оппозиции дворянского двора государственным служащим-буржуа при правлении Людовика XIV. Так обстоит дело во всех стабильных государствах. Создание динамичного равновесия требует государя, наделенного способностями, но затем это равновесие начинает воспроизводиться автоматически, без дальнейших усилий со стороны правителя. Бюрократы привыкают к своему положению, они уже не претендуют на большее, вся их политическая деятельность сводится к наблюдению за своими конкурентами с

целью предотвращения их усиления, т. е. бюрократический аппарат со временем начинает самоограничиваться и не выходит за рамки, отведенные ему по закону, борется с коррупцией в собственных кругах не потому, что коррупция – это аморально, а потому, что в результате коррупции могут усилиться конкуренты, и вследствие этого бюрократия начинает строить не на словах, а на деле правовое государство.

Страна в результате динамического равновесия приобретает единство, централизованность, выходит на международную арену и опять-таки с железной неизбежностью сталкивается с другими централизованными государствами. Чем это обусловлено? Продолжающееся разделение труда быстро пересекает все национальные границы. Производят в одной стране, транспортируют через вторую, сбывают в третьей. У капитала, как и у пролетариата, нет национальности. Сложившаяся международная система дифференциации производства требует единого координирующего центра, точно так же, как в Средние века разделение труда потребовало создания централизованного государства. Точно так же современное развитие производства должно привести к потере части суверенности независимыми государствами и к монополизации насилия в руках одного сильнейшего государства. Какое место займет Россия в сложившемся миропорядке? Для ответа на этот вопрос проанализируем процесс становления государственности при Путине.

В период президентства Ельцина Россия утратила роль одного из главных геополитических игроков в мире. И связано это в первую очередь с распадом централизованной власти. Для того чтобы контролировать свою бюрократию, Ельцин первоначально пошел по пути Петра I и Ивана Грозного: он рекрутировал в бюрократию разночинцев⁴, т. е. людей, не имевших ранее опыта партийной деятельности, но он не создал им противовеса, и поэтому события развивались по первой альтернативе. В результате возникало противостояние между бывшими соратниками, закончившееся расстрелом Белого дома в 1993 г. Почему победил Ельцин? Потому что обладал большими ресурсами. Что было бы, если бы победили его противники? Рано или поздно между ними опять бы возник конфликт, и так до тех пор, пока не остался бы один сильнейший. На втором этапе стареющий Ельцин фактически полностью отдал власть одной из бюрократических групп, в результате чего монополия на насилие распалась, стали возникать различные центры насилия, а между ними – война за ресурсы. Война осуществлялась не только между уголовными бандами, но и между различными структурами пра-

воохранительных органов, прокуратуры, ФСБ, т. е. всеми, кто владел необходимыми ресурсами. На том этапе в силу особенностей институционализации власти в тогдашней России важнейшими ресурсами являлись: близость к господствующей бюрократической группировке, наличие оружия и количество людей, способных владеть этим оружием. То, что реформаторы ставят себе в заслугу проведение столь масштабных изменений в стране «малой кровью», без скатывания страны в гражданскую войну или жестокую диктатуру, может быть оспорено. Во-первых, кровь все-таки лилась, а во-вторых, горячей гражданской войны не было лишь потому, что население не имело оружия, как имело оно в 1917 г., а там, где оно все-таки было, например в Чечне, там и возникла настоящая гражданская война.

Фактически в 1990-х годах России как государства не существовало, были различные удельные губернские администрации, которые отличались от банд тем, что обладали большими ресурсами, были кланы-министерства, ведомства со своими клановыми отличиями и привилегиями⁵, были национальные диаспоры, представлявшие альтернативную государственной сети взаимоотношений⁶. И, наконец, большая часть населения замкнулась на свою семью как рудиментарный социальный организм и с помощью именно семьи пыталась выжить в условиях государственного кризиса. Отсутствие оружия и «уход в семью» и позволил более крупным социальным, негосударственным или государственным только на бумаге, образованиям делать то, что они делали. Попытки противостоять этому процессу не находили отклика у населения, как не находили отклика забастовки, голодовки, перекрытия трасс и пикеты передового отряда российского пролетариата – шахтеров – у остальных рабочих. Все это свидетельствует об очень важном факте. Человек по своей природе существо социальное. Даже при развале государства как основного социального организма образуются новые или воскрешаются старые социальные организмы, объединяющие людей. Самостоятельно человек не может существовать. Поэтому появляются всякие «робинзонады», создаваемые современностью, всевозможные мифы о людях, «из ничего создавших все», вся заслуга которых в том, что они смогли присоединиться к господствующему клану и с его помощью победить остальных, и ни в чем больше, ни в каких творческих сверхусилиях, ни в каких морально-нравственных качествах этих людей. Этот факт говорит также о том, что и изменить что-то в жизни человек может только с помощью социума. Поэтому все призывы к личности типа «начни с себя», «подай милостыню – этим ты прибавишь

добра в мире» кардинально ничего не меняют. Надо не милостыню подавать, а сделать так, чтобы не было бедных, поэтому, подавая милостыню, ничего кроме личного самоудовлетворения не получаешь, бедность остается и воспроизводится. Чтобы не было бедных, надо менять систему, а чтобы ее менять, необходим ресурс, а необходимый ресурс предоставляет только социум, поэтому только коллективная борьба дает результаты, а не филантропические акции «Помоги ближнему».

По моему мнению, к тому моменту, когда Путин стал президентом, роль государства как такового в России уменьшилась до рискованного минимума. Путин в процессе руководства пошел наилучшим путем. Он не начал крушить старую бюрократию, а стал создавать систему противовесов. Вообще в создании всевозможных противовесов Путин проявил недюжинные способности. Он создал противовес «центр–регионы» путем усиления власти центра, конечно, региональными бюрократами это воспринимается как ущемление свободы (это, по сути, и есть ущемление их свободы по сравнению с той феодальной вольницей, которая у них имелаась), но в то же время сохранил за ними часть их властных полномочий. Выиграл войну с олигархами, создав относительно свободный от них аппарат власти, но в то же время не уничтожил всех олигархов. В самом аппарате власти поддерживал постоянное противостояние сначала между «новыми» и «старыми», потом между военными и либералами, сейчас создается новое – между людьми Иванова и людьми Медведева. Становится понятным, почему не объявляется преемник: это объявление моментально разрушит динамическое равновесие и создаст предпосылки для развития событий по третьей альтернативе, так как в политике сегодняшний партнер – завтра потенциальный конкурент. Всему госаппарату Путин противопоставил свой рейтинг. Поэтому все «общения в прямом эфире с народом», «пресс-конференции» служат, прежде всего, динамическому равновесию. Динамическому равновесию служит и процесс создания новой партии в Госдуме. На все эти преобразования Путина толкала не его «авторитарная сущность», а объективная необходимость в самосохранении системы. Эта же необходимость толкает большинство россиян поддерживать Путина, эта необходимость заставляет традиционные олигархические группы снизить свои запросы на властные полномочия, эта необходимость заставляет общество поддерживать партию без идеологии, но верную курсу укрепления центральной власти. Неважно, какими мотивами руководствуются Путин и его окружение, важно видеть за этими мотивами объективный надличностный процесс.

Выше говорилось, что укрепление централизации власти с необходимостью толкает страну во взаимоотношения с другими странами. Слабые страны занимаются внутренними проблемами, страны сильные – внешней политикой, что мы и наблюдаем. Слабые страны строят «демократию» у себя, сильные – у других. Здесь можно наблюдать процессы, аналогичные процессам формирования национальных государств. Усиливающаяся дифференциация труда требует надгосударственной интеграции людей. Эта интеграция выражается в монополизации одной страной или блоком стран насилия в целях обеспечения безопасности по всему миру. Естественно, другие страны теряют при этом часть своего суверенитета, а монополия США не так очевидна, и, следовательно, ей можно противостоять. Как мы полагаем, то, что в итоге главенствующее место займет одна страна или блок стран-сателлитов с метрополией во главе, не представляет сомнения. Сейчас основная борьба идет против стран, представляющих собой достаточно автономные образования, т. е. против тех стран, которые стремятся сами обеспечивать себя всем необходимым. Полностью обеспечивать себя эти страны уже не могут, глобализация и индустриальная модернизация делают свое дело, поэтому эти страны и реагируют на все заявления международного сообщества. США своим давлением на эти страны пытаются интегрировать их производство в мировую экономику, что делается под эгидой «борьбы за демократию и вечные ценности». Эти страны сопротивляются, потому что понимают, что подобная интегрированность ведет к потере суверенитета. Но смогут ли они противостоять этому процессу? Переформулируем этот вопрос: сможет ли США лишить их этого суверенитета? Ответ однозначен – сможет. Собственно, Америке и не нужен тотальный контроль над страной, достаточно обеспечить контроль лишь над производством, а внутренний строй государства имеет вторичное значение, он имеет значение, когда США или не обладают контролем над экономической политикой страны или утрачивают его. Что характерно, из Ирака ежедневно доносятся сообщения о взрывах на рынках, в мечетях, школах, но нет сообщений о взрывах нефтезаводов и скважин. То есть с поставленной задачей в Ираке американцы справляются. Бессилие ООН в попытках помешать экспансии США также показательно. ООН создавалась как союз приблизительно равных стран, не обладающих достаточными ресурсами для мировой гегемонии. К тому же она служила для коммуникации этих стран, посредством нее конкурирующие страны могли общаться друг с другом в такой степени, в какой это отвечало развитию на тот

Р.И. Анисимов

момент экономической глобализации. Как только одна страна заявила о своей готовности обеспечивать мировую безопасность, ООН моментально потеряла свое значение. Конечно, она выполняет миротворческие функции, но только в тех странах, которые полностью не интегрированы в мировую экономику, так как в этих странах нет ни соответствующего уровня развитого производства, ни необходимых для мирового сообщества ресурсов. Интеграция таких районов в мировую глобальную экономику – задача даже не послезавтрашнего дня. Но в то же время мировая интеграция ведет к гармонизации и демократизации интересов всех стран, к учету мнения каждой страны, точно так же, как это вело в условиях абсолютных монархий к все большей зависимости монарха сначала от своих ближайших советников, потом от бюрократии, и, в свою очередь, бюрократии от народа (у нас этот процесс только начинается).

Процесс зависимости имеет двухсторонний характер⁷. Зависят не только сателлиты от гегемона, но и гегемон от сателлитов; в конечном итоге так же, как и монарх превращается в главного бюрократа, так и страна-гегемон со временем может превратиться в равную всем другим странам. Но это процесс не на год и даже не сто лет, и не факт, что именно США или ЕС возглавят этот процесс. Факт то, что процесс интеграции непреодолим. США – одна из первых стран, которая взяла на себя ответственность за этот процесс. Именно поэтому американский народ войдет в историю как великий народ, как новые римляне, они в полной мере несут все риски от процесса глобализации. То, что действия США не всегда отвечают принципам высшей справедливости, происходит оттого, что справедливость мировой державы, как и справедливость суверена, измеряется только по суверенным, собственным законам и не имеет ничего общего с принципами «всеобщего блага», в истории человечества право силы всегда предшествует силе права.

Исходя из всего вышесказанного, попробуем дать прогноз относительно дальнейшего развития институтов власти в России и в мире.

Если будет продолжена установка на сохранение динамического равновесия, то оно может быть достигнуто следующими способами.

Первый. Преемник Путина на президентском посту будет вынужден дистанцироваться от тех сил, которые его поддерживали в борьбе за власть. Это может достигаться следующими действиями: или новый президент введет новых людей в свою команду, чтобы они составили противовес «старой гвардии», или

он разбавит свою команду представителями проигравшей стороны. Или сделает и то, и другое.

Второй. Путин после выборов останется в роли главного правителя, формально не занимая никаких постов, но оставаясь над схваткой и тем самым поддерживая динамическое равновесие по примеру Дэн Сяопина. Это самый худший вариант, так как образуются два правительства – формальное и теневое, что может привести к уничтожению динамического равновесия.

Третий. Неожиданно появится «темная лошадка». В случае ее победы будут разворачиваться процессы, аналогичные происходившим в период президентства Путина, но только если «лошадка» примет установку на сохранение динамического равновесия. В элиту будут введены новые группировки, чтобы обезопасить нового президента от старых чиновников. По сути, будет происходить тот же процесс, что и при официальных преемниках.

При условии, что будущие правители будут поддерживать динамическое равновесие внутри страны, Россия с неизбежностью, вследствие интернационализации дифференциации труда, выйдет на международную арену и примет участие в борьбе за контроль над сложившейся наднациональной структурой производства и коммуникационными связями. Кто выйдет победителем из этой борьбы, по сути, неважно. Важно то, что в результате мы получим сначала однополярный мир во главе со страной или блоком стран-победителей, а впоследствии страна-победитель, чтобы остаться победителем, должна будет отдавать часть своих управленческих функций побежденным странам. В итоге мир станет многополярным, но с единым центром управления, функцией которого будет координация действий различных стран, но без эксплуатации и насилия, т. е. в итоге сложится мировое коммунистическое правительство. Таким образом, жажда наживы, эксплуатации, которая приводит к империализму и худшим проявлениям глобализации, в процессе своего воплощения сама себя отринет, и развитие человечества станет гармоничным и бесконфликтным.

- ¹ Каждый рыцарь в пределах своего удела был полновластным хозяином по праву силы. Если он утрачивал силу, то его удел тут же переходил к сильнейшему рыцарю (необходимая ремарка: под силой здесь понимается не только личная сила рыцаря, но и те ресурсы, которыми он обладал, особенно важным ресурсом в Средневековье являлось количество воинов, которых рыцарь мог собрать под свои знамена, а это напрямую зависело от величины удела сеньора. Так как товарно-денежная система не была развита, то сеньор расплачивался единственным имеющимся у него ресурсом – землей).
- ² Исторические примеры таких монополий можно найти в деятельности Ганзейского союза, английских и голландской Ост-Индских компаний, промышленно-торговых империй Фуггеров, Вельзеров, Строгановых, генуэзских и венецианских банкиров и многих других.
- ³ Как показал Ф. Бродель [1, с. 672], «свободный рынок» – образование достаточно хрупкое и искусственное, он во многом возникает, когда конкуренты не обладают достаточной силой для установления монополии. Собственно капитализм является главным врагом «свободного рынка» и рыночной экономики. Ее функционирование и существование во многом обязано государству, ограничивающему устремления капитализма к свертыванию рыночной экономики, и уж, конечно, грубейшей ошибкой является отождествление капитализма с рыночной экономикой.
- ⁴ Процессы циркуляции элит в Ельцинскую эпоху, получившие название «кадровая мясорубка». См.: [2, с. 384].
- ⁵ Это сохранилось и до сих пор, когда человек говорит: «Я работаю в Газпроме, ФСБ, Госдуме» и т. д., под этим понимается, что он не просто гражданин, он принадлежит клану, и это делает его существование выше, комфортней, безопасней; он стоит как бы над законом, подчинен не законам государства, а интересам клана.
- ⁶ Успешность национальных диаспор в борьбе за те ресурсы, которые остались вне поля зрения господствующей бюрократии, кланов-ведомств и удельных губернаторов, отражает лишь тот факт, что эти народы достаточно долго жили без своих национальных государств и поэтому быстрее смогли адаптироваться в условиях кризиса государства, когда сама диаспора взяла на себя функции государства.
- ⁷ Это проявляется не только в отношении стран – прямых сателлитов США, но и в отношении стран, не являющихся ни противниками, ни партнерами. Например, отношения США и Китая. Неизвестно, кто больше зависим – Китай от США или США от Китая. Точно так же существование России как единого государства больше отвечает интересам Америки, нежели ее раздробленность. Если даже сейчас при транспортировке нефти всего через две страны, бывшие республики Союза, периодически возникают пробле-

Формирование института Российского государства...

мы, то какие проблемы возникли бы, если бы транспортировка осуществлялась через 8–10 независимых государств, которые могли бы образоваться на месте нынешней России.

Литература

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. М.: Весь мир, 2006.
2. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
3. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

В.В. Попов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

марта 2007 года

(по материалам региональных СМИ)

Борьба различных политических сил за распространение в обществе тех или иных политических идей, за влияние на избирателей часто проявляется в форме партийной конкуренции. В этом процессе немаловажную роль играют средства массовой информации. Комплекс вопросов, связанных с распределением и направлением информационных потоков, отражающих деятельность политических партий, совокупность информационных ресурсов, а также возможность их обработки образуют так называемое информационное пространство. Доминирование или хотя бы присутствие в нем обеспечивается определенной информационной политикой, проводимой партией. При этом надо четко понимать, что даже при наличии единой политико-информационной стратегии в каждом отдельном случае существуют особенности и нюансы, отличающие одну избирательную кампанию от другой. В любом из российских регионов складывается собственная конфигурация взаимодействия партий и политически активных СМИ.

11 марта 2007 г. в 14 субъектах РФ прошли выборы депутатов региональных парламентов, в которых приняли участие 15 российских партий. Во всех 14 регионах России свои списки зарегистрировали четыре партии, в частности «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». В 10 регионах были зарегистрированы «Патриоты России», в 9 — СПС, в 4 — «Яблоко», в 3 — «Народная воля».

Эти политические объединения наиболее часто упоминались в региональных СМИ в конкретный избирательный период. Их можно рассматривать как группу лидеров, в отличие от группы аутсайдеров (Демократическая партия России, зарегистрированная в 3 регионах, Аграрная партия России — в 2, Концептуальная партия «Единение», Российская Коммунистическая рабочая партия (РКРП), Социалистическая единая партия Рос-

сии (СЕПР) и Российская экологическая партия «Зеленые» – в одном), не находившейся в центре внимания прессы.

«Яблоко» отнесено к первой группе еще и потому, что намеревалось участвовать в большем числе избирательных кампаний, но было снято с предвыборной гонки. 9 февраля Центральная избирательная комиссия утвердила решение питерского избиркома об отказе в регистрации «яблочникам» [5]. Отстранение этой партии от выборов в Санкт-Петербурге, где ее позиции считаются традиционно сильными, вызвало значительный резонанс в СМИ.

Выборы проходили с учетом новых, более жестких требований оформления документов для регистрации политических партий и кандидатов, введения повсеместно без ограничений досрочного голосования, отмены графы «Против всех» и порога явки. По словам тогдашнего главы ЦИК Александра Вешнякова, 11 марта состоялась генеральная репетиция федеральных выборов, проверка позиций избирателей, проба методов работы политических партий [4].

Указанные нововведения оказали влияние не только на дальнейшее развитие российского политического поля, но и на формирование конкурентной среды между ведущими политическими силами, что в свою очередь нашло отражение в информационном пространстве перечисленных выше субъектов РФ.

В связи с этим в исследовании анализируются наиболее существенные количественные и качественные характеристики информационного пространства, сформировавшегося во время выборов в законодательные собрания под воздействием избирательных кампаний, проводимых «Единой Россией», «Справедливой Россией», КПРФ, ЛДПР, «Патриотами России», СПС, «Яблоком» и «Народной волей». При расчете данных изучались сообщения всех типов СМИ, поступающие в информационно-аналитическую систему «Медialogия» из более чем 800 открытых источников региональных СМИ (печать, радио, ТВ, информационные агентства и интернет-ресурсы) [6]. В конкретном случае обрабатывались материалы средств массовой информации Омской, Вологодской, Орловской, Томской, Псковской, Московской, Ленинградской, Самарской, Тюменской, Мурманской областей, Ставропольского края, республик Коми и Дагестана, города Санкт-Петербурга.

Это позволило выявить степень активности различных типов СМИ в освещении деятельности партии за указанный период, что отражено в данных гистограмм «Распределение сообщений о партиях по типам СМИ» и «Топ-10 наиболее активных

В.В. Попов

СМИ, освещавших деятельность партий» (см. рис. 1 и 2) [6]. Отмечая долю региональных СМИ, можно сделать выводы о том, что наиболее активно влияли на формирование информационного пространства информационные агентства, газеты и интернет-сайты.

Максимальное количество сообщений о деятельности партий в СМИ названных регионов зафиксировано в Санкт-Петербурге (2229 сообщений), что объясняется более мощной, по сравнению с другими регионами, медийной системой. На втором месте – Вологодская область (380 сообщений), на третьем – Самарская область (270 сообщений). Примечательно, что такие крупные регионы, как Московская и Ленинградская области, продемонстрировали сравнительно низкие показатели – 41 и 9 сообщений [2]. Это объясняется ориентированностью на средства массовой информации мегаполисов, к которым данные регионы прилегают.

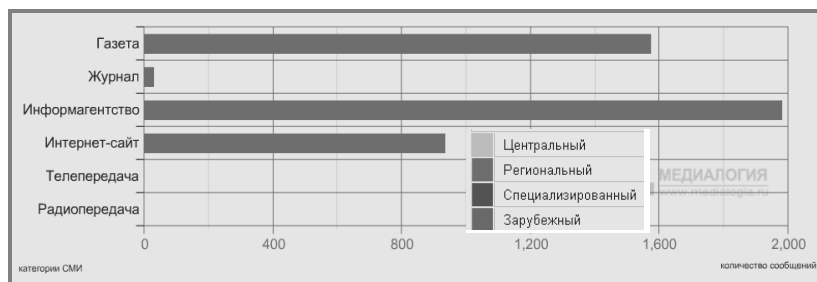

Рис. 1. Распределение сообщений о партиях по типам СМИ

В числе наиболее активных средств массовой информации, отражавших и комментировавших деятельность политических организаций, с полным основанием можно назвать ИА «Балтийское информационное агентство», ИА «Росбалт», ИА «Коминформ», ИА «Псковская лента новостей» и ряд других, что отображено на рис. 2.

Далее определяем периоды повышенного интереса СМИ к партиям и периоды, когда партии (партия) оказывались за рамками пристального внимания СМИ. По характеру кривой информационного пространства видно, что пик приходится на 12 марта, причем в тройке лидеров находились «Единая Россия», «Справедливая Россия» и ЛДПР (рис. 3).

Политические партии в информационном пространстве ...

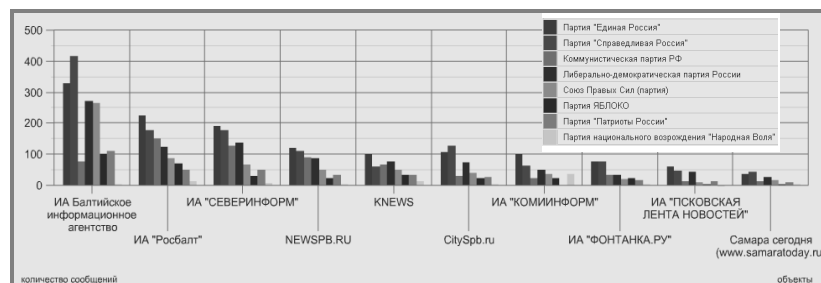

Рис. 2. Топ-10 наиболее активных СМИ, освещавших деятельность партий

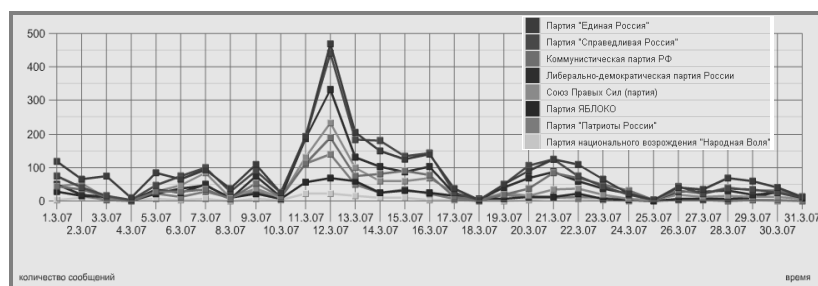

Рис. 3. Сравнительная динамика количества сообщений СМИ о партиях

Региональные информационные источники (табл. 1) в марте чаще всего писали о «Единой России», «Справедливой России» и ЛДПР. КПРФ с отрывом в 400 сообщений отставала от партии В. Жириновского и занимала четвертое место [2]. Пятёрка партий в рейтинге повторила состав победителей – партий, набравших наибольшее количество голосов избирателей и сформировавших свои фракции в парламентах регионов.

Тема выборов доминировала в информационном пространстве. На это были ориентированы основные информационные потоки в марте (см. табл. 2) [2]. СМИ освещали и комментировали социально-политическую деятельность партийных организаций и возможные кадровые перестановки в законодательных органах.

Таблица 1

Количественные и качественные параметры
информационного поля партий

Объект	Всего сообщений СМИ	Конфликтные сообщения СМИ	Сообщения, в которых объект играет главную роль	Сообщения, негативно-го характера	Сообщения, позитивно-го характера	Сообщения с прямой речью	Сообщения с пересказом прямой речи
Партия «Единая Россия»	2720	77	455	30	149	163	53
Партия «Справедливая Россия»	2384	46	244	21	84	96	51
Либерально-демократическая партия России	1712	18	83	16	58	44	15
Коммунистическая партия РФ	1350	34	102	8	83	50	29
Союз правых сил (партия)	1202	24	136	26	31	22	10
Партия «Патриоты России»	613	16	18	31	5	12	4
Партия «Яблоко»	609	40	62	30	5	35	10
Партия национального возрождения «Народная воля»	166	5	7	7	0	3	1

Высокая цитируемость «единороссов» и «эсэров» обусловлена тем, что между этими двумя партиями развернулась активная полемика и борьба за голоса избирателей. Большой отклик в СМИ избранных регионов имела выборная ситуация в Ставропольском крае, где «Единая Россия» потерпела поражение от «Справедливой России» и за этим последовало исключение из рядов ЕР губернатора края А. Черногорова «за невыполнение партийных решений». По этому поводу «Ставропольская правда» писала: «“Справедливая Россия” строила свою предвыборную кампанию не только на социальных обещаниях, но и на решимости превратить выборы парламентские в выборы “справедливого губернатора”. Об этом заявлялось на всех встречах с избирателями и в СМИ» [3]. В Коми «Справедливая Россия» выразила несогласие с результатами выборов, что также повлекло волну публикаций в республиканских СМИ (рост негативных публикаций о предвыборной деятельности «справороссов»).

«Договоренность» между партиями по Заксобранию Санкт-Петербурга – «эсэры» поддержали кандидатуру «единоросса» В. Тюльпанова на посту спикера городского парламента, а ЕР согласилась на переизбрание С. Миронова сенатором в Совет Федерации от Петербурга – стала наиболее ярким информационным событием после окончания предвыборной кампании [7].

Второе место «Справедливой России» расценивается СМИ как успех новой партии и серьезная претензия на роль главного конкурента «Единой России».

ЛДПР получила третье место в общем зачете, что объясняет частоту упоминания партии как одной из победительниц по итогам выборов. Но, как отмечалось в СМИ рассматриваемых регионов, коммунисты и «справороссы» смогли потеснить сторонников В. Жириновского.

Негативных сообщений наибольшее количество набралось у «Патриотов России», следом за ними идут «Единая Россия» и «Яблоко».

По общему количеству сообщений СПС занял четвертое место, по сообщениям же с главной ролью объекта – третье после «Единой России» и «Справедливой России», оттеснив КПРФ и ЛДПР, что свидетельствует о возросшем интересе региональных СМИ к правым. Четвертое место было расценено многими СМИ как успех [8].

КПРФ занимает третье место по сообщениям позитивного характера и уровню цитирования своих представителей в СМИ. Система зафиксировала положительный контекст упоминаний в публикациях о партии и ее результатах по итогам выборов.

Упоминание партий в рубрике «Выборы»

Объект	Всего сообщений СМИ	Конфликтные сообщения СМИ	Сообщения, в которых объект играет главную роль	Сообщения негативного характера	Сообщения позитивного характера	Сообщения с прямой речью	Сообщения с пересказом прямой речи
Партия «Единая Россия»	1112	37	241	16	114	59	20
Партия «Справедливая Россия»	1014	29	95	15	69	38	18
Либерально-демократическая партия России	888	13	30	14	51	16	5
Коммунистическая партия РФ	631	19	83	19	24	11	7
Союз правых сил (партия)	613	18	47	7	71	23	16
Партия «Патриоты России»	413	12	9	27	4	5	4
Партия «Яблоко»	277	14	40	21	3	16	5
Партия национального возрождения «Народная воля»	90	3	0	7	0	1	0

Стоит еще раз подчеркнуть, что наибольшее количество сообщений СМИ о партиях в марте пришлось на регионы с развитой медийной системой, а также на те, где в ходе кампании возникали те или конфликтные ситуации, которые становились значительными информационными событиями.

В контексте проходившей избирательной кампании выстраивается рейтинг партий по количеству сообщений в СМИ. Он формируется в зависимости от количества информационных сообщений, в которых упоминалась партия. Количество упоминаний, как правило, обусловлено активностью партии или указывает на наличие конфликтной ситуации, привлекавшей внимание СМИ. Рейтинг отображается в табл. 3, которая содержит четыре колонки. Первая колонка определяет позицию объекта в анализируемом периоде. Данные второй колонки указывают на изменения позиции в рейтинге по сравнению с предыдущим аналогичным по длительности периодом. К примеру, запись «+1» указывает на то, что объект поднялся на одну позицию выше; запись «-2» говорит о снижении на две позиции по сравнению с предыдущим периодом; а запись «0» означает, что с прошлого периода позиция объекта осталась неизменной.

Таблица 3

Рейтинг по количеству сообщений СМИ

Позиция объекта в текущем периоде	Перемещения в рейтинге по сравнению с предыдущим периодом	Объект	Кол-во сообщений
1	0	Партия «Единая Россия»	2720
2	0	Партия «Справедливая Россия»	2384
3	+1	Либерально-демократическая партия России	1712
4	-1	Коммунистическая партия РФ	1350
5	0	Союз правых сил (партия)	1202
6	+1	Партия «Патриоты России»	613
7	-1	Партия «Яблоко»	609
8	0	Партия национального возрождения «Народная воля»	166

В.В. Попов

Исходя из имеющихся данных, можно сделать вывод, что по сравнению с предыдущим периодом лишь ЛДПР и «Патриоты России» сумели значительно увеличить собственную активность в марте [8].

Рейтинг объектов по индексу информационного благоприятствования (ИИБ) строится с учетом количественной и качественной составляющих их информационной активности [9]. В четвертой колонке таблицы указывается количественное значение индекса ИИБ, рассчитанного системой анализа и мониторинга «Медиалогия».

Индекс информационного благоприятствования – расчетный показатель, разработанный специалистами компании «Медиалогия». Он позволяет оценить информационную ситуацию, сложившуюся вокруг политической партии. При расчете ИИБ учитывается как характер самого сообщения, так и позиция издания на рынке СМИ, в котором появилось сообщение. Позиция издания рассчитывается исходя из данных по тиражу или значительности аудитории. Принимается во внимание также мнение об издании профессиональных исследовательских организаций.

Оценка объекта в сообщении учитывает два параметра: характер упоминания и уровень «яркости» объекта в сообщении. Характер упоминания может принимать три значения: позитивный, негативный или нейтральный. Яркость складывается из ряда характеристик. Учитывается роль объекта в сообщении, которая может быть трех типов: главной, второстепенной или эпизодической. Принимается во внимание наличие прямой или косвенной речи в сообщении. Учитывается наличие конфликтной ситуации, описываемой в сообщении.

Индекс определяется как сумма индексов по всем сообщениям, в которых упоминался объект. Значение индекса может быть как положительным, так и отрицательным. Чем выше положительное значение индекса для объекта, тем более позитивно и выгодно он представлен в сообщениях СМИ.

Степень вовлеченности и характер участия источника (издания) в формировании имиджа выражается количественно значением ИИБ. СМИ могут влиять на имидж объекта как положительно, так и отрицательно, что выражается в увеличении или уменьшении значения ИИБ для определенного объекта в рамках того или иного источника (издания).

Таким образом, наиболее существенный ИИБ наблюдался у партии «Единая Россия» (табл. 4) [2]. Следом за ней с существенным отрывом шли «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР и

СПС. Прибавило по этому параметру только «Яблоко», а снизили показатель «Патриоты России».

Таблица 4

Рейтинг по индексу
информационного благоприятствования

Позиция объекта в текущем периоде	Перемещения в рейтинге по сравнению с предыдущим периодом	Объект	Индекс информационного благоприятствования
1	0	Партия «Единая Россия»	1 346,63
2	0	Партия «Справедливая Россия»	838,14
3	0	Либерально-демократическая партия России	567,88
4	0	Коммунистическая партия РФ	438,93
5	0	Союз правых сил (партия)	295,71
6	+1	Партия «Патриоты России»	78,47
7	-1	Партия «Яблоко»	64,95
8	0	Партия национального возрождения «Народная воля»	21,24

Особенностью сравнительной динамики ИИБ крупнейших партий по итогам марта, представленной на рис. 4 «Динамика индекса информационного благоприятствования», является наличие одного пика в отношении исследуемых объектов, зафиксированного 12 марта – в день после выборов в региональные законодательные органы [2]. В это время наблюдалась наибольшая активность СМИ.

Самый высокий положительный пик ИИБ зафиксирован у «Единой России» как лидера по количеству сообщений СМИ. Это объясняется победой партии во всех регионах, кроме Ставропольского края. Вклад в общий совокупный показатель ИИБ партии внесли комментарии аналитиков. У ЕР по-прежнему нет конкурентов, она остается лидером избирательной гонки. «Справедливая Россия» и КПРФ соревнуются между собой за второе и третье места [1].

В.В. Попов

Следом за ЕР по уровню ИИБ следует «Справедливая Россия». Показатель благосклонности СМИ связан с уже упоминавшимися успехами на выборах и победой над «единороссами» в Ставропольском крае.

Стоит отметить наличие отрицательного значения ИИБ у партии «Яблоко», что в значительной степени связано с неудачами партии на выборах. Низкий процент отданных голосов избирателей, непрохождение ни в одно из законодательных собраний стали причиной отрицательного ИИБ и у «Патриотов России». В результате аутсайдерами прошедших выборов с полным основанием можно считать «Патриотов России» и «Яблоко».

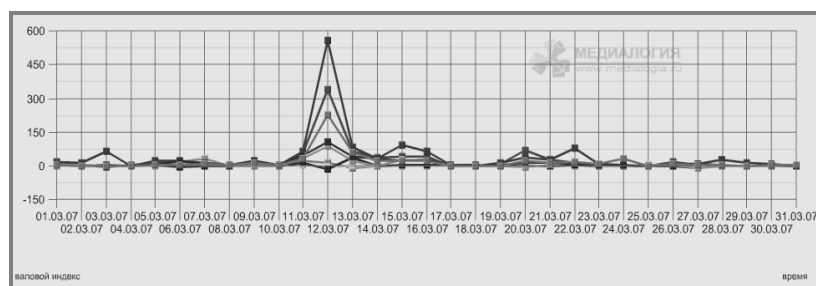

Рис. 4. Динамика индекса информационного благоприятствования

Очевидна тенденция доминирования в информационном пространстве указанных регионов партии «Единая Россия». При этом следует подчеркнуть, что вновь созданная «Справедливая Россия» и КПРФ находятся в тройке лидеров и намерены в ней закрепиться. За довольно короткий срок «справедливороссы» заявили о себе как о серьезном влиятельном игроке на политическом поле, а КПРФ существенно нарастила свое информационное присутствие в СМИ. ЛДПР же по-прежнему остается в числе ведущих политических сил.

Анализ региональной прессы показал, что в обозреваемый период интенсивность освещения политической деятельности значительно возросла и оказала влияние на исход голосования в законодательные собрания субъектов РФ.

Литература

1. *Цепляев В.* Выборы: «Единая Россия» проиграла оппозиции со счетом 45:55 // Аргументы и факты. № 11 (1376). 2007. 14 марта.
2. Информационно-аналитический отчет по сообщениям региональных СМИ «Крупнейшие политические партии России в отражении региональных СМИ». М.: Медиология, 2007. Март.
3. *Ковалевская Л.* Кто обидел медведя // Ставропольская правда. 2007. 13 марта.
4. Российская газета. 2007. 10 марта.

Электронные ресурсы

<http://www.cikrf.ru/cikrf/postancik/Zp071236.jsp>
<http://www.medialogia.ru/company/>
<http://www.rian.ru/politics/parties/20070315/62074299.html>
<http://www.spbin.ru/news/8041.htm>
<http://www.medialogia.ru/about/features/>

А.С. Корсунов

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИИ: ВОПРОСЫ ЛЕГИТИМНОСТИ

Сегодня доминирующая философия взаимоотношений бизнеса с обществом, сформулированная идеологами крупных российских корпораций, утверждает, что если компания не стремится уйти от налогов, устанавливает приемлемые уровни заработной платы для своих сотрудников и выполняет базовые требования к безопасности труда и защите экологии, то она полностью соответствует этической норме «социально ответственная». Эту идеологему хорошо отражает высказывание нобелевского лауреата по экономике Милтона Фридмана: «Бизнес бизнеса есть бизнес», датированное серединой 70-х гг. XX в. Эта модель эффективно работала 30 лет назад, но в XXI в. всемирный бизнес работает в совершенно других условиях и по другим правилам.

Новая социально-экономическая реальность заставляет бизнес по-новому взглянуть на свою роль в глобальной экономике и искать новые способы улучшения совместимости методов управления, новые точки соприкосновения с давлением гражданского общества. Сегодня на Западе динамику процесса преобразований определяют прежде всего потребители. Они «голосуют рублем» и направляют свою покупательную способность в пользу социально ответственных компаний. Ряд эпизодов, в которые оказались вовлечены крупнейшие компании, также подлили масла в огонь и заставили общественное мнение пересмотреть свое отношение к большому бизнесу: это экологические катастрофы танкера «Valdez» компании «Еххон» у берегов Аляски в 1989 г. и решение «Shell» затопить буровую платформу «Brent Spar», финансовые скандалы с «Enron», «WorldCom», «Royall Dutch / Shell». Во время этих скандалов местные сообщества, пострадавшие от экологической безответственности корпораций, оказались «по одну сторону баррикад» с акционерами, инвесторами и работниками компаний и всеми стейкхолде-

рами, потерявшим все в одночасье в результате сокрытия информации со стороны руководства. Все эти скандалы продемонстрировали, как легко можно подвергнуть риску репутацию компании в результате недостатка внимания к проблемам социальной ответственности.

В то же время другими важными причинами внедрения стандартов корпоративной социальной ответственности являются вопросы финансовой эффективности. Внедрение таких стандартов способствует дифференцированию продукции и созданию конкурентного преимущества: товары позиционируются в контексте принимаемых мер по снижению негативного социального и экологического воздействия. Другой вопрос, что на Западе потребители готовы платить добавленную стоимость за «социально ответственный» бензин, а в России пока нет. Все эти факторы в конечном итоге приносят понятный экономический результат: повышение репутационной стоимости, улучшение финансовых показателей, рост продаж, улучшение производительности труда и как следствие увеличение рыночной капитализации компании.

Исходя из этих предпосылок, способных непосредственно повлиять на капитализацию бизнеса, был разработан ряд инструментов, или стандартов, регулирующих корпоративную социальную ответственность: социальная отчетность, социальный аудит и социальные рейтинги.

Существует три формы социальной отчетности: отчет в свободной форме, комплексный отчет по методу тройного итога (Triple Bottom-Line) и стандартизированный отчет. Наиболее распространенным типом для оценки КСО (корпоративной социальной ответственности) компании является международный стандартизированный отчет по методу GRI.

Социальный аудит, подобно бухгалтерскому аудиту, призван верифицировать отчеты КСО, подготовленные компанией. Наиболее распространенным на данный момент является международный стандарт верификации отчетности AccountAbility 1000.

Ряд финансовых институтов (например, пенсионные фонды в США) могут инвестировать только в социально ответственные компании, бизнес которых не связан с оружием и табачными изделиями. Такие компании котируются на фондовой бирже в соответствии с специализированными фондовыми и нефондовыми индексами, отражающими КСО той или иной компании.

В России бизнес пришел к теме социальной ответственности не из-за давления представителей гражданского общества и

не ради увеличения капитализации компаний, а своим собственным путем. Тема КСО впервые актуализировалась во время «дела Юкоса» как некий пиар-инструмент, «волшебная палочка» для налаживания диалога с властью. Тогда на повестку дня встал вопрос о легитимности огромного частного капитала, появившегося в 1990-е годы у ряда предпринимателей из ниоткуда. Для устранения «неудобных» вопросов бизнес решил «доплатить» через социальную ответственность.

В результате отсутствия не только легитимных нормативно-правовых инструментов, регламентирующих понятие социальной ответственности, но даже акцептированных самим бизнес-сообществом правил каждый проявляет социальную ответственность как посчитает нужным. Компании, заинтересованные в выходе на международные рынки и IPO на западных биржах, составляют отчетность на основе международных стандартов AA 1000, GRI или ISO 14 000. Некоторые ограничиваются необязательной целевой или недифференцированной благотворительной помощью. Все же остальные просто игнорируют понятие «социальная ответственность», продолжая применять потогонную систему на своих производствах, не соблюдая не только экологическую безопасность, но и элементарные меры безопасности труда. Горьким примером такой ситуации является взрыв на угольной шахте в Новокузнецке, унесший жизни более 100 человек, причиной которого, как выяснила комиссия, стало отключение руководством шахты современной системы обнаружения метана в целях увеличения производительности труда. Если такое положение дел было на самой современной шахте Кузбасса, то трудно представить, в каком состоянии находятся тысячи других шахт и предприятий по всей стране.

Радует тот факт, что с недавнего времени благотворительная деятельность стала регламентироваться действующим законодательством. На сегодняшний момент уже принят и начал действовать адекватный закон «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций», или, как его еще называют, об эндаументе. Если раньше благотворительность подпадала под двойное налогообложение, то принятие закона позволило сделать благотворительную деятельность более прозрачной для государства и удобной для бизнеса, даже несмотря на то что налоговых льгот благотворители не получают. Согласно разработанной схеме деньги от благотворителей поступают получателю, он передает их в управляющую компанию для инвестирования, согласно перечню, прописанно-

му в законе, прибыль налогами не облагается и идет на удовлетворение социальных целей получателя. Но только регламентация благотворительности не является достаточным шагом.

В странах с развитой экономической системой и культурой ведения предпринимательской деятельности – Норвегии, Дании, Голландии, Великобритании, Франции, Швеции – социальная отчетность является обязательной для сдачи в госорганы наравне с финансовой отчетностью и налоговыми декларациями. Почему же в России такая отчетность до сих пор не является обязательной? Ведь в нашей стране для этого есть гораздо больше объективных оснований. Как уже было сказано выше, в России пока нет таких эффективных инструментов давления, как сильное гражданское общество, следовательно, кроме государства некому проследить за деятельностью большого бизнеса.

Более того, для введения обязательной социальной отчетности существует ряд не только морально-этических причин, но и социально-демографических. Ни для кого не секрет, что развитие предпринимательства привело к глубокой дифференциации различных социальных слоев населения: разница в доходах между самыми богатыми и самыми бедными достигает 30 раз. Не все смогли приспособиться к изменившимся жизненным условиям, не все могут заниматься предпринимательством. Этот результат становления новых социально-экономических отношений сегодня является историческим фактом. Никто сегодня не хочет ни социальных революций, ни нового передела собственности, ни «раскулачивания». Но справедливо распределить социальную ответственность среди представителей большого бизнеса в сегодняшних условиях может только государство.

Сегодня нам необходимо критически рассмотреть опыт Швеции, Норвегии и других социальных государств и выработать систему обязательной социальной ответственности предприятий на государственном уровне. Опыт развитых стран показывает, что такой шаг не только не будет негативно сказываться на деятельности самих компаний, но и поможет им выйти на качественно новый уровень ведения бизнеса, сможет повысить их экономическую эффективность и конкурентоспособность на мировом рынке. Рассказы о неконкурентоспособности социально ориентированных государств являются лишь мифом. Для его опровержения достаточно посмотреть на международные рейтинги этих стран и динамику развития их экономик.

И.В. Гудков

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ:
АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
(на примере Эвенкии)**

В соответствии с принятыми в 2005 г. поправками к Федеральному закону «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», нижняя палата российского парламента теперь будет полностью формироваться по пропорциональной системе, т. е. все 100% мест распределяются по партийным спискам, в зависимости от количества голосов, набранных политической партией на выборах.

Представительные органы власти субъектов РФ в настоящее время в большинстве случаев формируются по смешанной (мажоритарно-пропорциональной системе), хотя по действующему законодательству они сами в праве выбирать подходящую схему. Так, 15 июня 2005 г. был принят новый закон Санкт-Петербурга «О выборах депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга», который устанавливает переход к полной пропорциональной избирательной системе на выборах депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

Среди политологов, социологов, общественных деятелей ведутся бурные споры относительно целесообразности данных поправок. Часть исследователей считают, что поправки прямо противоречат Конституции РФ, ущемляя пассивное избирательное право граждан. По мнению ряда исследователей, данная схема формирования представительных органов власти направлена на создание двухпартийной системы, а наиболее радикальные высказывают мнение о свертывании демократии и переходе к диктатуре. Целью данной работы не является ни юридический анализ данных документов, ни рассмотрение сложившейся ситуации относительно трансформации демократических институтов. В данной статье будет сделана попытка анализа отличительных особенностей в электоральных ожиданиях и мотивах голосования за политические партии и кандидатов-мажоритариев на выборах региональных парламентов.

Эмпирической базой для данной работы служит комплексное исследование (опрос, фокус-группы, экспертные интервью), проведенное на территории Эвенкии в январе 2007 г. Исследование проводилось за три месяца до выборов депутатов Законодательного собрания Красноярского края – первых после объединения края с Таймырским и Эвенкийским автономными округами. Важно отметить, что Эвенкийский автономный округ до объединения имел особый политический статус: находясь формально в составе Красноярского края, был самостоятельным субъектом РФ. Население территории принимало участие в голосовании за губернатора края и выбирало своего губернатора, имело представителя в краевом Законодательном собрании и собственный представительный орган – Законодательный суглан. Причем именно губернатор автономного округа, по мнению большинства населения, оказывал доминирующее влияние на социально-политическое положение региона (см. табл. 1)¹.

Таблица 1

Чьи действия влияют на ситуацию в округе?	Итог
Губернатор округа	74,0%
Органы федеральной власти	10,1%
Депутаты суглана	3,4%
Местные власти	2,1%
Сами жители	1,6%
Крупный бизнес	1,3%
Депутаты Красноярской думы	0,1%
Затрудняется ответить	7,4%

Потеря особого политического статуса – это одновременно прекращение полномочий высших местных выборных органов власти (губернатора и законодательного собрания), а также изменение административно-территориального статуса: с 1 января 2007 г. ЭАО стал муниципальным районом в составе Красноярского края.

Изменение статуса территории значительным образом повлияло на отношение населения к краевому представительному органу власти. Если до объединения влияние Заксобрания края на жизнь в Эвенкии видел ничтожно малый процент населения (0,1% от общего числа опрошенных), то с изменением политиче-

И.В. Гудков

ского статуса территории отношение населения к роли краевого парламента в корне изменилось. Участники фокус-групп высказывали следующее мнение: «Мы – абсолютно дотационный регион, поэтому наша жизнь полностью зависит от величины бюджета, а он теперь будет приниматься Законодательным собранием Красноярского края. Они там будут решать, как нам здесь жить»².

Изменения в представлении о полномочиях и задачах краевого парламента, безусловно, отразились на ожиданиях избирателей от своего представителя в данном органе власти региона. О деятельности предыдущего депутата в Законодательном собрании края население было практически не информировано: «Вообще ничего не известно, что она там делала»; «Ну, сидит там она... Но нам-то от этого ни горячо, ни холодно. Она ж ничего не решает, так, есть и есть себе».

Жители округа не связывали никаких ожиданий со своим представителем в краевой Думе. Данный пост фактически являлся номинальным, поэтому и требований к депутату, как правило, никаких не предъявлялось, а отношение к нему базировалось исключительно на личных характеристиках и определялось по принципу: «Человек хороший».

«Как депутат она ничего не делала. Хотя врач хороший».

«Знаем, что она помощь кому-то конкретную оказывала, а больше ничего...»

«К ней можно было обращаться с личными просьбами. Многим, кто приезжал в Красноярск, она помогала».

В новых условиях мотивы поддержки, основанные на личном отношении к кандидату, ушли на второй план. На первый вышли мотивы общественной значимости: «Что потенциальный депутат может сделать для региона в целом?»

Анализ актуальной проблематики и структуры потребностей населения позволил выявить следующие базовые электро-ральные ожидания:

- сохранение на прежнем уровне финансирования региона и как следствие сохранение жизненного уровня;
- промышленное развитие территории, приток инвестиций в развитие инфраструктуры;
- поддержка традиционных форм хозяйствования (сельскохозяйственное производство, промыслы, лесозаготовка);
- создание рабочих мест.

Важно отметить следующее: резкое изменение социально-политического положения региона повлекло за собой изменение в системе представлений. Большая часть населения вполне осо-

Формирование региональных представительных органов власти...

знанно характеризует предыдущий период как иждивенческий: «Мы ничего не производили, но нас добросовестно кормили». Укрепляется понимание того, что жизнь за счет даровых денег закончилась. Наступает период, когда необходимо изыскивать собственные резервы, искать пути для поступательного изменения ситуации: «Еще два года у нас будет тот же бюджет, потом скажут: хватит, давайте сами. К этому времени мы должны изыскать свои источники получения доходов».

Соответственно, от депутата Законодательного собрания края теперь требуется, во-первых, защита интересов Эвенкии при формировании бюджета края и, во-вторых, наличие у кандидата реальной программы действий по развитию территории при обязательном условии – подтверждении возможности реализации данной программы, о чем должны свидетельствовать: результаты предыдущей деятельности, наличие политического опыта и опыта реальных дел, авторитетная поддержка, статус (поддержка статусными фигурами).

Данные количественного опроса показывают следующее соотношение по значимости мотивов голосования (табл. 2).

Таблица 2

Что является для вас важным при выборе депутата
краевой думы от Эвенкии?

Результаты его предыдущей деятельности	67,6%
Программа действий	37,9%
Место его проживания	32,0%
Политический опыт	28,5%
Мнение авторитетных лиц о нем	16,9%
Поддержка кандидата губернатором края	15,6%
Поддержка кандидата бывшим губернатором ЭАО	15,1%
Место работы, должность	14,1%
Личное знакомство	11,0%
Информация о нем в СМИ	9,5%
Затрудняюсь ответить	5,0%
Поддержка какой-либо из политических партий	4,5%
Другое	0,5%

И.В. Гудков

Важно добавить, что помимо уже отмеченных доминирующих мотивов голосования, особую значимость имеет фактор привязки к местности. Как показали результаты фокус-групп, речь идет не столько о формальном месте проживания (прописки) кандидата, сколько о его связях с территорией, которую он представляет: «Это должен быть кандидат, который хорошо знает Эвенкию, любит и понимает Север, не понаслышке знаком с нашими проблемами. Он должен быть лично заинтересован в поддержке Эвенкии, работы здесь».

Вместе с тем поддержка кандидата какой-либо политической партией в представлении избирателей не является значимым мотивом выбора.

Приведенные выше данные, характеризующие электоральные ожидания и мотивы голосования, ярко демонстрируют особый характер отношения населения к депутату представительного органа власти. В новых условиях он воспринимается не столько как участник законотворческого процесса, сколько как сильный лидер, способный защитить, сохранить привычный уровень жизни и уклад, привлечь дополнительные средства, взять на себя ответственность за дальнейшее развитие территории.

Можно выделить две базовые причины такого электорального отношения. Во-первых, смена политического статуса территории повлекла за собой существенное изменение в структуре политической власти региона, смещению зон влияния и ответственности. Во-вторых, сказался особый тип политической культуры, доминирующий в рамках данного политического пространства, который можно обозначить как подданнический.

Остановимся на анализе обозначенных выше причин подробнее. Не секрет, что в современной России, несмотря на закрепленный в Конституции принцип разделения властей, именно исполнительная власть занимает верхнее положение в политической иерархии. Особенно ярко это проявляется на региональном уровне, где исполнительная власть стремится контролировать деятельность парламента, а зачастую и судебной системы. В результате главы исполнительной власти становятся чуть ли не единственными акторами политической жизни.

В Эвенкийском автономном округе данная особенность проявлялась в парадоксальном масштабе. Как видно из табл. 1, 74% населения считало, что жизнь в Эвенкии зависит от деятельности губернатора, только 10,1% полагали, что от деятельности федеральных органов власти, процент же населения, усматривающего влияние на ситуацию в регионе всех остальных органов власти, включая Законодательный суглан, находился в пределах

статистической погрешности. Максимально высокой была и оценка деятельности губернатора населением. Доминирующее число респондентов считали, что за последние годы жизнь в Эвенкии изменилась к лучшему (78,8%), и связывали это преимущественно с деятельностью губернатора Золотарева (74%).

Вполне закономерно, что после ухода губернатора (по закону он должен был прекратить полномочия в течение года после проведения референдума) население оказалось в состоянии тревожного ожидания. Доминирующие опасения, выявленные в ходе проведенных фокус-групп, можно сформулировать в двух основных тезисах: страх потери управляемости («Почему, спрашиваю, автобусы из аэропорта не ходят в поселок, – потому что теперь никому ничего не надо и спроса с них никакого. При Золотареве такого не было – ответственность была, а теперь все так будет. Хлопонин далеко – он не проконтролирует») и страх потери финансовой самостоятельности («Раньше губернатор напрямую в Москве решал вопросы финансирования, существовали губернаторские надбавки к пенсиям, финансировалось большое количество социальных проектов. Теперь такого не будет – Красноярску самому мало, зачем еще мы им?»).

Ни один из органов власти в новой структуре управления, по мнению большинства населения, не может в полной мере погасить проявившиеся опасения. У местных органов власти, как исполнительной, так и законодательной, недостаточно для этого политического веса, опыта и знаний. Губернатор Красноярска, по мнению жителей Эвенкии, находится слишком далеко и не в состоянии контролировать ситуацию, а кроме того, у него много других приоритетов и зон ответственности – территория края слишком велика. Это определило особый характер ожиданий от деятельности депутата высшего представительного органа края: он должен быть активным связующим звеном между властями Красноярска и Эвенкии, проводником проблем и интересов представляемой им территории, а кроме того, эффективным менеджером, способным еще и реализовывать необходимые для территории социально-экономические проекты. Таким образом, востребованным оказалось совмещение в одном лице функций исполнительной и законодательной власти.

Переходя к анализу следующей причины, вызвавшей особый характер ожиданий населения от депутата представительного органа власти, приведем показательный факт. По результатам опроса большинство населения крайне негативно оценивало процесс объединения с краем, тем не менее проголосовало за него на референдуме. По мнению большинства опрошенных экспертов,

И.В. Гудков

положительный результат на референдуме по вопросу объединения стал возможен исключительно благодаря усилиям губернатора (Б. Золотарева): «Проголосовали, потому что губернатор попросил. Мы понимали, что его сильно “нагнули” в Москве. Это была наша дань Золотареву за все, что он для нас сделал».

Приведенный пример довольно четко характеризует особый тип политической культуры, доминирующий на данной территории, который мы уже обозначили как подданныческий. По мнению ряда исследователей, «культура подданных» является одним из основных типов традиционных для России политических культур. Она предполагает относительно высокий уровень общественно-политических знаний и вместе с тем отсутствие у ее носителей самостоятельных позиций, ориентацию на лидера, суверена. На современном этапе данный тип культуры проявляется в потребности «сильной руки» и желании делегировать ей функцию политической активности.

После того как население территории лишилось сильного лидера в лице губернатора, появилась довольно явно выраженная потребность в новом лидере, с патерналистскими чертами: защитник, руководитель, «кормилец». Отсюда и соответствующая шкала ожиданий от потенциального депутата, выраженная в особом характере деятельности и личной ответственности.

Опираясь на результаты качественных исследований, можно утверждать, что описанные выше доминирующие электоральные ожидания связаны исключительно с кандидатами-мажоритариями (представителями территории) и практически не связаны со списочными кандидатами политических партий. Основная причина в качестве самих партийных списков. У населения существует сформированное представление, основанное на социально-политическом опыте и мнениях авторитетных лиц, о том, что предлагаемые для голосования партийные списки – не более чем рекламный трюк: «Голосуем за одних, а выбираем совсем других – кот в мешке»; «Не хорошо, когда люди идут первыми в списках, а потом уходят. Партию поднимают и уходят. Это беда партийных списков. Кто там за ним остался», «Пупкин, который там впереди, он же никогда в Думу не пойдет, это паровозики. Особенно у нас. Все всех знают. И знают, что если их выберут, никогда они работать в Заксобрании не будут».

Таким образом, голосуя за кандидата-мажоритария, избиратели выбирают конкретного политического лидера, связывают с ним определенные ожидания и в некоторой степени могут надеяться на реализацию своих интересов, т. е. совершают мотивированный выбор. Голосование за партийные списки носит

преимущественно формальный, немотивированный характер: «Голосуем, потому что надо».

В свою очередь, депутаты, будучи избранными от конкретных территорий, сохраняют связи со своими избирателями и могут наиболее адекватно аккумулировать и реализовывать запросы представляемых ими групп населения. Население же, связывая удовлетворение своих ожиданий с конкретным человеком, а не аморфной политической структурой, может более активно контролировать процесс их реализации. Таким образом, «персонализация ответственности» является крайне востребованной и оказывается одним из важнейших аргументов в пользу доверия органам власти: «Как мы с партии спросим? Это ж не конкретный человек. За что и кто у них там отвечает?»; «Своих депутатов мы хоть в лицо знаем. Знаем, с кого спросить в случае чего. А голосуя за партии, мы выбираем какие-то непонятные списки, где их потом искать, этих людей?!».

Есть и еще одна причина, почему голосование за депутатов по мажоритарным округам является более мотивированным в таких регионах, как Эвенкия. Социально-демографические (наличие коренного населения), экономические (зависимость от бюджетных денег) и географические (удаленность от краевого центра, ограниченность транспортного сообщения) особенности территории дают большей части населения уверенность в «особом положении» региона и позволяют требовать «особого отношения» со стороны власти. Как показывают результаты фокус-групп, большинство жителей Эвенкии считает, что депутат в Законодательном собрании края должен отстаивать «исключительные права» территории, которую он представляет, – добиваться льгот, принятия программ поддержки коренного населения, увеличения бюджета. Соответственно, он должен, с одной стороны, обладать определенным политическим весом, а с другой – быть достаточно свободным, не испытывающим влияния ни со стороны власти, ни со стороны других политических сил. В случае с депутатами от политических партий это невозможно по определению: они связаны партийной дисциплиной, зависимы от политических элит, а кроме того, у них нет прямого взаимодействия с территориями, соответственно, они слабо представляют себе проблемы и потребности отдельных регионов.

Подводя итоги, еще раз отметим, что на сегодняшний день голосование за депутатов-мажоритариев на региональном уровне политического пространства России носит гораздо более мотивированный характер, нежели голосование за кандидатов по спискам политических партий. С представителями территорий

И.В. Гудков

население связывает удовлетворение конкретных ожиданий, голосование за списки носит, как правило, формальный характер. Кроме того, для большинства избирателей кандидат от их избирательного округа несет персональную ответственность за реализацию своих обещаний, он более доступен, его можно контролировать, в отличие от кандидатов политических партий, которые подотчетны только партийному руководству. В свою очередь, категория ответственности и подконтрольности напрямую связана с категорией доверия органам власти. Таким образом, сохранение мажоритарной схемы выборов представительных органов власти на региональном уровне представляется более целесообразным, чем переход к полностью пропорциональной системе.

Примечания

- 1 Здесь и далее – данные опроса, проведенного на территории Эвенкийского муниципального района в период с 9.01.07 по 23.01.07. Метод: полуструктурированное интервью по месту жительства респондентов, с квотированием по полу, возрасту, району проживания. Совокупная выборка – 800 респондентов.
- 2 Здесь и далее – цитаты участников фокус-групповых исследований, проведенных на территории Эвенкийского муниципального района в период с 9.01.07 по 23.01.07 с квотированием по возрасту и типу занятости. Материалы из личного архива автора.

М.В. Вельмакин

ФОРМИРОВАНИЕ НЕПАРТИЙНЫХ
ОППОЗИЦИОННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ
ДВИЖЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
в начале XXI века

Проблема деятельности молодежных политических организаций в последние годы пользуется заслуженным вниманием ученых-политологов, социологов, аналитиков и публицистов. Оранжевые революции наглядно показали, что именно молодежь рассматривается политическими силами как ресурс, который можно использовать в борьбе за власть, в том числе и при смене политического режима.

В этой связи настроения молодежи в Белоруссии представляются актуальными. Как известно, Беларусь – президентская республика. За время пребывания у власти А. Лукашенко, по мнению многих аналитиков, в стране оформилась политическая модель, основанная на авторитарной власти президента, значительном государственном секторе экономики, проникновении государства во все сферы общественной жизни. Выступая на втором Всебелорусском собрании 18 мая 2001 г., президент так оценил пройденный путь: *«Мы впервые в истории белорусского народа создали независимое суверенное белорусское государство. Мы создали эффективную действующую систему государственного управления, то, что в народе называют «вертикаль власти»... Мы сохранили и укрепили структуры обеспечения национальной безопасности и обороноспособности страны. Мы уберегли страну от мафиозных кланов, не дали криминалу стать политической силой и прорваться во власть. В стране нет разрухи, коррупции, разбоя, беспорядка и беззакония. Мы остановили галопирующую инфляцию, сократили дефицит государственного бюджета. И это без всякой помощи извне... Мы закрепили и развили позитивные тенденции к устойчивому экономическому росту»* [4].

В опубликованной в июле 2006 г. в газете «СБ – Беларусь сегодня» программной статье замглавы администрации президента Анатолий Рубинов указал на существование государственной идеологии как неотъемлемой части современной белорусс-

М.В. Вельмакин

кой политической системы. *«Сегодня для нас идеология – это не столько теоретические формулировки, взятые из учебника, сколько направление практического движения и развития нашего общества и государства. Это та совокупность представлений, которая порождается коренными интересами народа, воспринимается, аккумулируется, творчески перерабатывается и воплощается в жизнь руководством страны»*, – говорится в статье [4].

В стране уделяется огромное внимание состоянию силовых ведомств – министерства внутренних дел и комитета государственной безопасности. Так, заработная плата рядового сотрудника милиции более чем в два раза превышает среднюю заработную плату по стране.

Оппозиционные партии фактически лишены представительства в органах власти. В Палате представителей Национального собрания оппозиция не представлена, а во всех местных советах, вместе взятых, некоммунистическая оппозиция располагает менее чем двадцатью мандатами. Видные представители оппозиции неоднократно подвергались репрессиям, один из кандидатов в президенты Александр Козулин недавно осужден на пять с половиной лет тюрьмы. В настоящее время в Беларуси насчитывается девять международно признанных политзаключенных (Михаил Маринич, Валерий Левоневский, Александр Васильев, Юрий Бандажевский, Андрей Климов, Сергей Скребец, Микола Статкевич, Павел Северинец). За годы правления Лукашенко пропали без вести председатель Центризбиркома Виктор Гончар, бывший министр внутренних дел Юрий Захаренко, бизнесмен и общественный деятель Анатолий Красовский, оператор ОРТ Дмитрий Завадский.

На международном уровне политический режим в Беларуси подвергается серьезной критике как недемократический. Результаты последних президентских выборов не были признаны США и Европейским союзом.

Осенью 2004 г. Европейский союз запретил въезд на территорию ЕС ряду белорусских чиновников. В настоящее время въезд в Европу запрещен, в частности, генеральному прокурору Петру Миклашевичу, руководителям администрации президента Геннадию Невыгласу, Анатолию Рубинову, Наталье Петкевич, Олегу Пролесковскому, министру информации Владимиру Русакевичу, главе КГБ Степану Сухоренко, секретарю БРСМ (Белорусский республиканский союз молодежи, официальная молодежная организация) и др.[2, с. 31].

Если говорить о молодежной политике в Республике Беларусь, то она предусматривает деятельность молодежных обществ-

венных организаций, в их работе можно принимать участие начиная с 14-летнего возраста. В дневнике школьника, в разделе «права ученика» пункт 14 звучит следующим образом: «Ученик имеет право на участие в детских и молодежных общественных организациях (объединениях)». Под данным пунктом имеется в виду Белорусский республиканский союз молодежи.

Общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи» является правопреемником комсомола Беларуси, Союза молодежи Беларуси, Белорусского патриотического союза молодежи, Белорусского союза молодежи. Решение о его создании было принято 6 сентября 2002 г. на объединительном съезде.

На сайте организации говорится следующее: «Наша организация насчитывает 9635 первичных организаций. Членом ОО БРСМ может быть любой гражданин Республики Беларусь, лица без гражданства, а также иностранные граждане, постоянно проживающие в Республике Беларусь, в возрасте от 14 до 31 года, признающие Устав и программные документы ОО БРСМ.

Целью ОО БРСМ является создание условий для всестороннего развития молодежи, раскрытия ее творческого потенциала, содействия развитию в Республике Беларусь гражданского общества, основанного на патриотических и духовно-нравственных ценностях. Белорусский республиканский союз молодежи объединяет в своих рядах небезразличных людей, тех, кто не собирается сидеть сложа руки, а сам готов приложить свои силы, использовать свои способности для того, чтобы сделать интереснее, ярче, осмысленнее свою жизнь и жизнь своих сверстников.

«У каждого из нас есть идеи, замыслы, творческие планы. Реализовать их можно со своими единомышленниками. Каждый молодой человек должен иметь возможность быть услышанным, обсудить вопросы, которые его волнуют, с другими заинтересованными людьми (сверстниками, представителями старшего поколения, экспертами, представителями власти), узнать, что он может сделать для решения существующих проблем, а также получить поддержку своих дальнейших действий. БРСМ – по-настоящему единый молодежный союз. Работая в нем, мы выступаем не только как жители своего города, учащиеся своей школы, но и как представители белорусской молодежи. Мы ощущаем себя частью нашей Родины, частью Республики Беларусь» [3].

Интересен тот факт, что членство в данной организации предполагает некоторые блага студентам вузов, начиная от лояльности деканов до приоритета участия в различных конкурсах именно членов данной организации. Известны случаи давления

М.В. Вельмакин

руководства вузов на студентов с целью привлечения их в ряды БРСМ. При поступлении в Белорусский государственный университет заполняют анкету, в которой есть вопрос об участии в организациях. Предлагаются два варианта ответа: 1. БРСМ, 2. не состою.

Студентов – членов союза молодежи вывозят на митинги, концерты и другие мероприятия в поддержку действующего президента.

Почти все оппозиционные партии имеют свое молодежное крыло, но они в силу ограниченности действий и слабости партий не могут выразить протест в полной мере.

Помимо партийных оппозиционных движений, существует ряд движений, которые также выступают с призывами ненасильственного протеста против действующей власти. Они чаще всего являются основными организаторами акций, начиная от флэш-мобов, митингов, закрытых концертов, заканчивая организацией палаточного лагеря, который был установлен на Октябрьской площади в период с 20 по 24 марта 2006 г. 24 марта около трех часов утра сотрудники ОМОНа и милиции оцепили площадь, вывели за оцепление журналистов, а затем погрузили всех людей, которые ночью были в палаточном городке, в автозаки и автобусы. Было задержано более 320 человек. В этот же день рано утром начались закрытые суды над задержанными.

Движения ненасильственного протеста не только не могут пройти регистрацию, но и подвергаются постоянному давлению со стороны власти. Многие активисты были отчислены из институтов за участие в деятельности подобных движений. Члены организаций часто подвергаются допросам сотрудников КГБ, а нередко задерживаются и арестовываются. Белорусское телевидение рассматривает их деятельность как экстремистскую.

Именно эти движения организовали акции протеста в Минске в период с 19 по 25 марта 2006 г. Несмотря на многочисленные задержания и аресты активистов, 19 марта 2006 г., в день выборов президента Республики Беларусь, на Октябрьской площади не без усилия данных организаций собралось, по разным данным, от 10000 до 30000 человек, которые проголосовали за принятие Декларации народа Республики Беларусь и потребовали признать президентские выборы 19 марта недействительными; признать, что Центризбирком Беларуси несет полную ответственность за фальсификацию результатов выборов; назначить проведение повторных выборов на 16 июля 2006 г. По данным международной миссии ОБСЕ по наблюдению за выборами, на 18 марта из 30 доверенных лиц кандидата Милинкевича 8 нахо-

дились под стражей или отбывали срок административного заключения. Под арестом, по тем же данным, находились не менее 100 активистов кампании Милинкевича и не менее 80 активистов кампании Козулина. Эти данные не учитывают активистов незарегистрированных организаций. В период продолжавшихся акций протеста, которые были завершены 25 марта в результате применения силы сотрудниками ОМОНа, были проведены массовые аресты участников. При задержании людей жестоко избивали, применялись дымовые шашки и слезоточивый газ.

По данным, опубликованным правозащитными организациями, за участие в мирных акциях протеста против фальсификации итогов президентских выборов было осуждено около 500 человек, в том числе и иностранные граждане. Большинство из них получили 10 или 15 суток ареста [1, с. 176].

Многие молодые люди в этот период участвовали в акциях протеста впервые в своей жизни, некоторые из них были осуждены, другие впоследствии стали активистами молодежных протестных движений. Практически у каждого молодого человека или девушки в городах Беларуси в эти дни можно было увидеть красно-белый (цвета оппозиции Беларуси – бело-красно-белый флаг) значок со словом «свобода». Возможно, именно недостаток свободы и является основным стимулом для выхода молодежи на улицу и создание организаций ненасильственного сопротивления действующей власти.

Для проверки данной гипотезы было проведено авторское исследование методом свободного интервьюирования молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет в городах Минск и Витебск. В опросе приняли участие 139 человек. Респондентам был задан вопрос: «Достаточно ли вам свободы?» Положительно ответили 29,49% опрошенных, отрицательно – 59,71%, затруднились ответить 10,79%.

Помимо вопроса респондентам было предложено по желанию пояснить свой ответ. Интересен тот факт, что 22 человека, ответив на этот вопрос отрицательно, пояснили свой ответ одним словом – «Президент»/«Лукашенко». Почти все остальные, кто ответил «нет», имели в виду систему власти в Республике Беларусь: *«Не хватает свободы, чтобы путешествовать, хотя это больше вопрос денег, учиться и не думать про работу, разговаривать на родном языке, читать, слушать, смотреть на нём... Чтобы не думать про распределение, про армию (хотя это мне не угрожает), свободы высказывать свои мысли, посылать, допустим, несправедливого декана»* (21 год, студент БГУ) [5, интервью № 1].

При этом в среде студенчества существует национальная самоидентификация, если судить по тому, что студентам не хватает общения на родном (белорусском) языке, так как в Республике Беларусь два государственных языка – русский и белорусский. Русский распространен в большей степени.

Респонденты часто выражают недовольство системой распределения, отработкой в течение двух лет выпускника, получившего бесплатное образование, на государственном предприятии, которое определяет вуз: *«Какой разговор может быть о свободе в нашем обществе?»* (18 лет, студентка) [5, интервью № 2]. Респонденты также обращали внимание на сложность выезда за границу, демонстрировали недовольство военной обязанностью и распределением: *«Мне не нравятся служба в армии после получения высшего образования, институт прописки, штамп на выезд, распределение»* (21 год, студент) [5, интервью № 5].

Большинство опрошенных осознают недостаток свободы прежде всего как невозможность реализации прав человека и гражданина: *«Не хватает конституционных прав»* (18 лет, студент) [5, интервью № 8]; *«Не хватает свободы перемещения из-за плохой внешней политики страны, не хватает свободы слова, вероисповедания, свободы совести...»* (21 год, студент) [5, интервью № 13].

Предыдущими респондентами отмечался недостаток свободы слова и вероисповедания: *«Если говорить о свободе мысли – ее тоже не хватает. Никто не запрещает нашим людям свободно думать, но тем не менее их с малых лет учат думать несвободно, таким образом рабское поколение плодит следующее»* (20 лет, студентка, журналистка) [5, интервью № 14]. Однако присутствует мнение и об отсутствии свободы ведения предпринимательской деятельности: *«Свобода для меня – возможность удовлетворить свои финансовые нужды и желания. В нашей столице с этим обычно возникают трудности: начиная от мусорок и туалетов, которых не хватает, до киосков Белсоюздрука, которые закрываются в 7 вечера, и батарейки в плеер ты уже нигде не купишь. Все это свобода действий»* (Там же). Таким образом, данный респондент выделяет две проблемы: свобода действий и свобода мыслей. Если говорить о первом, то, на мой взгляд, здесь можно отметить пережиток СССР, который прослеживается в жизни городов. Если говорить о втором, то респондент отмечает закономерность воспитания, которое вырабатывает некую систему мыслей, образа жизни и т. д.

«Не хватает свободы перемещения, а в остальном можно постараться справиться своими силами...» (22 года, студент) [5, интервью № 18].

Формирование непартийных оппозиционных молодежных движений...

«Потому, что живешь как на иголках. Потому что не уверен в своем будущем. Потому что живешь дорого. Потому что рядом соседи, которые живут векторно иначе, богаче...» (19 лет, студент) [5, интервью № 21].

«То, как разрушается наша культура, как топчут на глазах наш родной язык, это противно. Второе – то, что сейчас страной управляют тупоголовые чинуши, а настоящих депутатов и чиновников, которые поднимают голову, заботятся о своем народе, увольняют с мест. Плюс разрушают систему торговли, которую наши родители создавали почти 10 лет. Возвращаются к старому неэффективному стилю управления, а взамен ничего не предлагают» (17 лет, студент) [5, интервью № 22]. Данный респондент, помимо перечисленного выше, отмечает экономическую ситуацию: разрушаются задатки рыночной экономики, к которой страна пыталась перейти в начале и середине 1990-х годов.

«Хочется иметь больше свободы в выборе концертов, на которые можно сходить, большей свободы влияния на то, что у нас творится в политической сфере, а также больше свободы выезда за границу, без надобности получения виз с дикими условиями» (23 года, программист) [5, интервью № 25].

«Нет свободы для самореализации» (19 лет, студентка БГУИР) [5, интервью № 28].

Интересен, тот факт, что некоторые из тех, кто положительно ответили на вопрос «Хватает ли Вам свободы», в пояснениях также затрагивали тему власти или системы.

«Я ответил “да”, потому что мне лично хватает свободы, и в ближайшее время я не собираюсь бороться за власть» (21 год, студент) [5, интервью № 4]. Несмотря на то что респондент на поставленный вопрос ответил «да», в своем пояснении он дает понять, что если бы он пытался реализовать себя в политической сфере, то ответ был бы другим. В любом случае респонденты апеллируют к власти как к инстанции, определяющей политическую и экономическую жизнь в стране. Хотя прямо вопрос именно о власти или о свободе в политике конкретно респондентам не задавался.

«Мне хватает свободы, система власти не мешает мне лично жить» (20 лет, студент) [5, интервью № 10].

«Свободы хватает, потому как главная свобода – внутри» (22 года, студент) [5, интервью № 12].

«Фактически мне не запрещают высказывать свои мысли. А не есть ли это свобода?» (17 лет, студент) [5, интервью № 24].

Респонденты, которые не смогли определиться с ответом, в пояснениях также затронули тему власти в республике.

«Сложно ответить, если это касается информации (ТВ, газеты, не считая Интернета), то не хватает этой свободы информации... Насчет свободы нашей страны идти другим путем – в сторону Европы – то эта самая свобода притесняется» (20 лет, студент) [5, интервью № 7].

«Свободу от всего, что идет извне, получить несложно, но не хватает свободы для инициативы, для активности...» (19 лет, студент) [5, интервью № 19].

«Абстрактной свободы хватает, а конкретных свобод – нет» (21 год, студентка истфака) [5, интервью № 20].

«Я учусь за границей, поэтому мне полностью хватает свободы. Но на родине – нет. Даже просто на улице чувствую сдавленный народ. И не могу полностью делать то, что хочу, дома» (19 лет, студентка) [5, интервью № 27].

По результатам данного опроса можно сделать вывод, что молодое поколение недовольно сложившейся системой власти. Несмотря на то что вопрос ставился в свободной форме и под словом «свобода» каждый должен был понимать то, что ему ближе, практически все респонденты под «свободой» понимали именно политические свободы в Республике Беларусь, не исключая тех, кто отвечал на вопрос положительно или затруднились ответить. Многие из тех, кто ответили «нет», упомянули о проблемах, связанных с самореализацией внутри государства.

Молодежь не может проявить себя на данном политическом поле, имея разные взгляды и мысли. В то же время молодежь, ориентируясь на Европу и Россию, прекрасно понимает ограниченность своего участия в политической жизни страны. Молодежи, которая хочет проявить себя в политике, предлагается только два варианта: хочешь заниматься политикой – вступай в БРСМ или иди в молодежку оппозиционной партии, где тебе не дадут реализовать себя и даже свой протест в полной мере.

Сложившаяся политическая система республики и существующая молодежная политика являются основной причиной появления непартийных организаций и движений для осуществления ненасильственного протеста против действующей власти. Несмотря на жесткое давление со стороны власти, деканов и ректоров университетов молодежь не видит других перспектив для участия в политической жизни страны и влияния на действующую власть, кроме своего участия в деятельности непартийных оппозиционных движений или их поддержки, в акциях протеста, организаторами которых они являются.

Литература

1. Верым! Можам! Пераможам!: Падзеі Менскай Вясны – 2006: Кроніка, дакументы, сьведчанні / Укл. М. Савушкіна, А. Лапценак. Менск, 2006.
2. Партизанская республика. Акции протеста в Минске 19–25 марта 2006 года / Под ред. Е. Михайловской. М., 2006.

Электронные ресурсы

3. Интернет-портал «Молодежь Беларуси» (Белорусский республиканский союз молодежи) // www.brsm.by.
4. Официальный сайт президента Республики Беларусь // <http://president.gov.by/rus/president/profile/>
5. Архив автора (авторское исследование, проведенное в период с 2.05.2007 по 6.05.2007, метод – структурированное интервью, место – Республика Беларусь, города Минск, Витебск).

О.И. Чуркина

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

The medium is the message.
(Средство коммуникации есть сообщение)

Маршалл Маклюэн

В последнее десятилетие XX в. информационно-коммуникационные технологии стали одним из важнейших факторов, влияющих на развитие общества. Их революционное воздействие касается государственных структур, экономической и социальной сфер, науки и образования, культуры и образа жизни людей и, конечно, институтов гражданского общества.

В данном исследовании мы будем понимать гражданское общество как систему объединений свободных и равных граждан, не являющихся ни государством, ни семьей, где граждане обладают правом на объединение исходя из общих интересов и потребностей и активно самоорганизуются для реализации этого права. Вопрос существования гражданского общества – это во многом вопрос способности гражданских организаций создать функционирующую систему коммуникации, с помощью которой возможно заявить о своем существовании, о своих реальных делах, о своей пользе для общества. Иными словами – это вопрос эффективности коммуникации как внутри гражданского общества, так и вне его. Коммуникация в широком смысле слова – это все виды деятельности, связанные с использованием знаков и символов для передачи информации.

«Коммуникационный взрыв» как феномен XX в. обусловил появление разнообразных концепций: «новой технологии и организации» (Дж Гэлбрейт), «человеческой техники» (Ж. Эллюль), «информационной технотехники» (П. Дракер), «интеллектуальной технологии», «электронного общества» (Д. Белл), «информатизированного общества будущего» (Ж.-Л. Серван-Шрейбер) и др. «Власть информации, – пишет Ж.-Л. Серван-Шрейбер в одноименной книге, – единственная власть, которая непрерывно возрастает как благодаря развитию техники, так и – главным образом – потому, что она, информация, стала тем пропускным пунктом, которого никто не может избежать» [9].

Коммуникация в гражданском обществе схожа с политической коммуникацией. В обоих случаях важна не просто передача информации, но возможность мотивировать людей для деятельности и обеспечивать обратную связь. И в политической, и в гражданской коммуникации передается три основных типа сообщений: побудительные (призыв, убеждение); собственно информативные (сведения о событиях); фактические (сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между субъектами политики или гражданскими объединениями). Вместе с тем коммуникация в гражданском обществе специфична по своим функциям, структуре и средствам.

Сущностной стороной коммуникационных процессов в гражданском обществе является самоорганизованная передача, перемещение, оборот социальной информации, которой обмениваются (собирают, перерабатывают, распространяют и используют) в процессе конкретной общественно-практической деятельности гражданские объединения, во имя реализации своих интересов. Эта информация представляет собой совокупность знаний, сообщений о событиях, акциях и планах. С ее помощью передается опыт гражданской самоорганизации, координируются усилия людей с общими интересами, происходит их гражданская социализация и адаптация, генерируется, структурируется и синхронизируется гражданская активность. Итак, под *коммуникацией в гражданском обществе* будем понимать процессы сбора, обработки, хранения и распределения информации, которой обмениваются гражданские организации, или НКО, в процессе конкретной общественно-практической деятельности.

Гражданское общество как коммуникационная система обладает своими средствами, субъектами и объектами коммуникации. Субъектами коммуникации выступают собственно гражданские организации. Основными объектами – государство, бизнес, политические партии и другие общественные объединения. Средствами коммуникации являются прежде всего личные контакты, конкретные действия и акции, другие организации и, конечно, средства массовой информации, включая Интернет.

Технологии интернет-коммуникации можно разделить на две основные категории: оффлайн-технологии – средства распространения сообщений, обеспечивающие коммуникации в режиме off-line, т. е. допускающем существенную асинхронность в обмене сообщениями, и онлайн-технологии синхронных коммуникаций в реальном времени (on-line). На сегодняшний момент on-line электронные коммуникации – самый совершенный коммуникационный канал, максимально полно способству-

О.И. Чуркина

ющий реализации функций гражданского общества. В нашей работе мы исследовали самый современный формат коммуникационных средств, способный передавать широкий спектр сообщений, – сайты Интернет.

В настоящее время число зарегистрированных некоммерческих организаций приближается к полумиллионной отметке. Тем не менее третий сектор только начинает открывать для себя коммуникационные ресурсы сайтов Интернет. Под *коммуникационными ресурсами* в данном исследовании понимаются все те возможности, которыми располагают гражданские организации для реализации своих коммуникационных функций.

Коммуникационная функциональность сайта отражает степень соответствия его содержания одной из основных функций организации, для которой он создан, – коммуникационной, или функции передачи значимой информации для установления устойчивого взаимодействия между НКО и СМИ, бизнесом, государством и другими гражданскими организациями. Обладать высокой коммуникационной функциональностью может сайт НКО с определенным содержанием, которое включает информацию, необходимую для взаимодействия различных организаций.

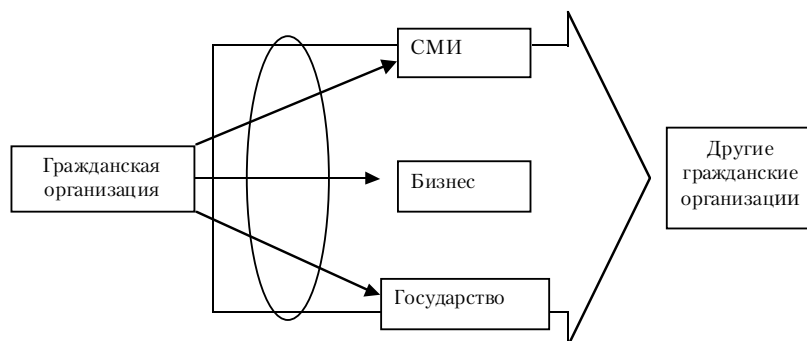

Рис. 1. Система коммуникации в гражданском обществе

С целью выявления ресурсов интернет-коммуникации российского гражданского общества была проведена социологическая экспертиза содержания активных сайтов гражданских организаций в русскоязычном сегменте сети Интернет. Для этой цели была разработана специальная шкала, позволяющая оценить коммуникационную функциональность содержания сайта.

Методом количественного контент-анализа с применением этой шкалы был описан 301 сайт российских НКО. Предметом контент-анализа выступает коммуникационная функциональность сайта НКО. Объектом анализа являются действующие сайты НКО.

В целях измерения коммуникационной функциональности сайта была разработана шкала суммарных оценок. Для построения шкалы было выделено четыре функции сайта гражданской организации:

- информационная поддержка деятельности НКО;
- межсекторное партнерство НКО;
- освещение своей деятельности и деятельности партнерских НКО;
- образовательная помощь другим НКО.

Если сайт содержит информацию для реализации этих четырех функций, то он может эффективно действовать как средство коммуникации.

Каждая из функций является параметром, измерение которого нужно представить несколькими переменными, так как параметры слишком широки (табл. 1). Всего выделено 15 переменных, которые могут принимать значение от 0, 1 до 2.

«0» означает отсутствие проявления данного параметра или отсутствие на сайте содержания такого рода информации, «1» означает наличие информации такого рода. Если уместно, то «1» означает слабое проявление параметра или небольшое количество информации такого рода, а «2» – высокую степень проявления данного параметра. Конкретные условия для приписывания переменной того или иного значения были установлены в результате предварительного анализа 60 сайтов НКО.

Суммировав значения всех переменных, получаем *индекс коммуникационной функциональности*. (Можно получить и специальные индексы: партнерства, информирования, жизнедеятельности, обучения.) Для этого нужно сложить оценки переменных соответствующего параметра. В результате были получены количественные оценки использования общественными организациями потенциала своего сайта.

Большинство рассмотренных НКО афишируют себя как всероссийские. Таких НКО 37,5%. Среди городов наиболее представлены в электронном гражданском обществе столицы Москва (16,3%) и Санкт-Петербург (8,3%). По направлению деятельности было выделено 13 групп НКО (табл. 2).

Таблица 1
 Параметры, переменные и индикаторы,
 использованные для контент-анализа сайтов российских НКО

ИНДИКАТОРЫ	ПЕРЕМЕННЫЕ	ПАРАМЕТРЫ
0 нет	1 есть	Информационная поддержка деятельности НКО
0 нет	1 описание фондов и коммерческих организаций	
0 нет	2 ссылки на фонды	
0 нет	2 статьи, до 2 книг	
0 нет	2 книги, более 2	
0 нет	2 конкретные, с датами	
0 нет	2 общие намерения	
0 нет	2 более 5 с полным описанием	
0 нет	2 ссылки	
0 нет	2 много ссылок	
0 нет	1 есть	Межсекторное партнерство
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 только о хост-НКО	Освещение своей деятельности и деятельности партнерских НКО
0 нет	2 есть о других НКО	
0 нет	2 более 5 с полным описанием	
0 нет	2 есть, развиты	
0 нет	1 есть, но без модерирования	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	Образовательная помощь другим НКО
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	
0 нет	1 есть	

Таблица 2

Распределение НКО по типам деятельности

Ранг	Направление	Кол-во	Доля (%)
1	Защита прав	50	16,6
2	Защита природы	42	14
3	Развитие гражданского общества	38	12,6
4	Профессиональная деятельность	31	10,3
5	Деятельность молодежи	25	8,3
6,5	Помощь социально-дипривированным группам	24	8
6,5	Работа с детьми, подростками	19	6,3
8	Культурно-просветительская и образовательная работа	19	6,3
9	Оздоровительная работа	14	4,7
10	Клубная работа по интересам	13	4,3
11	Развитие СМИ	10	3,3
12	Женское движение	9	3
13	Военно-патриотическая работа	7	2,3
	<i>Итого</i>	301	100

Как видно из таблицы, наиболее активными интернет-пользователями являются правозащитники. 16,6% сайтов в электронном сегменте гражданского общества – сайты правозащитных организаций. Активно действуют также различные экологические организации (14%), организации, ориентированные на развитие гражданского общества в целом, такие как, например, ресурсные центры или фонды развития гражданского общества (12,6%), профессиональные объединения (от клубов до профсоюзов) (10,3%).

1. Информационная поддержка деятельности НКО

На сайте может быть размещена информация, необходимая всем участникам е-гражданского общества для более эффективной работы: законодательство; база данных по источникам финансирования (по фондам, существующим грантам и т. д.);

О.И. Чуркина

библиотека (образовательные, методические материалы, книги); календарь событий (конференции, семинары, другие планируемые мероприятия).

Анализ содержания сайтов показал, что наиболее распространенной формой информационного наполнения сайта является создание библиотеки. К сожалению, надо заметить, что другие и наиболее важные форматы куда менее популярны и на большинстве сайтов отсутствуют.

Самым ярким индикатором уровня развития коммуникационной эффективности сайта является наличие плана мероприятий НКО. Понятно, что планирование является одной из основных организационных функций и именно ее реализация и обеспечивает развитие организации. В контексте развития потенциала взаимодействия в электронном пространстве между субъектами третьего сектора роль планирования усиливается. Информация о планах позволяет синхронизировать деятельность родственников по направлению НКО, объединить их, привлечь граждан и в итоге обеспечить самоорганизацию более сложных многосоставных субъектов.

Таблица 3

Содержание сайта по параметру информационной поддержки деятельности НКО (%)

	Законодательство	Источники финансирования	Библиотека	Планы
Нет	65,4	70,8	35,4	78,1
Есть	34,6	29,2	64,6	21,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

В результате одномерного дисперсионного анализа было установлено наличие статистически значимого различия между группами НКО по уровню информативности. Это означает, что информационное пространство российского гражданского общества неоднородно. Наиболее насыщено информационное поле НКО, ориентированных на развитие гражданского общества и защиту прав. Несмотря на низкий уровень освещения собственной деятельности, женские организации, оказалось, также наполнены объемными материалами для информационной поддержки других организаций. Наиболее информационно бедны профессиональные объединения, организации, работающие с детьми и подростками и занимающиеся военно-патриотической работой.

2. Межсекторное партнерство

Одним из важных коммуникационных функций е-гражданского общества является содействие установлению партнерских отношений и организация взаимодействия между НКО, представителями бизнеса, государства и СМИ. Основная задача в этом случае – свести четыре группы целевой аудитории с помощью одного интернет-ресурса, предоставив максимум информации о возможностях сотрудничества.

В целом электронное гражданское общество ориентировано в большей степени на внутрисекторное взаимодействие, чем межсекторное. Почти 2/3 объектов коммуникации через сайты – это партнерские НКО. То, что НКО расположено к взаимодействию с государством, можно увидеть на 14% сайтов. Наконец только 9% всех обследованных сайтов могут служить средством сотрудничества с бизнесом (рис. 2).

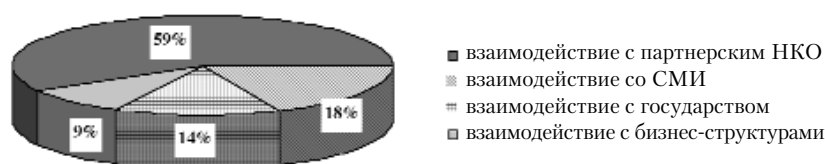

Рис. 2. Распределение сайтов НКО по объектам электронных коммуникаций (%)

Наиболее активно вступают в межсекторное взаимодействие правозащитники и организации, занимающиеся развитием гражданского общества. При этом если правозащитные организации в основном коммуницируют со СМИ, то организации развития гражданского общества ориентированы на коммуникацию с государством.

Некоторым типам НКО в большей степени свойственна коммуникация с бизнесом, чем с государством. Это экологические организации и организации помощи инвалидам и пенсионерам. Одинаково активно взаимодействуют и с государством и с бизнесом организации по развитию детского и подросткового творчества, досуга и т. д., а также организации, занимающиеся проблемами здоровья населения, СПИДа, наркомании, алкоголизма и др.

О.И. Чуркина

Одномерный дисперсионный анализ показал, что различия индексов партнерства между группами НКО значимы, это говорит о некоторой дефрагментации партнерских отношений в третьем секторе. Наиболее вовлеченными в электронное партнерство по праву являются НКО, занимающиеся развитием гражданского общества, а наиболее изолированными оказались женские движения.

3. Освещение своей деятельности и деятельности партнерских НКО

С помощью замера этого параметра можно оценить, насколько полно НКО используют коммуникационный ресурс сайта для трансляции свежей информации о событиях сектора. Ее описывают два индекса: новостной активности и собственной жизнедеятельности.

Практически 17,3% всех новостей электронного гражданского общества – это новости правозащитников. У этого сегмента гражданского общества высокий уровень новостной информативности, т. е. более $\frac{4}{5}$ правозащитных НКО имеют на сайте новостную ленту, которая постоянно обновляется.

Наличие информации о ходе событий, впечатлений от реализованных проектов и интерактивных элементов для общения (форумы, чаты, конференции, гостевые книги) являются еще более важным источником информации о гражданском обществе, чем новости. Именно эти информационные форматы говорят о жизнеспособности и активности повседневной деятельности НКО. Наличие на сайте информации о ходе текущих мероприятий, а также обновляемость и насыщенность форумов свидетельствует о высоком уровне синхронизации электронной и реальной жизни НКО, а также о высоком уровне вовлеченности в электронные коммуникации.

В рейтинге таких оценок на первом месте оказываются молодежные организации – именно их сайты самые «живые». И наоборот, самыми «мертвыми» оказываются электронные версии организаций, ведущих военно-патриотическую работу.

4. Образовательная помощь другим НКО

Одной из основных функций коммуникации является обеспечение преемственности. Конечно, эту функцию можно реализовать и при непосредственном общении, но сайт расширяет

возможности для передачи своего успешного опыта и его трансляции всем участникам электронного гражданского общества. Самыми совершенными формами реализации этой функции на сайте являются: система консультаций в режиме on-line; обучающие материалы; ссылки на другие ресурсы, предлагающие образовательные услуги.

Сегодня возможность использовать сайт как средство преемственности опыта или образования, обучения используется на 21,5%. Наиболее распространено размещение на сайте обучающих материалов. Получить on-line консультацию можно практически на каждом пятом сайте (табл. 4).

Таблица 4

Распределение форм образовательной деятельности через сайт (%)

Индикаторы параметра «Образовательная помощь НКО»	Кол-во	Доля (%)
Обучающие материалы	114	37,87
Ссылки на образовательные ресурсы	24	7,97
On-line консультирование	56	18,60

Выводы

Основной целью данной работы было выявление коммуникационных ресурсов институтов гражданского общества современной России. В результате рассмотрения коммуникационного аспекта функционирования институтов гражданского общества мы пришли к выводу, что гражданское общество следует рассматривать с двух сторон: как средство коммуникационной системы общества и как целостную коммуникационную систему одновременно.

Институты гражданского общества являются каналами для передачи социально значимой информации между участниками социального процесса. Иными словами, гражданские организации играют роль проводника интересов между гражданами и государством, политическими и бизнес-организациями. За счет реализации своей коммуникационной функции гражданские институты устанавливают связи между элементами социальной системы, обеспечивая ее стабильность.

О.И. Чуркина

Гражданское общество является в то же время самостоятельной коммуникационной системой. Как и любая система, она может функционировать автономно, обладая собственными коммуникационными ресурсами, источниками информации и средствами для ее распространения. Но если коммуникационная система гражданского общества действует изолированно, оно лишается возможности существования в информационном поле всего социума, что фактически может означать исчезновение гражданского общества как социального феномена.

Таким образом, гражданское общество – это такая коммуникационная система, которая эффективно реализует свои функции, только если одновременно является средством коммуникации для более крупной коммуникационной системы.

Гражданское общество как коммуникационная система обладает своими средствами, субъектами и объектами коммуникации. Основные функции коммуникационной системы гражданского общества – информационная, социальной связи, обеспечение преемственности, рекреативная, мобилизационная, личностной идентификации, интеграции и социального общения, развлечения, самоактуализации, целостности, контроля.

Коммуникационная система гражданского общества – это синергетическая система огромного количества самоорганизованных организаций, которые существуют локально. Именно поэтому коммуникации в гражданском обществе достаточно сложно фиксировать и наблюдать в полном объеме. Нами была сделана попытка разработать эффективную технику социологической экспертизы, позволяющую описывать состояние средств коммуникационной системы.

В целом, можно зафиксировать *низкий уровень реализации коммуникационного потенциала* сайта у российских НКО. При максимально возможном количестве баллов, равном 21, среднее значение индекса коммуникативности равно 8,2.

Индекс развития показывает соотношения максимального количества баллов, которое мог получить сайт по данному параметру, к его реальному среднестатистическому значению. Как видно из таблицы, все значения параметров очень малы. Потенциал сайта для развития партнерства реализуется на 46,4% (табл. 5). НКО используют возможность распространения информации, необходимой третьему сектору, на 35% и на 28% реализуют потенциал сайта для того, чтобы освещать свою деятельность. Иными словами, в электронном гражданском обществе возможность заявить о себе используется лишь на треть.

Таблица 5

Реализация функций интернет-коммуникации

Функция интернет-коммуникации	Средняя оценка	Максимум оценки	Индекс развития (% от максимума)
Межсекторное партнерство	3,71	8	46,38
Информационная поддержка	2,80	8	34,97
Освещение деятельности НКО	1,11	4	27,83
Образовательная деятельность	0,64	3	21,48

Наиболее эффективно действуют в электронном гражданском обществе правозащитные НКО, организации, ориентированные на развитие российского гражданского общества, и природоохранные объединения. Самые «живые» – сайты молодежных организаций. Иными словами, НКО именно этого типа полнее и своевременнее освещают повседневный ход событий внутри организации, активно участвуют в от-line конференциях и форумах, ближе к реальной жизни организации. И наоборот, самыми «мертвыми» оказываются электронные версии организаций, ведущих военно-патриотическую работу.

Методическое значение нашего исследования заключается в разработке и апробации специальной шкалы оценки эффективности сайта как средства интернет-коммуникации. Полученную шкалу можно использовать для проведения лонгитюдных исследований коммуникации гражданских организаций, исследования интернет-коммуникации государственных организаций, сравнительного исследования интернет-представительства гражданских организаций различных стран, сравнительного анализа гражданских, государственных, политических и других организаций. Использование шкалы позволяет строить рейтинги, проводить категоризацию объектов, описывать динамику изменения электронных коммуникационных ресурсов различных социальных организаций.

Исследование важно и с практической точки зрения. Построенная шкала может использоваться как идеальная модель средства интернет-коммуникации. Результаты исследования мо-

О.И. Чуркина

гут служить методическим пособием для налаживания эффективных интернет-коммуникаций в третьем секторе.

Литература

Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб., 2001.

Гражданское общество в России: возможность самоорганизации и механизмы правового регулирования. М., 2005.

Грачев М.Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация. М., 1999.

Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. М., 2003.

Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М., 2004.

Электронные ресурсы

Аршинов В.И., Данилов Ю.А., Тарасенко В.В. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации. Что такое Internet? // www.i-u.ru

Вертинская О.Н., Мельников И.И., Тюрюканова Е.В. Воздействие информационных и телекоммуникационных технологий на российское общество // <http://www.com-pulog.ru>

Малаканова О.А. Политическая коммуникация // <http://my.samara.ru>

Серван-Шрейбер. Ж.-Л. Власть информации // <http://www.i-u.ru/biblio/archive/kretov%5Fsmkepso/>

Хищенко В.Е. Социальная самоорганизация и новая концепция управления // www.ipur.rsu.ru

А.П. Хриенко
Ал.П. Хриенко

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕЙТИНГИ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ*

Уровень развития социологической науки на Украине в целом и электоральной социологии в частности достаточно высокий, о чем свидетельствуют работы специалистов Института социологических исследований Национальной академии наук, социологического факультета Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко, других научных центров. В то же время факты говорят о том, что в последнее время практически одинаковые исследовательские проекты приводят к различным итогам. Различия иногда достигают существенных величин. В августе 2007 г., к примеру, электоральные замеры общественного мнения на Украине в среднем отличались на величину, превышающую 5,0%. При этом следует учесть, что 1,0% украинского электората соответствует более чем 300 тыс. избирателей. Аналогичная ситуация наблюдается и в других постсоветских странах. Изучение нами специфики электоральных исследований именно на Украине обусловлено тем, что в последние годы там особо активно проводятся электоральные исследования, а также тем, что в украинском социологическом сообществе имеют место соответствующие дискуссии специалистов. В частности, широко известна дискуссия по вопросам репрезентативности применения экзит-пола (exit-poll) на президентских выборах двухлетней давности.

Накануне внеочередных парламентских выборов на Украине в средствах массовой информации также было опубликовано большое количество социологического материала, посвя-

* Материал подготовлен на основе социологического анализа специфики применения метода опроса в изучении общественного мнения украинского электората в преддверии внеочередных парламентских выборов 30 сентября 2007 г.

щенного выявлению политических приоритетов украинских избирателей. Различные социологические и специализированные научно-исследовательские центры практически ежедневно приводили данные электоральных опросов, формируя должным образом общественное мнение населения. Такая информация предназначалась как для служебного пользования, так и для широкого круга общественности. В данной связи особый интерес для нас представляет именно та информация, которая находится в открытом доступе и активно распространялась различными массмедиа. Результаты таких исследований (прежде всего, речь идет о рейтингах основных политических сил на Украине) зачастую являлись неоднозначными и преимущественно противоречивыми, что требует более пристального внимания к ним как со стороны профессионального социологического сообщества, так и населения в целом.

В настоящее время различного рода рейтинги широко применяются в области массмедиа¹, маркетинга² и социологии³. Согласно научному определению, рейтинг – понятие, характеризующее значимость, место, вес, позицию данного объекта по сравнению с другими объектами этого класса (типа) [1, с. 848]. В общественном мнении рейтинги преимущественно ассоциируются с наиболее значимыми акторами (персоналиями) – политиков, публичных деятелей, артистов и т. п. Чаще всего рейтинги ассоциируются с некоторой величиной, имеющей единое числовое значение, которое выражается в процентах либо в пунктах. Однако количество видов рейтингов может быть сколь угодно велико, в зависимости от критерия, лежащего в основе их построения (классификации). В электоральной социологии используется большое количество различных типов рейтингования. Это, прежде всего, рейтинги известности, доверия, большинства, влияния, антирейтинги и др. Наиболее представленным рейтингом, характеризующим электоральную ситуацию на Украине, в частности, является так называемый рейтинг прожективного электорального поведения, либо электоральный рейтинг, измеряющий значимость кандидата или партии⁴, а также ориентировочно оценивающий его потенциальную социальную и электоральную базу. Самым распространенным способом измерения такого рейтинга является обобщение ответов на стандартный вопрос: «Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, то за кого (какую партию) Вы бы проголосовали?».

Анализируя степень эффективности или, скорее, результативности электоральных рейтингов, необходимо уточнить:

во-первых, то, что основополагающим способом получения первичной информации является метод опроса как незаменимый метод социальной диагностики большинства аспектов общественной жизни. На сегодняшний день разработана достаточно обоснованная теоретико-методологическая база для реализации этого метода и достижения максимального уровня репрезентативности результатов;

во-вторых, то, что получаемая информация в результате опросов является не чем иным, как результатом выявления общественного мнения. Общественное мнение в данном случае есть своеобразный способ существования и проявления массового сознания, посредством которого выражается духовное или духовно-практическое отношение народного большинства к актуальным для него фактам, событиям, явлениям и процессам действительности [4, с. 443].

Более того, необходимо отметить, что из всего многообразия каналов выражений общественного мнения населения, таких как опосредованные⁵, прямые⁶ и специализированные, только последние представляют собой группу методов научно-обоснованного анализа. К ним относятся опросы общественного мнения, в том числе с целью получения рейтинговой информации, а также референдумы, плебисциты. В теоретическом плане именно таким образом полученная информация может претендовать на наиболее «качественную». Качественность (достоверность) информации достигается возможностями научного обоснования всех этапов организации и проведения опросов, что непосредственно обеспечивает репрезентативный конечный результат. Для развитых демократических обществ данный канал является наиболее естественным каналом выражения общественного мнения.

Таким образом, из всех средств выражения общественного мнения наиболее эффективным являются массовые опросы населения. Такой позиции придерживаются большинство специалистов по данной проблематике [3, с. 131–138]. Однако, признавая такую точку зрения, специалисты сходятся в одном: проблема опроса требует все более детального научного обоснования как в теоретическом плане, так и в плане практического применения, анализа получаемых результатов [2, с. 76].

С точки зрения изучения общественного мнения все виды проводимых опросов можно разделить на две части: опросы, с помощью которых исследуется общественное мнение в целом, и те, где изучаются конкретные состояния общественного мнения: его масштабность, определенность, полярность, распространенность, связность и т. д. Большая часть электоральных опросов в

СНГ и на Украине, в частности, проводится с целью изучения общественного мнения в целом и в наибольшей степени посвящены измерению рейтингов прожективного электорального поведения и, за редким исключением, ряда других распространенных рейтинговых показателей.

Предметом нашего специального анализа стали электоральные рейтинги партийно-политических организаций, представленные социологическими службами, работавшими в преддверии внеочередных парламентских выборов на Украине и получившие довольно широкое освещение в массмедиа. Результаты, как уже отмечалось, существенно различаются, несмотря на то что они получены на основе практически одинаковых критериев и принципов организации и проведения электоральных исследований, в один и тот же временной интервал.

В процессе анализа опубликованных аналитических отчетов прежде всего обращает на себя внимание весьма вольный подход специалистов к формулировкам вопросов. Как указывалось выше, содержание вопроса для получения электорального рейтинга стандартно формируется, как правило, следующим образом: «Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, то за кого (какую партию) Вы бы проголосовали?». В частности, в странах СНГ более 90,0% социологов, исследующих предвыборную ситуацию, именно так и формулируют данный вопрос.

Формулировка соответствующего по содержанию вопроса нашими коллегами в Украине выглядит, на наш взгляд, специфическим образом. Например, Всеукраинская социологическая служба в исследовании, проведенном с 13 по 19 августа 2007 г., данный вопрос сформулировала так: «За какую политическую партию или блок они бы проголосовали, если бы выборы Верховной рады проходили сегодня?». «Фондом общественное мнение – Украина» в исследовании, проведенном с 18 по 28 июля 2007 г., этот же вопрос представлен так: «За какую партию или блок они бы проголосовали, если бы выборы в парламент состоялись 29 июля?». Помимо методологических неточностей формулировок вызывает недоумение использование в вопросе местоимения третьего лица «они». Также обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве рейтингов партийно-политических приоритетов населения Украины, представленных в СМИ, вообще не приводится (отсутствует) вариант вопроса, при помощи которого были получены те рейтинги, которые описаны и анализируются в представленных публикациях. В этом плане исключение составляют данные Фонда «Демократические инициативы», где четко сформулированы как вопрос анкеты, так и позиции шкалы. Одна-

ко более детальный анализ конструкции шкалы измерения привел нас к неожиданным результатам. Во-первых, требования к распределению формулировок позиций шкалы рейтинга (политических лидеров, политических партий и организаций и т. д.) в алфавитном порядке с целью повышения надежности полученных данных не являются строгими, но общепринятыми в социологической практике. Однако в украинском варианте и здесь имеется своеобразие. Оно проявляется в том, что в большей части исследовательских проектов на первые позиции в шкале ставились политические партии так называемой «оранжевой коалиции». Такая тенденциозность в построении шкал вызывает серьезные сомнения в валидности и устойчивости полученных данных. Во-вторых, еще более значимым для искажения реальной картины партийно-политических приоритетов (заведомо спланированного либо случайного) является совмещение принципиально разных рейтинговых позиций. В частности, в информации Фонда «Демократические инициативы» происходит совмещение таких позиций, как «партийно-политические организации» и «политические лидеры» этих организаций в одном вопросе, что представляется недопустимым, так как это приводит к значительному искажению социальной реальности.

Не менее важной проблемой, на наш взгляд, является и отсутствие у большинства украинских социологических центров в представленных шкалах закрытых вопросов проведенных исследований, распределение адекватных рейтинговых показателей некоторых партийно-политических организаций. Так, например, в исследовании, проведенном 2–14 августа 2007 г. компанией TNS по заказу Центра социальных и политических исследований СОЦИС, в шкале присутствуют позиции партий «Наша Украина» и «Народная самооборона», несмотря на то что с 28 июня 2007 г. эти партии объединились в блок «Наша Украина – Народная самооборона». Здесь же отсутствуют данные рейтинга «Блока Литвина», который, по результатам других исследований, проведенных в это же время, набрал от 2,1%⁷ – 3,9%⁸ электоральной поддержки. Следует отметить и то, что в исследовании, проведенном Всеукраинской социологической службой с 16 по 25 июля 2007 г., в представленных результатах отсутствует рейтинг «Прогрессивной социалистической партии Украины», которая в тот же временной интервал, по результатам проведенных исследований другими социологическими компаниями, получил от 0,8 %⁹ по 1,8 %¹⁰ электоральной поддержки. Отсюда закономерно возникает вопрос: что именно при всех вышеуказанных несостыковках принималось украинскими социологами

(исследователями) за 100%? То ли все опрошенные, то ли наиболее активная часть электората, намеренная принять участие в голосовании? Измененные таким образом показатели зачастую в практике предвыборных кампаний использовались, вероятно, в пропагандистских целях. Единственные, кто на своих официальных сайтах дает четкий ответ на данные вопросы, – это Фонд «Демократические инициативы», который расчеты рейтингов строит от количества тех, кто намерен принять участие в выборах, а также ЦСиМИ «SOCIUM», который рассчитывал рейтинги от общего количества опрошенных.

Еще более курьезные результаты получены после попытки суммировать анализируемые социологические данные «по столбцу». За исключением ЦСиМИ «SOCIUM», ни у одной из исследовательских организаций сумма «по столбцу» – не равна 100%. Данные промахи могли быть связаны с работой журналистов, однако информация, размещенная на официальных сайтах социологических компаний, представляющих результаты электоральных исследований на Украине, подтверждает наличие таких промахов.

И последнее, на чем следует более подробно остановиться при анализе результатов исследований, – непосредственное сопоставление рейтинговых показателей. К примеру, «Партия регионов», исходя из результатов исследований, проведенных в первой декаде июля 2007 г., в рейтинге ЦСиМИ «SOCIUM» получила 41,4%, в то же время по данным Всеукраинской социологической службы – всего 27,5%. «Блок Юлии Тимошенко» получил 19,3% электоральной поддержки (Всеукраинская социологическая служба) и 14,3% – по данным «ФОМ-Украина». В августе ситуация на электоральном поле складывалась следующим образом: за «Партию регионов» были готовы проголосовать 31% украинского электората, исходя из результатов исследования, проведенного фирмой TNS, и 26,4% – по результатам исследования, проведенного Всеукраинской социологической службой. Что же касается степени электоральной поддержки «Блока Юлии Тимошенко», то его рейтинг в августе составлял 26,2% по данным ИПСИ им. Т.Г. Шевченко и 16 % по результатам проведенного исследования фирмой TNS.

Такой значительный разброс показателей свидетельствует о том, что либо большинство данных ошибочны, либо представляемая широкой общественности информация не имеет ничего общего с реальной электоральной позицией граждан Украины.

Таким образом, анализ электоральных рейтингов, представленных украинскими социологическими службами накану-

не внеочередных выборов в Верховную раду Украины 30 сентября 2007 г., дает основание сделать следующие выводы:

– в электоральных исследованиях выявлена значительная степень искажений реальной картины партийно-политических приоритетов на Украине, что, безусловно, является не чем иным, как формой реализуемых политических технологий манипуляции массовым сознанием, что коренным образом противоречит основным демократическим принципам и условиям развития гражданского общества;

– анализ системы и организации электоральных исследований на Украине показал, что выявленные проблемы не являются регионально специфическими. Они в той или иной степени имеют место и в других постсоветских странах, о чем свидетельствуют многочисленные публикуемые данные, а также практика организации и проведения социологических опросов в странах СНГ. Украинская специфика лишь особо ярко их высвечивает;

– электоральные опросы как одна из форм социальной диагностики в настоящее время особо нуждаются в качественном совершенствовании. В существенной степени их репрезентативность, на наш взгляд, зависит от многих факторов, включая грамотное построение шкал, которые необходимо, вероятно, унифицировать по образцу шкалирования, применяемого в других науках. Требуют своей унифицированности, а возможно, и кодификации формулировки вопросов по одной и той же проблематике. Но это отдельный предмет научной дискуссии специалистов, использующих в своей работе методы прикладной социологии.

Примечания

- 1 «Вес» телеканалов, радиостанций, печатных изданий, долей медиаканалов в общем объеме аудитории, а также ряда других специализированных медийных рейтингов и др.
- 2 Уровень известности торговой марки, различного рода показатели потребительской активности и разнообразных видов потребительских предпочтений и др.
- 3 Наиболее распространены в сфере электоральной социологии.
- 4 Партия или партийно-политическая организация, частное лицо и т. д.
- 5 Массмедиа, средства вербальной коммуникации и пропаганды, средства наглядной агитации, документы органов управления, группы интересов, лоббистские структуры и т. д.

А.П. Хриенко, Ал.П. Хриенко

- 6 Собрания, митинги, средства давления (демонстрации, забастовки), личные контакты, письма населения и т. д.
- 7 Исследование проведено с 13 по 19 августа Всеукраинской социологической службой методом опроса по всеукраинской выборке.
- 8 Исследование проведено с 9 по 19 августа «ФОМ-Украина» методом опроса по всеукраинской выборке.
- 9 Исследование проведено с 18 по 28 июля «ФОМ-Украина» методом опроса по всеукраинской выборке.
- 10 Исследование проведено в первой декаде июля ЦСиМИ «SOCIUM» методом опроса по всеукраинской выборке.

Литература

1. *Вардомацкий А.П.* Рейтинг // Социология: энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2003.
2. *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998.
3. *Полтарак В.А.* Социология общественного мнения. К., 2000. С. 10–75; *Есть мнение* // Под общ. ред. Ю.А. Левады. М.: Прогресс, 1990. *Якуба Е.* Социологический анализ общественного мнения // Современное общество. 1993. № 1.
4. *Тощенко Ж.Т.* Политическая социология. М.: Юнити-Дана, 2002.

Г.А. Цветкова
А.А. Бесполитов

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАК ФАКТОРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА¹

Примерно полтора десятилетия назад местное самоуправление в России получило независимость. Однако изменение его официального статуса практически не изменило жизнь членов муниципального сообщества. Разительно увеличилось расслоение, появились глубокая отчужденность, апатия и пассивность. В результате нарушился баланс социальных различий, предопределяющий общественные отношения и социальную интеграцию. Между тем эти вопросы имеют стратегическое значение и на деле оборачиваются крупными издержками и просчетами. Вот почему целью данной статьи является выявление и анализ деятельности субъектов, обладающих определенными социальными различиями.

При этом мы исходим из посыла, что нет человеческого сообщества без социальных различий. Тот или иной исторический этап формирует определенный баланс социальных различий, стимулирующий или препятствующий развитию социально-экономических процессов. Учитывая это, попробуем через степень социальных различий выявить их реальный баланс. Кроме того, учитывая динамику приоритетности современных социальных различий, определим основные социальные группы, или слои, потенциально влияющие на баланс социальных различий.

В качестве критерия выделения социальных групп как структурообразующих элементов общества будем использовать их ресурсы и возможности, позволяющие определить влияние социальных групп на современные процессы. Взяв за основу базовые сферы жизнедеятельности людей, условно объединим социальные различия в три группы (табл.). Это позволит взглянуть на ситуацию сверху и всесторонне оценить совокупность имеющихся проблем в различных областях. Что касается логики изложения материала, то в ее основу положим приоритет различий в определенной сфере.

Итак, анализ и обобщение эмпирических данных базового исследования – мониторинга всероссийского исследования «Демократия и местное самоуправление» (1995, 1999, 2005)² – позволили выявить следующие особенности современной жизни местного сообщества:

1) социальные различия касаются всех групп и слоев общества – богатых и бедных, руководителей и подчиненных, работников, занимающихся физическим или умственным трудом, и др., поэтому потенциально и реально они все могут быть основными субъектами местного самоуправления и тем самым влиять на положение дел;

2) степень социальных различий дифференцирована и неустойчива;

3) резкие различия охватывают как вертикальные, так и горизонтальные общественные связи;

4) количественная дифференциация различий наблюдается в разных сферах: наибольшее количество их видов в социальной (6), наименьшее – в общественно-политической сфере (2);

5) приоритетность различий в экономической сфере присутствует на протяжении последних 10 лет.

Следовательно, социальные различия вносят в общественные связи муниципального уровня дисбаланс и неустойчивость взаимоотношений. Основной очаг напряженности они образуют в экономическом секторе. Учитывая это, остановимся на различиях в экономике более подробно.

Что же здесь вызывает тревогу?

Во-первых, различия в доходах, предопределяющие расслоение населения на богатых и бедных. На злободневность этой проблемы в той или иной степени указало большинство экспертов во всех замерах: 1995 г. – 91,3%; 1999 – 90,4%; 2005 – 90,5% (см. табл.). Следовательно, в общественном сознании сформировались устойчивые представления о том, что состояние экономики сложное и тревожное.

Во-вторых, заставляет задуматься острота данной проблемы: трехкратная разница оценок различий доходов в сравнении с другими различиями. Если в 1995 г. большую степень различий в доходах подчеркнуло более 50% респондентов, то на различия между начальником и подчиненным указали 17,6%, на различия в образовании – 15,5% респондентов, что указывает на глобальность кризиса в экономике.

В-третьих, тревожит и то, что ситуация усугубляется: если в 1995 г. высокую степень проблемы отмечали 52,7% опрошен-

Социальные различия как факторы деятельности местного сообщества

ных, то в 2005 г. – 65,5%. Доказательством актуальности проблемы может быть и другой факт – постоянное сокращение числа тех, кого проблема различия в доходах ранее не беспокоила: 1995 г. – 7,5%; 1999 – 4,1%; 2005 – 3,6%.

Таблица

Различия, разделяющие людей на муниципальном уровне
(% от общего числа опрошенных)

Социальные различия	В большой степени			В определенной степени			Ни в какой степени		
	1995	1999	2005	1995	1999	2005	1995	1999	2005
Группа № 1 Экономическая сфера:									
в доходах	52,7	56,4	65,5	38,6	34,0	25,0	7,5	4,1	3,6
между начальником и подчиненным	17,6	15,8	20,4	63,2	53,7	48,7	16,8	22,0	17,1
между людьми физического и умственного труда	8,6	8,6	–	57,4	42,4	–	31,3	40,5	–
Группа № 2 Общественно-политическая сфера:									
между теми, кто стремится к общественным переменам и кто препятствует им	15,8	19,4	18,8	61,5	55,8	53,4	20,0	17,3	15,0
политических взглядов	9,4	13,3	10,7	51,8	56,6	44,0	35,6	23,0	30,9

Окончание таблицы

Социальные различия	В большой степени			В определенной степени			Ни в какой степени		
	1995	1999	2005	1995	1999	2005	1995	1999	2005
Группа № 3 Социальная сфера									
в образовании	15,5	8,8	16,6	60,2	55,4	51,2	21,8	27,2	18,2
между старыми и молодыми	10,2	7,4	13,1	57,0	48,8	44,1	30,3	35,4	28,1
в социальном происхождении	8,6	8,4	16,1	40,6	36,5	38,7	48,5	46,7	31,3
между русскоязычным и иноязычным населением	6,2	5,4	–	27,2	24,4	–	61,4	60,4	–
религиозных взглядов	4,1	3,5	4,0	31,1	26,3	32,7	61,9	60,6	47,3
в расовом и этническом происхождении	3,9	5,0	7,9	35,6	27,7	32,1	58,1	58,0	45,6

Источник: данные мониторинга всероссийского исследования «Демократия и местное самоуправление» (1995, 1999, 2005).

Подтверждением результатов социологических замеров служат данные официальной статистики и результаты сопоставляемых социологических исследований ведущих социологических центров России. На конец 1999 г. за чертой бедности (ниже прожиточного минимума) жило 30% населения: в городах – до 29%, на селе – до 52%. С учетом субъективных оценок доля живших на уровне прожиточного минимума и ниже составляла 75–80%.

Об особенно резком разрыве между массовыми слоями и верхушкой общества, превратившейся в олигархию, заявили 32% опрошенных, которые из четырех предложенных им на выбор моделей стратификации указали на ту, где верхушка общества резко отделена от остальной его части [1].

Характерным было и то, что большинство респондентов, оценивая свое материальное положение как среднее, в действительности расходовали на питание основную часть денежных средств: 1995 г. – 49,0%, 1998 – 51,3%, 2001 – 45,9%, 2002 – 41,7%, 2003 – 37,7%, 2004 – 36,0%. Тех, кто тратил на еду больше трети заработной платы было свыше 80%. Крайнюю нужду испытывали в 1995 г. – 30%, в 1998 – 51,5%, в 2001 – 25,4%. В 2000–2003 гг. различия в доходах населения не только не сократились, но и выросли. Коэффициент Джини составил в 2003 г. 0,400 (в 2000 г. – 0,395), а коэффициент фондов – 14,3 раз (в 2000 г. – 13,9 раз) [2].

Мало изменились обстоятельства и в последние годы. Согласно результатам масштабного исследования «Социальное неравенство в социологическом измерении», проведенного в 2006 г. Институтом социологии РАН, особенно большое недовольство у опрошенных вызвал разрыв между богатыми и бедными. О том, что ситуация обостряется, заявило 47% опрошенных. Причем свое неодобрение выражали не только те, кто едва сводил концы с концами, но и вполне обеспеченная в материальном отношении часть жителей. Около 70% утверждали, что дифференциация доходов неоправданно велика, и еще почти 20% с этим утверждением были «скорее согласны, чем не согласны» [3]. Аналогичные результаты получены и при опросе высокооплачиваемых работников ОАО «Нытва», полагающих, что их труд оплачивается несправедливо, поэтому заработную плату нужно повысить [4].

Тенденция, отражающая глобальное расслоение людей выявлена и членкором РАН В. Ивановым [5]. Изучение им эмпирических данных вскрыло низкий уровень материального достатка и серьезное расслоение общества по доходам. В ранжированном ряду десяти наиболее важных проблем острую озабоченность вызывала бедность, которой были обеспокоены различные категории населения. Каждый седьмой опрошенный (13,5%) отнес себя к категории людей с крайне низкими доходами, едва сводящими концы с концами. Каждый пятый (21,1%) посчитал, что он является представителем группы «с низкими доходами, которым на всем приходится экономить». Каждый третий респондент (32,7%) отнес себя к людям «с доходами ниже среднего, которые не могут себе многого позволить». Только менее трети опрошенных (30,5%) заявили, что относят себя к людям «с доходами среднего достатка, живущими не хуже других». И лишь единицы респондентов (2,3%), как подчеркивает ученый, указали на то, что относят себя к категории людей «с доходами выше среднего, живущими вполне благополучно».

Следовательно, на местном уровне вот уже на протяжении десяти лет основным очагом напряженности является экономическая сфера. Основой, разделяющей членов местного сообщества и тем самым создающей условия для пауперизации населения, служат различия в доходах. Тенденция их многократного превосходства над другими видами различий сохраняется, что создает дисбаланс потребления: вынужденное «отступление» от «высших» потребностей во имя обеспечения насущных. Эти и подобные факты могут свидетельствовать, что отношение населения к результатам экономических реформ неоднозначное. Наш вывод подтверждают данные и других исследований, вскрывающие негативный прогноз на будущее, поскольку большинство жителей далеко не уверены, что их материальное положение в ближайшее время изменится.

Важно и то, что уменьшение количества людей, не испытывающих материальных затруднений, и одновременное увеличение удельного веса тех, кому стало жить труднее, заметны не только в общей массе респондентов. Эта тенденция затронула как старшие возрастные группы, так и людей среднего возраста – 30–49 лет, как с высшим, так и средним и средним специальным образованием, а также жителей всех типов муниципальных образований [6]. Это свидетельствует о том, что экономические реформы локального уровня дают сбои.

Каковы же истоки и тенденции выявленной проблемы? Что в основном влияет на дифференциацию доходов населения?

Во-первых, низкий уровень оплаты труда. Если в 1990 г. заработная плата в общей сумме доходов составляла 76,4%, то в 1991 г. лишь 59,7%, в 1992 – 69,9%, 1993 – 60,5%, 1994 – 46,4%, 1995 – 30,7%; далее несколько повысилась: 1996 г. – 43,4%, в 2004 – 64,9% [7]. Согласно данным Т.И. Заславской, средняя заработная плата отечественных работников в 5–7 раз отстает от уровня европейских пособий по безработице. Доля же заработной платы работников в стоимости конечной продукции в России втрое ниже, чем в США [8]. Это свидетельствует о том, что отечественные работники жестоко эксплуатируются руководителями предприятий и организаций.

Во-вторых, наслоением проблем стала несправедливость в оплате труда, когда за один и тот же труд люди получали разную оплату или когда высококвалифицированный специалист получал равную или даже меньшую оплату, чем работник низкой квалификации. По отдельным данным, разница оплат достигает 30-кратного размера. Максимальную оплату труда имеют такие отрасли экономики, как банковский сектор, связь,

строительство и лесное хозяйство. Минимальная – в электроэнергетике, химии и нефтехимии, промышленности стройматериалов. По сути, деформация заработной платы превратила ее в пособие, поддерживающее жизненный процесс человека, но не обеспечивающее даже воспроизводства рабочей силы. Данная тенденция сохраняется.

В-третьих, фактором, способствующим расслоению жителей, стала и просроченная задолженность по заработной плате: в конце 1994 г. она достигала 4747 млрд руб., в ноябре 1997 г. – 55 569 трлн руб. В 1996–1998 гг. не получал вовремя зарплату каждый второй работник. В 2000 г. оплату за труд несвоевременно получали около четверти работающих. На начало 2004 г. задолженность по зарплате составляла 24,4 млрд руб.; численность работников, перед которыми имелась задолженность, равнялась 4,2 млн человек [9]. Данная тенденция имеет место и сегодня, что указывает на отклонение от распределения и обмена, от экономических законов и производственных связей.

В-четвертых, решающую роль в поляризации местного сообщества сыграли другие виды доходов. Согласно данным статистики, в составе денежных доходов 2004 г. после оплаты труда (64,9%) следовали социальные выплаты (12,9%), доходы от предпринимательской деятельности (11,7%), доходы от собственности (8,3%). Хотя, по расчетам А.Ю. Шевякова, приоритетную роль играли доходы от собственности, выросшие в 131,1 раза. Далее шли доходы от предпринимательства: в низкодоходной группе доходы были в 24,1 раза ниже, чем доходы в высокодоходной группе. Если судить по этим данным, то труд не является определяющим фактором в доходах населения, что также деформирует поведение и деятельность субъектов производства.

В-пятых, на различия доходов населения влиял и такой фактор, как место жительства. Парадоксально, но самые большие различия в доходах населения зафиксированы в муниципальных образованиях, имеющих высокий уровень развития. Превышение дохода 20% самых богатых над доходами 20% самых бедных (коэффициент фондов) имело максимальное значение в 2003 г. в Москве, где оно составило 51,8 раз, муниципальных образованиях Тюменской области – 20,6 раза, в том числе в городах Ханты-Мансийского округа – 19,6, в муниципальных образованиях Ямало-Ненецкого округа – 17,8 при среднероссийском показателе 14,3 раза.

На наш взгляд, ощутимые разрывы в оплате труда работников различных отраслей промышленности и работников, проживающих в различных муниципальных образованиях,

трудно объяснить с общественной точки зрения. Человек, не получающий достаточных средств существования, теряет свои достоинства, не имеет возможности общаться на равных с другими, быть мобильным, распоряжаться своими способностями, использовать опыт и практику для собственного развития и развития членов своей семьи. В этих условиях труд перестает играть роль создателя материального и духовного богатства. Подтверждением этому может служить и то, что денежный дефицит сменил товарный дефицит, т. е. произошло кардинальное изменение сути социально-экономических процессов (форм дефицита), что обострило дефицит потребления и увеличило расслоение населения.

Что касается социальных групп, потенциально являющихся конфликтными, то ими могут быть как богатые, так и бедные. Если учитывать статусное положение и сопричастность к власти, то это богатые, а если оценивать их количественно, то это бедные. В этом контексте вызывает интерес образ богатого человека в представлениях людей. Большинство (76,0%) считают, что человек не может стать богатым, если он честен. При этом к чужому богатству жители относятся достаточно терпимо, утверждая, что богатые должны заботиться о своих близких, о своих работниках, о своем городе, о стариках (от 87,0 до 90,0%) и о государстве (66,0%) [10]. Таким образом, пока среди членов местного сообщества присутствуют упрощенные рыночные стереотипы, сформированные в советский период.

Основными субъектами муниципального уровня являются руководители и подчиненные. Различия между ними в определенной степени тревожили в 1995 г. более 60% экспертов. Через десять лет уровень тревог понизился почти до 49% опрошенных. В целом же разница между начальником и подчиненным в большой степени беспокоила от 16 до 20% респондентов. Приблизительно такое же количество экспертов данный вопрос никогда не волновал (см. табл.).

Соотносятся с данными результатами и материалы исследований Т.В. Хлопова и М.П. Дьякович [11]. Практически 47% специалистов и служащих заявили о негативном отношении к ним администрации предприятия. Неудовлетворена ими и значительная часть руководителей (46,7%). Судя по всему, позиции рабочих разделяют и инженерно-технические работники, что указывает на различия внутри группы, объединяющей руководящий состав работников, ибо приватизация предприятий превратила управленцев, в том числе и линейный менеджмент, в наемную рабочую силу, ослабив их позиции в статусной иерар-

хии. Акционерами предприятия являются лишь 37% начальников цехов, среди мастеров процент акционеров еще меньше – 25%. Директора же предприятий имеют акции управляемых ими предприятий в 57% случаев [12].

Серьезный разрыв в отношениях между руководителями и подчиненными выявлен и при опросе уральских рабочих, что наглядно демонстрируется в их высказываниях: «Случись что – сам виноват. Хозяину наплевать». И это несмотря на то что предприятия возглавляли управленцы, оставшиеся с советских времен, но уже использующие жесткий, эгоистичный, без оглядки на трудовое законодательство и без учета мнения рабочих ранее неприемлемый стиль управления. Характерный ответ получен от рабочих и на вопрос: «Что, по вашему мнению, ожидает от вас руководство предприятия?». «Дисциплины и качественной работы», – заявило большинство опрошенных. При этом они не допускали даже мысли о какой-либо возможности общения с руководством [13].

Каковы же истоки социальных различий между этими субъектами?

Во-первых, проблемы организации управления: более высокие темпы роста численности аппарата управления по сравнению с численностью всех рабочих и служащих. Эти факты регистрировались учеными уже в 1970–1980 гг., причем в больших размерах, чем на предыдущих этапах советского времени, что вызывало разногласия и недовольство со стороны рабочих. По оценке специалистов, к началу 1980-х годов в управлении всех сфер народного хозяйства работало 18,6 млн человек, в том числе в управлении хозяйством – 15,3 млн. В этот же период общая численность рабочих и служащих составляла 22,7 млн (соответственно 18 694 и 4051) [14]. И эта тенденция сохраняется: если руководителей управления в 2000 г. было 2646 тыс., то в 2004 г. – 4995 тыс., т. е. произошло увеличение на 2349 тыс. (в 1,9 раза). Общая численность занятых в экономике за этот период увеличилась лишь на 3130 тыс. (2000 г. – 64 255 тыс., 2004 г. – 67 385 тыс.) [15].

Во-вторых, деформировала отношения, создавая резкие различия, и другая проблема управления: неоправданное сокращение некоторых важных управленческих функций, поскольку состав работников управления существенно лимитировался. На предприятиях нередко сокращались должности экономистов, нормировщиков, работников информационных служб, что заметно уменьшало аналитические возможности управленческого состава и приводило к сокрытию реального положения дел.

И эта тенденция сохраняется, хотя используются другие формы: сокращение работников за счет совмещения разных

функций, за счет упразднения должностей (сокращены контролеры, учетчики, функции которых стал выполнять бригадир) или за счет усложнения оборудования, увеличения общих объемов производства и расширения ассортимента продукции. Причем зачастую это делается без официального оформления статуса, что также создает среди руководителей и подчиненных глубокие противоречия и напряженность, провоцируя в трудовых коллективах кризисные ситуации.

Подтверждением ограничения количества управленцев служат и эмпирические данные. Из 35 участвующих в опросе начальников цехов телекоммуникационного предприятия и завода строительных материалов 32 отметили, что объем выполняемых ими функций и ответственность увеличились [16]. Согласно статистическим данным, в 1990 г. численность служащих составляла 3991 человек; в 1991 – 3844; в 1992 – 3676; в 1993 – 3224; в 1994 – 3239; в 1995 – 3006, т. е. сокращение достигло почти тысячи человек.

В-третьих, на остроту отношений между руководителями и подчиненными повлияли кризисные условия, когда повсеместно происходили структурные изменения: осуществлялись реорганизации, закрывались или сокращались объемы производства, нарушались процессы, связанные с устойчивостью, определенностью и перспективами, ведущие к трансформации ценностей и ориентиров работников. Серьезную роль в формировании различий сыграли и материальные вопросы, включая характер отношений собственности.

Все это стало основой трудовых конфликтов, нарушавших стрессоустойчивость и сокративших психофизиологический потенциал работающих. Результаты анализа уровней риска возникновения заболеваний показали, что среди руководителей – самый низкий удельный вес практически здоровых (46%) и самый высокий составляющих группу риска (54%). У рабочих чаще встречается риск возникновения функциональных расстройств желудочно-кишечного тракта, а у руководителей – артериальной гипертонии.

Выявленные факты можно объяснить и спецификой видов деятельности. К примеру, постоянное психоэмоциональное напряжение у руководителей снижает стрессоустойчивость до уровня ниже среднего в 2 раза больше (23,1%), чем среди рабочих (10,6%), специалистов и служащих (11,7%). В то же время удельный вес руководителей, полностью удовлетворенных работой, наиболее высокий (46,7%) против 31,8% – у рабочих и 28,1% – у специалистов и служащих [17].

В-четвертых, важно отметить и то, что проблема «руководитель–подчиненный» – одна из самых актуальных. Основной причиной этого на протяжении многих столетий была тесная взаимозависимость капитала и труда. Отсюда взаимоотношения людей, покупающих и продающих труд, всегда были тесно и неразрывно переплетены, и поэтому вырабатывалась определенная модель их сосуществования, которая в той или иной степени отвечала общим интересам.

На исходе XX в. учеными (П.А. Игнатовский, М. Грэнветтер, З. Бауман и др.) были выявлены новые процессы, отражающие рассогласование отношений труда и капитала: произошло обособление финансового рынка и так называемой реальной экономики, основу которой составляет производство [18]. Кардинально изменились условия труда, сам труд и соответственно трудовые отношения между руководителями и подчиненными. На выбор форм взаимоотношений стали влиять такие черты, как свобода и мобильность, предопределившие переход от «долгосрочной к краткосрочной ментальности». В настоящее время деятельность в трудовом коллективе в течение пяти лет считается долговременной, в то время как в советский период одобрялась работа только на одном месте. Поэтому ситуация в сфере производства уже не такова или, по крайней мере, быстро перестает быть таковой. Ни один разумный человек не предполагает провести всю свою трудовую жизнь или ее значительную часть на одном предприятии.

Таким образом, символом современных отношений между начальником и подчиненным все в большей мере становится гибкость, означающая изменение привычного вида трудовой деятельности и переход к работе по краткосрочным контрактам. Вот почему, исследуя современные трудовые отношения, М. Грэнветтер пришел к убеждению, что наше время является эпохой «слабых связей», а Р. Сеннет предположил, что быстро исчезающие формы сотрудничества более полезны для людей, чем долгосрочные связи [19].

В-пятых, другим важнейшим фактором перемен в сфере отношений между начальником и подчиненным стала неопределенность. Как в свое время заметил М. Крозье, свобода от неудобных уз, неловких обязательств и сдерживающих движение зависимостей всегда были действенным и излюбленным орудием господства руководителей. Однако сегодня возможности их применения превзошли все мыслимые границы. В этих условиях идея общности трудовых интересов оказалась размытой. Это стало основой формирования новой тенденции, отражающей

сокращение ресурсов солидарности на локальном уровне, отсутствие учета исторической уникальности и самобытности населения.

Наряду с этим необходимо отметить и то, что, согласно социологическим опросам, большинство членов муниципального сообщества отмечает преимущества коллективистских начал жизни над индивидуалистскими, высказывая предпочтения коллективной собственности перед частной, чувства коллективизма и взаимопомощи как фактора развития личности перед индивидуализмом, обеспечение общего порядка – перед расширением личных свобод жителей. Более того, озабоченность респондентов общественными проблемами выше, чем местными [20], что указывает на противоречивость сознания членов местного сообщества.

В-шестых, существенное значение для усугубления различий между руководителями и подчиненными имеет специфика их деятельности и поведения. Это массовое уклонение от налогообложения, отказ от официальной регистрации результатов (в том числе и доходов) своей работы, уход от инвестиций в производство, вкладывание средств в торговлю с целью получения «быстрых» денег и пр. При этом широко распространенными стали такие неправовые практики, как оплата труда в конвертах и уход от выплат социальных льгот рабочим.

И как итог в сознании работников зафиксирован нерегулируемый процесс развития экономики, когда благополучие обеспечивается путями, не имеющими отношения к официально провозглашаемому социально-экономическому курсу. Более того, согласно утверждениям Ж.Т. Тощенко, П.А. Игнатовского и других ученых, в сознании руководителей устойчиво формируется представление, что жить можно в некоем параллельном мире обмена и распределения без участия в нем производства и что такой порядок может приносить сверхвысокий достаток, независимо от трудового вклада [21].

Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что сознание как руководителей, так и их подчиненных постоянно деформируется реальной практикой, и тем самым формируется дисбаланс различий. Большинство рабочих, которые надеялись на то, что с внедрением рыночных условий их труд будет по достоинству оценен, были разочарованы и деморализованы. Они стали пассивными и безразличными не только к работе, но и в отношениях с администрацией предприятия, что предопределило отчужденность работников от управления социально-экономическими процессами.

Социальные различия как факторы деятельности местного сообщества

К основным субъектам муниципального уровня относятся также люди физического и умственного труда, под последними понимаются инженерно-технические работники (ИТР), в профессиональную структуру которых входят группы не только по профессиям, но и специальностям.

На наличие различий между этими работниками в той или иной степени указало в 1995 г. 66,0%, в 1999 – 51,0% экспертов, т. е. к концу 1990-х годов злободневность проблемы значительно снизилась. Эта же тенденция была выявлена и в ответах тех, кого данное различие не беспокоило: если в 1995 г. об этом заявило 31,3%, то в 1999 г. – 40,5% опрошенных (см. табл.).

Почему же данная проблема тревожит людей? На наш взгляд, в целом это связано с рядом факторов.

Во-первых, проблема имеет глубокие политические корни. В первой половине XX в. был принят курс на строительство нового, бесклассового общества, состоящего из рабочих, крестьян, и интеллигенции. Различия между ними должны были стираться, как и экономические, профессиональные и политические противоречия. Курс широко пропагандировался в 1950–1970-х гг. Его важность и значимость подчеркивались на XXVII съезде КПСС [22].

Курс был важным, но механизм его реализации не был до конца продуман, поскольку преодоление различий провозглашалось через повышение уровня образования рабочих до уровня интеллигенции, а не в результате интенсивного роста численности интеллигенции и постепенного ею поглощения рабочего класса, что было бы куда эффективнее и рациональнее. Подтверждением этого посыла служит практика, где структура инженерно-технических кадров, отражающая развитие производительных сил, возникновение новых отраслей и перераспределение рабочей силы, обусловленных совершенствованием науки и техники, была чрезвычайно динамичной. Если в 1927 г. насчитывалось 14 инженерных специальностей, то в конце 1980-х гг. вузы готовили инженеров по 65 специальностям. И эта тенденция сохраняется. В настоящее время число инженерных и технических специальностей еще более увеличилось.

Что касается рабочих, то в 1920 г. лишь 73,5% горожан и 37,8% селян в возрасте от 9 до 49 лет были грамотными, т. е. огромное количество необразованных, малокультурных людей вышло на историческую арену. Сложность положения проявлялась и в том, что в начале 1920-х годов из 11 млн промышленных рабочих (1913 г.) осталось всего 1,7 млн, среди них кадровых было не более 40%, т. е. 700 тыс. человек [23].

В то же время уже в конце 20-х гг. XX в. доля рабочих в составе студентов увеличилась с 18 до 47%, доля служащих сократилась, а прочие исчезли совсем. Более заметные изменения произошли в структуре студентов вузов. Здесь доля рабочих составляла 70%, крестьян – 8, служащих 18% [24]. В результате в 1960-е гг. преобладающая часть рабочих имела начальное, в 1970-х гг. – неполное среднее, в 80-х гг. – полное среднее и высшее образование, т. е. образовательный и профессиональный уровень рабочих рос с каждым годом. В 1985 г. рабочих с высшим и средним специальным образованием насчитывалось более 2,5 млн, в 1990 г. – 3,5 млн человек.

Что касается современного периода, то с 1995 г. выпуск квалифицированных рабочих профессиональными учреждениями из года в год стал сокращаться: 1995 г. – 840,6 тыс. человек; 1996 – 821,3, 1997 – 799,6, 1998 – 748,8, 1999 – 769,6, 2000 – 762,8, 2001 – 758,6, 2002 – 745,3, 2003 – 721,5, 2004 – 708,0 тыс. человек [25].

При этом ученые (С.Ф. Фролов, Е.В. Волков, Р.Г. Яновский и др.) неоднократно подчеркивали, что повышение образовательного уровня рабочих не всегда сопровождалось повышением культуры, ибо по существу у большинства из них знания были формальными, да и техническая оснащенность производства находилась на низком уровне. Не стали рабочие и реальными, а не потенциальными субъектами трудовой и общественно-политической жизни.

Однако в силу производственной необходимости работники физического труда получали заработную плату более высокую, не соответствующую их трудовому вкладу, и тем самым происходило и происходит формирование социальных иждивенцев. В 70–80-х гг. XX в. работники физического труда могли получать 300 руб. и выше, в то время как заработная плата инженера достигала лишь 120 руб., т. е. их деятельность недооценивалась. Хотя в конце 1980-х годов насчитывалось свыше 42 млн работников, занятых преимущественно умственным трудом [26], и эта тенденция сохраняется.

Таким образом, анализ и обобщение материалов позволяют признать, что социальная структура рабочих обладала динамичностью, поскольку объединяла рабочих многих специальностей и профессий, но по сравнению с социальной структурой ИТР она как проигрывала, так и проигрывает. Современный переход к рынку еще более усложнил структуру рабочего класса и инженерно-технических работников, поскольку дифференциация на различные слои и группы продолжается.

Социальные различия как факторы деятельности местного сообщества

Во-вторых, возрастание роли ИТР по сравнению с рабочими было связано не только с политическими особенностями развития страны, но и действием других факторов – сокращением прироста трудовых ресурсов, освоением Сибири и Дальнего Востока. Спад рождаемости в 1961–1969 гг. значительно уменьшил пополнение промышленного производства молодежью. В 11-й и 12-й пятилетках прирост трудоспособного населения по сравнению с 10-й пятилеткой сократился в 3-4 раза.

В-третьих, различия материального обеспечения между работниками физического и умственного труда усугубил и выбор пути развития России, ориентированный на капитализм эпохи первоначального накопления капитала. Разрыв в оплате труда увеличился. Повсеместно стал наблюдаться процесс девальвации ученых степеней и званий. Понизился и статус инженерных кадров в представлениях людей, что подтверждено результатами опросов, проведенных Центром исследований и социальной статистики научной интеллигенции. Доказательством может служить сокращение мотивации современной молодежи для получения инженерной специальности в технических вузах.

И как итог в настоящее время рынок труда не сбалансирован: при большом предложении рабочей силы спрос на квалифицированных работников не удовлетворяется. Вот почему многие специалисты высшей квалификации теряют профессиональный уровень и даже деградируют как личности, пополняя ряды других социальных групп и даже безработных.

В-четвертых, не менее важными источниками неэффективного использования трудового потенциала работников умственного труда являются недостатки в управлении трудовыми ресурсами со стороны институтов власти. Вот эти упущения: недооценка места и роли человеческого фактора в экономике, индифферентное отношение к состоянию промышленного, научно-технического и интеллектуального потенциала, отсутствие превентивных программ занятости населения и слабая работа предприятий по созданию новых рабочих мест. Таким образом, недоиспользование трудового потенциала, диспропорции в структуре и качестве трудовых ресурсов прямо влияют на деятельность и поведение людей умственного труда.

В-пятых, согласно позиции Р.Г. Яновского, и с ним нельзя не согласиться, разрыв в культурно-техническом уровне между ИТР и рабочим классом выступает как проявление существенных различий между умственным и физическим трудом, сущность этих различий, заложенная в уровне развития производительных сил и производственных отношений, носит социальный

характер. Различия между людьми физического и умственного труда проявляются не только на уровне профессий, но и в неодинаковых условиях труда, особенностях социальной психологии и образа их жизни. Так, Райч выделяет группу «рутинных работников», привязанных к сборочному конвейеру либо к компьютерным сетям и электронным автоматизированным устройствам. Ученый полагает, что именно эти люди, способные к максимальной численной экспансии, оказываются легкодоступными и взаимозаменяемыми элементами экономической системы. Предъявляемые к ним требования не предполагают каких-либо особых навыков и форм общения с клиентами, и именно поэтому таких работников легче всего заменить, отсюда их способность торговаться носит ничтожный характер. Они понимают, что заменимы и потому не видят смысла в каком-либо прочном привязывании себя к рабочему месту, в обременении себя обязательствами и вступлении в тесные связи с коллегами по работе.

Вероятно, это связано со спецификой современного периода, когда главным источником прибылей, в особенности крупных, причем во все большей мере становятся идеи, а не материальные предметы. Идея подается лишь один раз, после чего начинает приносить доходы в зависимости от количества покупателей, клиентов или потребителей, а не от количества работников, занятых на предприятии. Когда ставится задача сделать идеи прибыльными, конкурентная борьба идет за потребителей, а не за производителей. Неудивительно, что современный капитал стремится устанавливать связи прежде всего с потребителями. Только в этом контексте рассуждения о «взаимной зависимости» людей физического и умственного труда не лишены смысла.

В целом же в настоящее время человеческие ресурсы ценны не сами по себе, а как ресурсы для получения прибыли. Даже прямые затраты на работников, согласно изысканиям П.В. Безюкова, крайне невелики. В частности, затраты на оплату труда в структуре себестоимости колеблются от 6 до 45% и составляют в среднем всего 22%. Социальный пакет отсутствует на каждом третьем предприятии [27]. Не задействованы работники и в управлении производством. Многие делаются в отношении нарушения их прав, к примеру суды лишены независимости и тем самым перекрыт канал справедливого решения споров работников и работодателей. В трудовом законодательстве утверждено положение, допускающее наличие заработной платы ниже прожиточного минимума.

В-шестых, что касается специфики различий работников разных муниципальных образований, то в первую очередь броса-

ется в глаза высокий уровень дифференциации их трудоустройства. В условиях конкуренции на рынке труда найти работу удается далеко не всем. В то же время вторичная занятость способствует перераспределению рабочих мест в пользу более «продвинутых» групп работников и становится фактором социальной дифференциации рабочих [28].

Почему это происходит? Каковы мнения московских рабочих о причинах отсутствия у них дополнительной работы? На первом же месте – отсутствие знакомых, связей, необходимых для того, чтобы устроиться на дополнительную работу (49%). На втором – ограниченность времени (41%). Примерно каждый десятый сослался на здоровье, возраст и столько же – на сложные семейные обстоятельства. В результате в Москве, где больше возможностей для трудоустройства, доля рабочих, включенных во вторичную занятость, вдвое меньше, чем в провинции.

Заметим, что в целом стремление работать лучше и интенсивнее у рабочих высокое: большинство из них (66% в Москве и 80% в провинции) считают, что они могли бы работать интенсивнее, если бы оплата труда соответствовала трудовому вкладу. Об этом заявили 28% рабочих в Москве и 22% – в областных центрах [29].

Итак, анализ и обобщение материалов позволяют прийти к следующему заключению: муниципальная экономика является основной сферой напряженности, проявляющейся через различные формы социальной деформации. Развитие рыночных отношений вытесняет административные и сословные методы регулирования иерархических отношений. При этом резкая поляризация различий между субъектами производства не только не стимулирует экономический рост, но и препятствует ему. Из общего числа основных субъектов, выявленных в ходе исследования, лишь отдельные становятся реальными субъектами местного самоуправления.

И как следствие идет глобальная и невосполнимая растрата трудовых ресурсов и социального потенциала муниципальных образований. Однако несмотря на это в основу современной стратегии положено управление, ориентированное на дробление и обособление производства, ущербное для самой природы экономичности интересов местного сообщества. Управление же экономикой должно быть в первую очередь управлением трудом, обеспечивающим потребности и интересы жизнедеятельности людей. Лишь в этом случае возможен определенный баланс различий, обеспечивающий развитие способностей, опыта и профессионализма, нравственности и культуры человека труда и муниципального сообщества в целом.

Примечания

- 1 Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта № 0503-03229а при поддержке РГНФ.
- 2 Изыскания проводились в основных экономико-географических районах России: Владимирской, Волгоградской, Белгородской, Калужской, Кемеровской, Горьковской, Новгородской, Новосибирской, Орловской, Пензенской, Псковской, Рязанской областях, Краснодарском, Красноярском, Приморском и Хабаровском краях и республиках Башкортостан, Карелия, Татарстан и Марий-Эл. По единой методике выполнены четыре замера: в 1992 г. – в 36 городах и районах; в 1995 – в 76; в 1999 – в 67; в 2005 г. – в 49 городах и районах. В каждой точке опроса опрашивалось 15 экспертов: 5 – от исполнительной власти (главы администраций и их заместители, руководители управлений и ведущих отделов); 5 – от представительной (руководители советов и их заместители, руководители комитетов, депутаты советов и т. д.); 5 – от общественных движений и местных отделений политических партий. Объем выборки в разные периоды составлял соответственно 480, 1069, 998 и 719 экспертов.

Литература

1. *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999. С. 63; *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 157–161.
2. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2001. С. 128–129; *Рывкина Р.В.* Драма перемен. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 22; Материалы социологического мониторинга массового сознания, осуществленного Социологическим центром РАГС; *Деягин М.Г.* Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? М., 2005.; *Спирова Э.* Психопатология социальной жизни // Вестник аналитики. 2007. № 2(28). С. 212; Российский статистический ежегодник 2005: Стат. сб. / Госкомстат. М., 2006. С. 187.
3. *Андреев А.Л.* Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // СОЦИС. 2007. № 9. С. 44.
4. *Лейбович О.Л., Шушкова Н.В.* Промышленные рабочие на уральском заводе // СОЦИС. 2005. № 6. С. 75.
5. *Иванов В.* Формирование гражданского общества // Наука. Культура. Общество. 2007. № 3. С. 45–46.
6. *Митрошенков О.А.* Правовая культура населения России: состояние и тенденции формирования (результаты социологического анализа) // Социология власти. 2003. № 1. С. 40.

Социальные различия как факторы деятельности местного сообщества

7. Социально-экономическое положение России. М., 1996. № 12. С. 185.
8. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 159.
9. *Жуков В.И.* Модернизация социальных отношений в России: замыслы, итоги, возможности // СОЦИС. 2005. № 6. С. 26.
10. *Лейбович О.Л., Шушкова Н.В.* Указ. соч. С. 74
11. *Хлопова Т.В., Дьякович М.П.* К оценке трудового потенциала предприятия // СОЦИС. 2003. № 3. С. 70–71.
12. *Гончарова Н.В.* Интеграция линейного менеджмента в управленческую структуру // СОЦИС. 2007. № 5. С. 40.
13. *Лейбович О.Л., Шушкова Н.В.* Указ. соч. С. 73.
14. *Игнатовский П.А.* Экономика, человек и государство. М., 1998. С. 195.
15. Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. / Госкомстат. М., 2006. С. 152.
16. *Гончарова Н.В.* Указ. соч. С. 39.
17. *Хлопова Т.В., Дьякович М.П.* Указ. соч. С. 70–71.
18. *Игнатовский П.А.* Динамизм труда и его влияние на социально-экономический прогресс // Экономист. 2005. № 1.
19. *Sennett R.* The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. N. Y., 1998. P. 42–42.
20. *Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тюгашев Е.А.* Народы Сибири в социокультурном пространстве Евразии: ценностные предпочтения и межэтнические установки // СОЦИС. 2007. № 3. С. 65; *Губина Н.В.* Уровень проблемности жизни как показатель социального тонуса // СОЦИС. 2006. № 9. С. 125.
21. *Тощенко Ж.Т.* Указ. соч. С. 133.
22. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1997. С. 155–156.
23. Народное хозяйство СССР. 1922–1982. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1982.; *Лацис О.* Перелом // Знамя. 1988. № 6.
24. *Гудков Л.* Негативная идентичность. М., 2004. С. 714.
25. Российский статистический ежегодник. 2005. С. 258.
26. Социальное развитие советской интеллигенции / Под ред. Р.Г. Яновского. М., 1986. С. 30.
27. *Бизюков П.В.* Служба управления персоналом: функции, типология, модели // СОЦИС. 2007. № 5. С. 60.
28. *Бессокирная Г.П.* Стратегия выживания рабочих // СОЦИС. 2005. № 9. С. 50.
29. Там же. С. 53.

А.Б. Каримова

РЕГИОН – «ДОРОЖНАЯ КАРТА» ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Анализ широкого применения термина «регион» в практике международных отношений и государственного управления (российские регионы, американский регион, Европейский союз, Центральная Азия, Северный регион, Ближний Восток, природный, географический, экономический, культурный, политический, международный регион) показал, что мировая политика картографирует пространство, исходя из его функциональной специфики. В международной среде это привело, с одной стороны, к появлению соглашений, устанавливающих правовой порядок трансграничного взаимодействия, с другой – выявило условность и непостоянство региональных объединений; их предельность, наличие политического и институционального аспектов, слабость теоретических ориентаций. С третьей – сформировало проблему меняющейся пространственной формы и методов получения знания о регионе как особой социально-политической организации пространства.

В теории международных отношений варианты обоснования регионального пространства содержатся в концепциях взаимно пересекающихся суверенитетов, сообщества безопасности, в критике этноцентризма, в предпринятых теоретиками неореализма, неолиберализма и постмодернизма поисках адекватного определения безопасности, в прикладных исследованиях постхолодного мира. Научные школы и структуры, имеющие отношение к международной деятельности и выработке генеральной стратегии, отличаются дифференцированным использованием категории «регион». Благодаря этому за последние пятнадцать лет возникло большое количество внешнеполитических проектов по построению регионов в различных частях мира [1, с. 102].

Таким образом, феномен регионального пространства вторгается в одну из самых сложных проблем теории международных отношений, занимающих сегодня самый большой объем

в переговорном процессе и стратегической деятельности – становление нового международного порядка.

Установленные рамки позволяют проследить рождение проблемы глобального в ускоряющемся членении мира на регионы. Глобализация ориентирована на все предметное поле современной цивилизации, но эффективна только в реализации однородности мировой экономики, технологий, электронного производства и коммуникаций, банковской деятельности. Тем самым она акцентирует ценностные ограничения, а экономические и внеэкономические сферы постепенно приобретают разностороннюю динамику, становясь условиями и средствами регионализации. С другой стороны, взаимодействие целых регионов Азии, Америки и Европы поддерживает наличие глобального уровня, однако этот же процесс ясно указывает на утрату отдельными субъектами монопольной функции в формировании мирового порядка. Наше обращение к специфике региона показывает, что регион в мировой политике выступает как *концептуальное пространство*, которое позволяет расширить рамки анализа, неизбежно сужающиеся в стратегической и хозяйственной оптике.

Само по себе пространство универсально. Его политическая специфика определяется такими конструкциями, как государство и общество. Государство действует в пределах своих границ. Однако возможно ли установить границы общества, культуры? Поэтому наплывающие друг на друга конструкции могут содержать множество детерминант. Но выделение некоего пространства в регион международного значения всегда стратегически обусловлено. В этой связи представляется важным замечание Н.А. Косолапова, что к проектированию регионов причастны ведущие субъекты международных отношений и их агенты, действующие на основании полученных прав и полномочий [9, с. 316]. В то же время неореалисты Б. Бузан и О. Вевер видят в регионе «комплекс безопасности» и считают, что «у регионов имеются аналитические и даже онтологические параметры, но у них отсутствуют качества акторов». Только в исключительных случаях – как в случае ЕС – такая отличительная черта становится проблематичной [23, р. 27]. Приверженность данному подходу просматривается у некоторых исследователей арабского мира, которые стремятся эмпирически обосновать понятие «region Gulf» («регион Залива») [29].

Европейские авторы придерживаются взгляда, что регионы, подобно всем другим человеческим коллективам, постоянно определяются и переопределяются. Наибольшей изменчивости подвержены сопряженные территории, пространства стыка, гео-

графия которых, по выражению французского социолога М. Фуко, «выросла в тени войск». Так, например, идея обороны Ближнего Востока в XIX в. легла в основу фактического разделения мира на зоны стратегической ответственности, произошедшего, по мнению британских авторов М. Мэтлоффа и Э. Снелла, в марте 1942 г. на основе англо-американской «Программы победы» (август 1941 г.), которая могла считаться выполненной при следующих условиях: 1) сохранение целостности Западного полушария; 2) предотвращение распада Британской империи; 3) недопущение дальнейшего расширения территориального господства Японии; 4) создание в конечном счете в Европе и Азии равновесия сил, которое лучше обеспечит политическую устойчивость в этих районах и безопасность США в будущем, и, насколько это будет осуществимо, установление режимов, благоприятствующих экономической и индивидуальной свободе [12, с. 193].

Это показывает, что и строительство, и сохранение региона требуют сочетания военных и политических мер, а также наполнения экономической перспективой. Однако региональное пространство всегда стремится к *пересечению политических и административных границ*, нарушая и «вмешиваясь» в регламенты соседнего внутреннего пространства, что и вводит регион в проблематику международных отношений и стратегических исследований. По-видимому, это следует отнести к специфическим условиям образования регионов, в которых они утверждают новые модели социального деления на «дорожной карте» глобализации. Русский географ П. Савицкий ссылался на карты «областей равного отстояния», на которых пункты, находящиеся на расстоянии 400, 800, 1200, 1600, 2000, 2400 км [15, с. 307] от морского побережья, были соединены линией. В ментальном преломлении шесть полученных фрагментов образовали сверхпространство мирового рынка.

«Дорожные карты» мирового рынка имели совершенно определенное значение, позволяя практически точно рассчитывать величину сумм, затрачиваемую на континентальные и морские перевозки. При этом картографическая неизменяемость расстояния гарантировала незыблемость установившегося порядка товарного обмена. А наиболее удаленные от морского берега районы, включаясь в мировой рынок, автоматически превращались в его периферию. Для того чтобы система действовала в заданном режиме, необходимо было соблюдать главное условие – любые сухопутные расстояния должны иметь продолжение в море. «Критерий океана» регламентировал ценовую по-

литику, поскольку основой ценовой шкалы были морские перевозки, а затем и иерархию рыночных отношений. Так, например, заданная логика движения потенциально превращала отстоящую от моря более чем на 2400 км Центральную Азию (у П. Савицкого – Семиречье) в самое слабое звено мирового рынка. Удаленность от океана, как показывает основатель российской социогеографической школы Л.И. Мечников, явилась причиной того, что в XIX в. науке практически ничего не было известно о цивилизационном аспекте развития этого региона [11, с. 351]. Наш политический мир, подчеркивал франко-американский геополитик Ж. Готтман, простирается только на пространства, доступные человеку [24, р. 269]. Поэтому мы предполагаем, что международный порядок, изложенный на «картах отстояния», можно выразить формулой: *регламент пространства должен совпадать с регламентом движения*. Движение – безусловный и важнейший ресурс рынка – определяет основную стоимость всех обменов, а порядок обмена отражает политико-экономическую иерархию. Однако политическую организацию пространства завершают границы государств, не подпадающие под действие неконвенциональных линий мирового рынка. Таким образом, к середине XX в. «дорожная карта» мирового рынка и политическая карта мира стали фактическими альтернативами развития.

Трансформизм как одно из направлений глобализации понимает ее как распределение глобальных властных полномочий, при котором «знакомая иерархическая пирамида “центр–периферия” оказывается уже не географическим, а социальным аспектом мировой экономики» [26]. Отсюда делается вывод, что глобализация изменила классификацию холодной войны: нет больше первого или третьего мира, они сцеплены друг с другом в новой иерархии, горизонтально охватывающей все регионы и все страны. Эта логика приводит к тому, что и внутри каждого государства могут находиться первый, второй и третий миры, т. е. разное в экономическом и культурном отношении населенное пространство, объективно подготовленное к реализации проектов более рельефного политического деления или социально-экономического выравнивания.

Фундаментом стратегии взаимодействия с внешним миром, используемой современной Европой, является идея, согласно которой мир не может иметь общие ценности, но может быть связан экономическими интересами. Неслучайно ключевым термином трансформации Европы выбрана «интеграция», в католической традиции означающая стремление к праведности и сохранению целого. Этот оттенок европейского смысла интегра-

ции уже растворился в глобальном замысле. Однако для возникающего региона Большой Европы аксиологический смысл развития, который, безусловно, дополняется технико-технологической компонентой объединения, включая в себя знание, средства доставки, электронные виды связи, институты, отнюдь не утраян. Сохранение (интеграция) европейских ценностей – самое важное условие реализации проекта «Европейский регион».

Если в прошлом «создатели Европы» хотели бы видеть ее как «баланс между США и Советским Союзом», как об этом заявляли на исходе 1960-х авторы монографии «Европейский вызов» Л. Арман и М. Дранскур [16, с. 20], то с 2000 г. политическая и интеллектуальная элиты ЕС обсуждают несколько проектов трансформации новой Европы: Европейская республика [20], международная организация, наднациональная структура, мировая держава [18, с. 104] и Европолития [22, с. 146]. Таким образом, региональный образ Большой Европы все еще проектируется, но со времен географии К. Риттера¹ неизменным остается одно: неопределенность границ расширения, что помогает понять природу континентальной экспансии, которая в разные эпохи принимала различные концептуальные и доктринальные оформления (крестовые походы, колониальные приобретения, региональное государство, зона свободной торговли и т. д.). «Мало у кого достаточно смелости, высказать то, – подчеркивает комиссар ЕС по вопросам расширения Г. Ферхойген, – что является велением времени: что Европа должна утвердиться в роли мировой державы, претендующей на участие в формировании мирового порядка» [27, с. 31]. Поэтому с точки зрения содержания европейского процесса региональная интеграция есть путь «изнутри вовне»: адаптация сложившегося как особый вид мировидения в эпоху Средневековья европоцентризма к новым условиям. В этом смысле следует различать цели региональных и глобальных проектов – регионализма и глобализма.

Происхождение термина «регионализм» некоторые авторы связывают с течением в американском изобразительном искусстве или отсылают к учрежденной в конце 1920-х годов школе региональной социологии Университета Северная Каролина (США). Также американские социологи ссылаются на возникшее в это же время во Франции «движение за восстановление и сохранение преимуществ малой локальной единицы перед лицом посягательств со стороны крупного национального государства», принявшее форму «политической философии регионализма» [3, с. 55].

В теории международных отношений внимание к региону возникло вместе с появлением региональных центров влияния, обозначивших свои претензии на власть в процессе глобализации. Интерпретативная литература показывает, что «регион» может трактоваться как сложная форма длящихся изменений национального и локального, которые тестируют возможные институциональные превращения этнорелигиозно, геополитически или геоэкономически интерпретированного пространства. Поэтому следует признать точность европейского использования слова «регион», производного от латинского глагола «regere», что в переводе на русский язык означает «править». Аналогичный смысл содержит английское «reign», означающее «править», «господствовать», «доминировать».

Научный интерес к региональным конструкциям специалистов по международным отношениям был вызван неудачей, которой закончились попытки выработать международно-правовое определение термина «регион» на Конференции ООН в Сан-Франциско в 1945 г. Дискуссия о взаимоотношениях новой универсальной организации с региональными (в подавляющем большинстве европейскими) послужила, как представляется, причиной появления концепции международного регионализма – исследовательского дискурса необычайно широкого диапазона, который постепенно пришел к описанию регионального пространства, где происходит не опознанное позитивистскими теориями накопление неконтролируемых изменений [7]. Для концептуализации его семантической целостности ключевым является термин «стратегия», введенный в европейскую военную науку французскими учеными в XVIII в. [14, с. 13].

В 1960-х гг. известный американский ученый Дж. Най попытался проанализировать международный регионализм как явление политическое. В его интерпретации «регионализм... – это половина дороги между домом и национальным государством», «следующий большой шаг вперед к международной кооперации», «наиболее надежный инструмент в Азии», «надежда на достижение жизнеспособности Африки», реальный помощник становлению латиноамериканского общего рынка и наилучшее условие для развития европейских государств. Выявляя эффективность регионализма, Дж. Най обратил внимание на то, что региональное соглашение может объединять «географические компоненты» (Европейское экономическое сообщество), быть «квазигеографическим» (НАТО) и «виртуально-географическим» (Британское содружество). В его классификации представлены два типа регионов – международный, в котором взаи-

А.Б. Каримова

мозависимость определяется категориями безопасности, и экономический, по иному определяющий свои рамки и институты. Исследователь приходит к выводу, что географический принцип не исчерпывает всех возможных в международной среде региональных конструкций и их появление зависит от политического решения [28]. Означает ли это, что регионализм определяет политический смысл некой пространственно организованной конструкции?

Обращение к политическим категориям вернуло к жизни забытые традиции и дало толчок развитию нового научного стиля. Работа Дж. Ная и его единомышленников создавалась в предчувствии надвигающихся изменений в условиях нового формата Европы. Размышляя о последствиях, он выдвигает тезис «регионализм vs. глобализм», предлагая в контексте проекта Ж. Моне, направленного на реализацию модели «связей между человеком и государством», спрогнозировать возможные изменения в международных отношениях. Американский ученый не сомневался, что международный регионализм не ограничивается содержанием экономической интеграции. Угроза, что политический смысл регионализма может исчезнуть из международных отношений, была той основой, на которой выросла теоретическая контрверсия глобализации, захватившая умы ученых 1980-х.

В этой связи концептуальная сторона глобальных трансформаций, которые, по утверждению западных теоретиков, прежде всего, «включают в себя элементы разрушения и перераспределения территориальных границ политической и экономической власти» [21], позволяет выработать понимание различных политических последствий глобализации, понять, что ее основным результатом станет создание разнообразных региональных практик, взаимодействие которых будет определяться стандартами управленитета².

По-видимому, регионализация Советского Союза является одним из первых, но весьма показательных проявлений глобализации, понимавшейся в период советской перестройки через процессы *взаимозависимости*, *интеграции* и *конвергенции*. Однако авторитетные английские исследователи Д. Хелд, Э. Макгрю, Д. Гольдблатт и Дж. Перратон считают *опасным* замещать глобализацию такими понятиями, как «взаимозависимость», «интеграция», «универсализм» и «конвергенция». Их комментарии показывают, что феномен глобализации является новым в том смысле, что, выделяя локальное, национальное и региональное, он не стремится к их гармонизации, но через регионально организованные пространства создает стандарты нелинейного взаи-

модействия, предполагая достижение юридического единообразия в партнерских отношениях. Идея о том, что общество, базируясь на взаимном распределении обязательств или прав и обязанностей, имеет скорее юридические, чем экономические основания, высказывалась французским социологом и криминалистом Г. Тардом [17, с. 16]. В то же время локальное и национальное существуют внутри региона, поэтому пропаганда таких объединений становится ведущим заданием глобализации, развивается неровно (создает иерархию), обнажает источники конфликтов, принуждая к поискам посредников и новым нормам сотрудничества, доказывая, что в эпоху глобальных трансформаций «взаимосвязь может быть ...продуктом взаимных опасений и глубоко скрытой вражды» [21]. Такие послы заставляют все чаще обращаться к историческому контексту международных отношений и мирополитических процессов, выходя за рамки последних трех-четырёх веков.

В фокус глобализации помещено национальное государство и, прежде всего, те его атрибуты, которые наполняют содержание суверенитета – границы и территория. Она «покушается» на «вертикаль» суверенитета, но не отменяет ценность власти и доминирования. Несмотря на то что в целом в последние несколько лет число суверенитетов (государств-участников ООН) выросло, это изменение не является абсолютным. «Из “примерно 500 государств, потенциальных государств, небольших государств и государственноподобных образований”, существовавших в Европе к 1490 году, к 1990 году осталось “лишь 25–28 государств”, заметно увеличившихся в своих размерах» [10, с. 36]. С 1992 г. Европа устремилась к еще большей унификации, пытаясь слить 25 суверенитетов в иерархию регионального порядка, достигая это через брюссельские механизмы интеграции.

С одной стороны, данный факт будто бы подтверждает позицию наиболее яростных сторонников глобализма, утверждающих, что глобальные трансформации делают территориальную политику все более бессильной. Однако их представление о реальности как ситуации становления «экономики без границ» обязательно содержит «региональный уровень», т. е. региональное пространство, способное абсорбировать социальные функции государства, которое и само зачастую воспринимается как «собрание регионов». Регион обладает, на наш взгляд, одним качеством, которое отсутствует у государства и которое превращает его в инструмент мировой политики, – гибкостью в присвоении пространства. Другим не менее важным качеством является его способность редуцировать объективное стремление

государства к изоляции и усиливать стратегию расширения, устанавливать связи взаимоприятия в мирополитической сети, выравнивать качественные характеристики населения. В то же время возросла динамика превращения региональных отношений в политические единицы, о чем свидетельствует практика ЕС, появление Африканского союза, укрепление позиций АСЕАН и стремление Японии, Китая, Южной Кореи и др. обрести региональные связи. Приведенные характеристики указывают на регион как на конструкцию, отвечающую решению проблем, выходящих за политические границы государства и в силу этого предполагающих увеличение роли внешнеполитических факторов и структур. Это требует более внимательного отношения к понятийному аппарату, обслуживающему анализ региональных процессов, в том числе и к определению региона.

В подобных интерпретациях возникает пронизанное транснациональными связями международное пространство, внутри которого расположились регионально организованные группировки, центры которых подчеркивают их преимущественную принадлежность внутреннему культурному дискурсу. Чем дальше от центра границы региона, тем выше вероятность сохранения специфики его культурного ядра. Поэтому любые затраты на процессы расширения оправданны и оправдаются, поскольку в неблагоприятной ситуации, как правило, трансформируются (разрушаются) периферийные территории, в которых контроль центра ослаблен частичным переплетением с местными системами политического правления или периферийными системами других суверенитетов и обществ. Контроль над стыковой зоной – стратегическим регионом – является самым большим призом в жестких играх мировой политики. Таким образом, региональное объединение наиболее соответствует задачам глобальной трансформации. В отличие от государства оно сравнительно легко поддается изменениям и позволяет моделировать пространство в соответствии с политическим замыслом международного режима. В то же время региональные рамки, выстроенные достаточно жестко, например, как в Европейском союзе, служат самой действенной мерой от распада «внутренних» государств и контроля стратегических границ. Внутри интегрированного региона государства могут уступать территории или даже быть поглощенными, но они не выйдут за рамки региона, «внутренняя» гибкость которого допускает практически все комбинации с границами. Поэтому нет ничего более «регионального», чем непрекращающиеся попытки исключить национальное государство из «дорожной карты» глобализации.

В первом десятилетии XXI в. интеграционные группировки стран мира становятся заметными участниками международных отношений, «превращаются в существенный фактор не только мировой экономики, но и военной безопасности, политической стабильности, миротворчества» [4, с. 82]. Однако «новая устойчивая система международных отношений до сих пор не сложилась», поскольку процесс диверсификации связей, поддерживавших блоковую систему, еще не завершился. Поэтому изучение феномена построения региона как *пропагандируемой* единицы иерархии международного порядка представляет определенный интерес для управления международными процессами, выявления их специфики, определения тенденций и проектирования будущего.

Любой политический процесс налагается на географическую область, которая обрабатывается строителями нации политически. В европейской традиции предполагается, что такой подход должен применяться не только к нациям-государствам, но и к регионам. В исследовательской литературе обычно не учитывается, что регионы являются воображаемыми сообществами, акцентируя внимание на природных (естественных) и культивированных особенностях территории и населения, из которых, как указывает норвежский исследователь И. Нойманн, состоят два подхода к изучению регионов:

- основанный на культурной интеграции (inside-out approach), который движется изнутри вовне;
- сфокусированный на геополитике, анализирующий явление извне вовнутрь (outside-in approach) [13, с. 158].

Первый подход определяет условия анализа на социологическом уровне, снижая исследовательский интерес к геополитическим факторам, но не упраздняя их значимости. Теории, развивающие взгляд «изнутри вовне», сосредоточены на процессах изменения государственных границ и трансграничных связях. Второй подход позволяет наблюдать активность и отношения в региональном пространстве внешних акторов. И. Нойманн считает, что этих двух подходов недостаточно для понимания роли региональных отношений в современных процессах, поскольку они не рассматривают «причины и природы происхождения регионов» [13, с. 168].

Современная европейская наука о международных отношениях разрабатывает генеалогический подход, направленный на преодоление, как утверждает, бинаризма, возникающего в диалектическом противостоянии отношений «я / другой». Философский смысл этой идеи был высказан в 1920-е годы русским

А.Б. Каримова

культурологом М. Бахтиным в его размышлениях над гносеологическим сознанием. В 1960-е годы они получили развитие в работах Ю. Кристевой, заявлявшей, что диалогизм заложен в основание интеллектуальной структуры нашего времени. Как представляется, размышления французской исследовательницы были направлены, в том числе, на преодоление негативных смыслов балканизма, отторгающего от истории Европы значительные фрагменты ее географической и политической истории. Таким образом, бинаризм как философия инструментальной политики и диалогизм, отрефлексируемый в современных концепциях теории международных отношений как основа высокой политики, создают свои версии регионализма. На наш взгляд, генеалогический подход имеет много общего с идеей М.М. Ковалевского о многолинейной эволюции и его исследованиями, посвященными большесемейной общине. В истории русской социологии она известна под названием генетической социологии.

Рассуждая в духе социальной психологии, сосредоточенной в XX в. на проблеме этноцентризма и связанных с ним явлениях, можно использовать выводы французского социолога Ю. Кристевой для наблюдения за вектором развития международных отношений в XXI в. Весьма продуктивными для изучения региональных отношений могут оказаться и выкладки Д. Абрамса и М. Хогга: «Члены мы-группы находятся в отношении мира, порядка, закона... друг к другу. Отношение ко всем нечленам или они-группам – это отношение войны и трофеев, если только соглашения не изменили его» [25, р. 17]. Выработка и принятие соглашения всегда сопровождаются диалогом – переговорами, которые в современных теориях международных отношений занимают центральное место. Этот подход используют, например, современные российские ученые В.И. Блищенко и М.М. Солнцева, отмечая превращение деятельности по урегулированию региональных конфликтов в «доминирующую форму диалога между странами» [2, с. 1]. В этом смысле регионализация предстает как отношения оппозиции и аналогии (Ю. Кристева), преодолевающие в процессе диалога отношения конфронтации, но не снимает, а признает различия. Именно эта особенность оказалась полезной для организации движения глобальных потоков, позволяя определить траекторию развития глобализации. Поэтому, на наш взгляд, конструирование регионов в современной ситуации отражает «карту» территорий, влияющих на интенсификацию глобальных процессов, фокус которых направлен на организацию «движения сквозь континенты и регионы» (Д. Хелд). Таким образом, в политическом смысле трансграничная (регио-

нальная) деятельность создает «дорожную карту» глобализации, основанную на «критерии места».

Регионализация мирового пространства в сочетании с низкими темпами роста экономики, наблюдающимися с начала нынешнего века в США, ЕС и Японии, способствует усилению *фактора пространства*, особенно значимого в региональной оптике. Центральной организационной единицей экономики и общества становится *место*, «принимая роль, которую раньше играла крупная корпорация» [19, с. 249] или морское побережье («критерий океана»). Данная тенденция, выявленная американским социологом Р. Флоридой, учитывает среди прочего нарастание влияния систем ценностей, которые в условиях наблюдающейся «интеллектуальной анархии» (А.А. Свечин) играют стабилизирующую роль, возвращая традициям их охраняющие функции. Американский ученый настаивает на важности понятия «место», которое канонизировано в наставлениях Цицерона, предлагавшего при подготовке политической речи мысленно представлять значимые образы и символы в знакомых местах (*loci*), «комнатах дома» и «пространствах между колоннами». Этот способ, как представляется, использовал Э. Гидденс в теории структуриации, названной автором концепцией «устроения общества», представив регионализацию как «зонирование» общества и его конкретных структур (государства, города, кварталы и пр.) [5]. «Временная география» шведского ученого Т. Хагерстранда и феномен многообразия социальных практик, рассмотренных как действие во времени-пространстве, явились для Э. Гидденса ключевыми элементами порядка воспроизводства социальных практик в «мире отказавших тормозов». В его видении регионализация (зонирование, выявление региона) предстает как социальная деятельность, структурированная временем-пространством. При этом он уточняет данное им определение регионализации, включая в него внешний вид границ, «определяющих территорию региона», а также «способы, посредством которых пространственно-временная организация локальностей упорядочивается в рамках глобальных социальных систем» [6, с. 189–190]. Э. Гидденс вводит понятие «онтологическая безопасность», которое, на наш взгляд, являясь основным принципом выявления региона, в то же время не требует графической четкости, вводя тем самым конкретные региональные события в международный контекст и открывая объект для внешнего (глобального) влияния.

В контекстах нового международного порядка региональные образования превосходят пространство межгосударствен-

А.Б. Каримова

ных отношений, включая в себя не только отношения между группами и структурами, но и неструктурированные общие признаки. Поэтому в ситуации постулированной открытости обществ конструирование региона из внутренней задачи государства и в этом смысле сугубо административной и экономической проблемы превратилось в самостоятельный процесс международных отношений и объект мировой политики.

Сегодня регион фактически признан элементом международных отношений, циркулирующих в больших политико-экономических зонах. Обрамленная политическими границами и регламентированная соглашениями трансграничного сотрудничества в международной сфере данная единица перестает восприниматься как географическая категория, но позволяет увидеть «следы» глобальных трансформаций. Основываясь на проведенном анализе, мы предлагаем понимать регион как *форму локализации и способы контроля узловой проблемы, характерной для социального пространства в зоне ее влияния* [8, с. 33].

Примечания

- ¹ «В средние века, – писал К. Риттер, – начиная с великого переселения народов и даже в новейшее время до 18 в., нет речи о точном обозначении границ Европы, ни в смысле историко-этнографическом, ни в смысле географо-политическом. Византийская империя, простиравшаяся вокруг Черного моря до Евфрата и Тигра, не знала никаких границ между Европой и Азией» (*Ritter K.* Европа. Лекции, читанные в Берлинском университете и изданные Г.А. Даниелем / Пер. с нем. М.: Издание А.И. Глазунова, 1864. С. 42).
- ² *Governmentality (англ.)* – термин, впервые введенный в научный оборот М. Фуко, переведен на русский язык как «управленитет» в «Журнале исследований социальной политики». 2003. Т. 1. № 1. С. 69. *Governmentality* состоит из двух слов: *govern* восходит к греческому слову «кормчий», которое Н. Винер использовал в названии созданной им науки «кибернетика»; *mentality* – рассудок, склад ума, интеллект, умонастроение. По смыслу больше соответствует аналитическому управлению.

1. *Барыгин И.Н., Ланко Д.А., Фофанова Е.А.* Регион как инструмент мира: анализ Балтийского академического дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Вып. 3. Сер. 6.
2. *Блищенко В.И., Солнцева М.М.* Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX – начало XXI века): Учеб. пособие. М.: ОАО Городец, 2005.
3. *Вирт Л.* Локализм, регионализм и централизация // Логос. 2003. № 6.
4. Восток / Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО, РОССПЭН, 2002.
5. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. («Концепции»).
6. Там же.
7. *Каримова А.* Региональное пространство в политической организации мира. М.: ИВ РАН, 2007.
8. *Каримова А.* Регионы в современном мире // Социс. 2006. № 5.
9. *Косолапов Н.А.* Глобализация: от миропорядка к международно-политической организации мира // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002.
10. *Лакхманн Р.* Неверное представление о государстве, или Как элиты присваивают доходы и почему происходят фискальные кризисы? // Прогнозис. № 1 (осень).
11. *Мечников Л.И.* Цивилизации и великие исторические реки. Статьи. М.: Прогресс; Пангея, 1995.
12. *Мэтлофф М., Снэлл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. / Пер. с англ. М., 1955.
13. *Нойманн И.* Использование «Другого». М.: Новое издательство, 2004.
14. *Ожиганов Э.Н.* Стратегический анализ политики: теоретические основания и методы: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект-пресс, 2006.
15. Основы евразийства. М.: Арктогея-Центр, 2002.
16. Региональная интеграция и Европа / Под ред. Л.И. Глухарева М.: МГУ, 2001.
17. *Тард Г.* Социальные законы. СПб., 1892.
18. *Фишер Й.* Европа и будущее трансатлантических отношений (Речь министра иностранных дел Германии в Принстонском университете 19 ноября 2003 г. // Internationale Politik. 2003. № 6.
19. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI века, 2005.
20. *Фуше М.* Европейская республика. Исторический и географический контуры / Пер. с фр. М.: Международные отношения, 1999.

А.Б. Каримова

21. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М.: Праксис, 2004.
22. Шмиттер Ф. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос. 2004. № 2 (42).
23. Buzan B., Woever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.
24. Gottman J. The Political Partitioning of Our World. An Attempt Analysis // Politics and Geographic Relationships. Towards a New Focus / Ed. by W.A. Douglas Jackson and Marwyn S. Samuels. Prentice Hall; N.Y., 1971.
25. Hogg M.A., Abrams D. Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes. London: Rutledge, 1988.
26. Hoogvelt A. Globalization and the Postcolonial World: The New Political Economy of Development. London: Macmillan, 1997.
27. Internationale Politik. 2005. № 1. Янв.-февр.
28. International Regionalism / Ed. by J.S. Nye. Boston: Little, Brown, 1968.
29. The Gulf: Future Security and British Policy / The Emirates Center for Strategic Studies and Research. Lebanon, 2000.

Культурологические и этноконфессиональные проблемы России

И.В. Матасова

СТИЛИ РУКОВОДСТВА НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Проблема эффективности управления широко дискутируется в настоящее время. Практически каждый исследователь, обращающийся к экономической тематике, так или иначе затрагивает этот вопрос. Но в зависимости от того, в рамках какой науки проводятся исследования, рассматриваются различные аспекты эффективности управления. Для социологии особый интерес представляет изучение стилей руководства, поскольку в последнее время особенно остро встал вопрос о поиске эффективных, рациональных путей руководства людьми на предприятиях.

Факторы, влияющие на тот стиль руководства, который выбирает менеджер, наделенный руководящими функциями, многочисленны. Это могут быть как внутренние – гендерная принадлежность, возраст, полученное образование, личностные, социализационные, психологические черты характера руководителя, страна, в которой он родился и вырос и др., так и внешние – экономическое положение страны, политический строй, налоговое обложение, жизненный цикл компании, ее сфера деятельности, форма собственности (например, государственная и частная) и проч. Таким образом, можно сделать допущение, что каждый из названных выше факторов в равной степени может влиять на поведение руководителя по отношению к своим подчиненным.

В советские времена не было и не могло возникнуть вопросов относительно того, существуют ли различия в стилях руководства на предприятиях государственной и частной форм собственности, поскольку самого частного сектора просто не существовало. Все предприятия, которые находились в нашей стране, считались общенародной собственностью, т. е. фактически были в ведении государства. Но то, что все предприятия находились в государственной собственности, отнюдь не свидетельствовало о том, что и стили руководства на них были идентичны. Ведь предприятиями управляют люди, а не государство.

Именно поэтому нельзя сказать, что все руководители управляли одинаково, демонстрировали сходные манеры поведения по отношению к подчиненным, применяли похожие способы организации работы, идентичным образом делегировали полномочия. Тем не менее в целом все же можно выделить несколько черт, характерных практически для каждого руководителя, обладающего властью на государственном предприятии в советское время, а именно: зависимость от мнения партийных руководителей и выполнение большинства их пожеланий при принятии решений в рамках организации; единоначалие при постановке и выполнении производственных задач; отсутствие в большинстве случаев делегирования полномочий; искажение результатов производственной деятельности; директивные методы управления персоналом организации; следование номенклатурным законам. Все это можно охарактеризовать как жесткий стиль руководства. Сейчас такой стиль руководства называют советско-партийным, или командно-административным (директивным). В то же время выделять только негативные черты было бы ошибочно. Руководители того периода уделяли большое внимание и психологической атмосфере внутри коллектива, способствовали снижению уровню конфликтности в отделе, проявляли заботу о своих подчиненных. Особенностью такого стиля руководства было совмещение несовместимых элементов.

С конца 1980 – начала 1990-х годов произошли существенные изменения в устойчивых характеристиках стиля руководства. Основной движущей силой можно считать появление частных предприятий, рождение которых пришлось на начало 1990-х годов.

Руководители частных компаний на первом этапе использовали те же приемы и методы руководства, что и на государственных предприятиях. Но позже они стали все больше и больше ориентироваться на западный опыт. То, что было актуальным для американских руководителей в 1960-е годы, в 1990-е прочно закрепляется в коммерческой среде в России. Проблемы взаимоотношений сотрудников, коллегиальности в принятии решений, делегирования ответственности, демократического управления активно поднимаются руководителями частных компаний.

Таким образом, в России складываются две системы управления. На многих государственных предприятиях сохраняется привычный режим, испытанные методы работы, прежние практики, старые кадры, опыт, проверенный годами, и давние традиции. Вместе с тем на других предприятиях, преимущественно частных, сочетается как опыт прошлых лет, так и инновационные практики, скопированные с западных стандартов.

Стили руководства на государственных и частных предприятиях...

Частные компании нередко отличались от государственных не только стилем руководства, более мягким и гуманным, но и системой вознаграждения работников. В результате государственные предприятия, для того чтобы удержать сотрудников, были вынуждены изменить методы руководства и стимулирования, применив инновационные модели, ранее успешно использованные частными организациями.

Так, у двух структур, государственных и частных, в результате приспособления к новому рынку и поиску оптимальных решений при управлении предприятием проявились как общие, так и особенные черты. В связи с актуальностью обозначенной выше проблемы возникла необходимость в проведении исследования, цель которого – выявление сходств и различий в стилях руководства на предприятиях государственной и частной форм собственности, общая численность сотрудников на которых не превышает 200 человек.

В ходе обследования были опрошены начальники отделов (линейные руководители, в подчинении которых находилось от 7 до 10 человек), а также подчиненные руководителей. Для верификации полученных данных был использован принцип триангуляции – сочетание качественных и количественных методов. В результате было проведено 10 свободных интервью (в том числе 5 – с руководителями государственных и 5 – частных предприятий), 40 глубинных интервью (в том числе 20 – с руководителями государственных и 20 – частных предприятий), 80 полуструктурированных интервью (в том числе 40 – с руководителями государственных и 40 – частных предприятий), анкетного опроса 213 подчиненных руководителей государственных и частных предприятий. Исследование проводилось с ноября 2004 г. по январь 2005 г.

По итогам проведенного исследования были получены данные, которые позволили достаточно полно охарактеризовать стили руководства на предприятиях различных форм собственности. Но прежде чем остановиться более подробно на описании общих и различных черт стилей руководства, необходимо обозначить четкие интерпретативные границы.

Центральным понятием исследования являлось понятие стиля руководства. Ученые на протяжении более века (с конца XIX в., когда впервые встал вопрос научного осмысления феномена стиля руководства) пытаются дать определение этого понятия. Первой теорией, в рамках которой была предпринята попытка научной систематизации знания и трактовки стиля руководства, была теория личностных черт, или теория «великих

людей», «*trait theory*». Согласно этой теории руководители обладают рядом черт, которые позволяют им эффективно руководить подчиненными. Но каждый ученый, занимающийся разработкой этой проблемы, предлагал свой список черт. Так, например, Warren Bennis [5] выделял 6 основных значимых качеств руководителя: пронизательность, запал/страсть к рабочему процессу, целостность личности, доверие, любознательность, смелость. Эффективные руководители всегда знают, чего хотят, почему они хотят именно этого и как сделать так, чтобы сорганизовать людей для достижения цели. John Gardner [5], обобщив знание большинства исследователей, предложил расширенный список черт личности, делающих ее эффективным руководителем: физическая активность, живой, подвижный ум, суждение людей по поступкам, желание нести ответственность, способность формулировать задание подчиненным, понимание их нужд и желаний, желание достичь цели, способность мотивировать сотрудников, смелость и решительность, доверие, решительность, самоуверенность, напористость и адаптивность, или гибкость.

Вместе с тем данная теория просуществовала недолго. В 1948 г. Ralf Stogdill опубликовал ставшую классической работу, в которой было выяснено, что сотни проведенных исследований не содержат в себе никаких статистически значимых результатов, подтверждающих, что черты характера определяют эффективное руководство. Это знаменитое «Послание Стогдилла» прекратило личностно-ориентированные исследования в данной сфере. Таким образом, понятие стиля руководства, определяемого как устойчивый комплекс черт руководителя, проявляющихся в его отношении с подчиненными, было актуально лишь на рубеже XIX–XX вв.

Когда большинство теорий личностных качеств утратили свою актуальность, исследователи сфокусировались на том, *что* делают руководители, а не на том *какие* они. Эта теория получила название поведенческой, или бихевиористской. Объектом исследований, проводимых в рамках данной теории, стали стиль и поведение руководителя. Большинство исследовательских проблем было поднято вокруг сопоставления ориентации на отношения и ориентации на задачу. Исходя из двух основных составляющих, ученые рассматривали стили руководства в различных измерениях – от континуума, где один стиль руководства противопоставлялся другому, например демократический и авторитарный (К. Левин, Д. МакГрегор, Р. Лайкерт, Э. Флейшман и Э. Хэррис, Р. Танненбаум и В. Шмидт и др.) до так называ-

емой решетки, где стиль руководства рассматривался как сумма баллов, набранных по каждой из составляющих (Р. Блейк и Дж.С. Мутон, Д. Кац, Н. Маккоби и Н. Морс).

Огромным вкладом в научные исследовательские практики стиля руководства в рамках бихевиористского подхода можно считать многочисленные количественные исследования, в отличие от теории личностных качеств, где выводы в большинстве случаев были основаны на единичных кейс-стадиях.

Первое такое количественное исследование было проведено К. Левиным и Р. Липпитом в 1939 г. Ими было рассмотрено влияние руководителей на группы детей (мальчики в возрасте 11–12 лет), которые лепили маски из папье-маше. Руководители трех групп (взрослые руководители, а не лидеры, стихийно выдвинувшиеся из среды детей) демонстрировали разный стиль руководства, а экспериментаторы сравнивали затем эффективность деятельности трех групп. Именно этот эксперимент позволил выделить три основных стиля руководства, которые далее были развиты другими авторами: авторитарный, или директивный; демократический, или коллегиальный, и попустительский, или либеральный.

Более широкую градацию, взяв за основание такие критерии, как ориентация на подчиненных и ориентация на производство, предложили ученые Мичиганского университета и университета Огайо Р. Блейк и Дж.С. Мутон. Предлагая руководителям ответить на 18 вопросов, которые отражали их сосредоточенность на рабочем процессе («нет ничего более важного, чем достижение цели или выполнение конкретного участка работы; исправляя ошибки подчиненных, я не обращаю внимание на то, что это может испортить взаимоотношения с ними; я сосредоточен на соблюдении графика выполнения задач, чтобы проект был завершен вовремя» и проч.) или на межличностных коммуникациях («нет ничего более важного, чем создание хорошего рабочего коллектива; я позволяю своим подчиненным творчески подходить к выполнению работы; я позволяю своим подчиненным принимать участие в решении различных вопросов и иногда реализую их идеи и предложения» и проч.), исследователи по количеству набранных баллов по осям x и y определяли их стиль руководства (рис. 1): примитивное руководство (*improvised style*), социальное руководство (*country club style*), командное руководство (*team style*), авторитарное руководство (*procedure of perish style*) или производственно-командное руководство (*middle-of-the-road style*) [6].

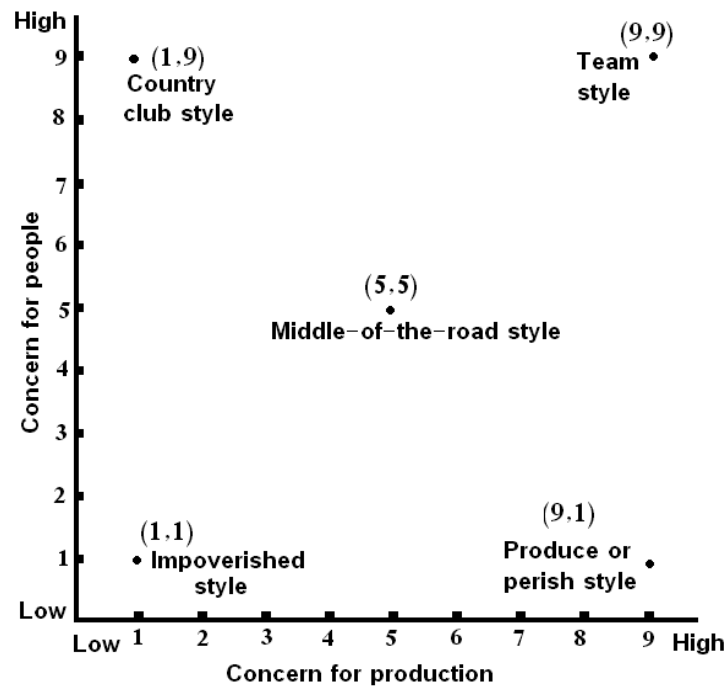

Рис. 1. Управленческая решетка Блейка–Мутона

Бихевиористский подход, в рамках которого стиль руководства понимался как индивидуально-типические особенности устойчивой системы воздействия руководителя на коллектив [1], имел широкую популярность в середине XX в. С конца 1960-х годов начала активно развиваться ситуационная теория как попытка поиска и выработки оптимального способа руководства, который бы позволял руководителю в различных ситуациях оперативно решать комплекс задач и тем самым повышать эффективность рабочего процесса.

Принимая во внимание те стилевые теории, которые были ранее разработаны различными исследователями, Фред Фидлер попытался внести свои коррективы в определение модели стиля руководства. Исходя из многочисленных исследований различных типов организаций, Ф. Фидлер сделал вывод, что авторитарный, или директивный, стиль руководства оправдывает себя в ситуациях, благоприятных или неблагоприятных для руково-

дителя. Когда же ситуация умеренно благоприятная, коллегиальный, или командный, стиль руководства более эффективен, а когда она ухудшается – опять необходим возврат к директивному. Ф. Фидлер считал, что успех или эффективность того или иного стиля руководства зависит от трех факторов: отношений руководителя с подчиненными, структуры производственных заданий и уровня власти руководителя.

Теория «путь–цель», разработанная Т. Митчелом и Р. Хаусом, имеет много общего с ситуативным подходом Ф. Фидлера. По мнению исследователей, преуспевающий руководитель обязан выполнять три вида задач: настроить подчиненных на выполнение работы, увеличивать их уровень производительности и повышать удовлетворенность трудом. Данная модель включает четыре стиля руководства, использование которых определяется ситуацией, предпочтениями и личными качествами исполнителей, степенью их уверенности в своих силах и возможностью воздействовать на ситуацию.

Таким образом, Ф. Фидлер, Т. Митчел и Р. Хаус пытались доказать, что стиль руководства – это не константа, выработанная руководителем в зависимости от ориентации на рабочий процесс или межличностные отношения, а последовательная система взаимодействий, которая имеет место между группой и руководителем в различных ситуациях, возникающих на всех стадиях существования организации [7].

В настоящее время развивается «атрибутивная теория», или «теория рационального управления» Т. Коно. Согласно этой теории существуют четыре стиля руководства: консервативно-аналитический, новаторско-интуитивный, консервативно-интуитивный и новаторско-аналитический. Именно последний стиль руководства, который характеризуют преданность компании; энергичность и новаторство; чуткость к новой информации и идеям; генерирование большого числа идей и инициатив; быстрое принятие решений; хорошая интеграция коллективных действий; четкость в формировании целей и установок; готовность учитывать мнение других; терпимость к неудачам [3], является, по мнению Т. Коно, эффективным, поскольку он рационален. Общее определение, которое дает японский исследователь стилю руководства следующее: «Стиль руководства отличает четкость в формировании целей и установок, готовность учитывать мнение других, терпимость к неудачам» [2].

Итак, на протяжении длительного времени понятие стиля руководства претерпевало существенные изменения. В разное время уделялось внимание таким его аспектам, как оценка лич-

ных качеств руководителя, поведенческие практики управленцев, ситуационные факторы, сочетание элементов технократизма с ситуацией и умением работать с людьми. Но в результате проведенных исследований стало очевидно, что все эти параметры не могут дать четкого и ясного ответа на вопрос, что же такое стиль руководства. Ясность в решение данной проблемы внесло осознание главенствующей роли целенаправленной деятельности руководителя, суть которой заключается в реализации цели всей организации, а в частности – в получении прибыли. Главную роль здесь играют сотрудники. И от того, насколько правильно и мудро руководитель управляет ими, зависит, достигнет организация своей цели или нет, получит она прибыль или будет нести убытки. В результате было выработано следующее определение стиля руководства: «Это привычная манера поведения руководителя по отношению к своим подчиненным, методы и приемы оказания влияния и побуждения к действию с целью достижения целей организации».

Но что значит «манера»? Ведь это достаточно широкое и неоднозначное понятие. Как можно оценить тот или иной стиль руководителя через термин «манера»? В связи с возникновением этой проблемы появилась необходимость в выделении индикаторов, элементов, по которым можно было бы определить, какой стиль используют руководители. Обобщив многочисленные исследования, проведенные в рамках различных подходов и в разное время, был выработан ряд индикаторов, через который можно описать стиль руководства: стимулирование работников (моральное и материальное); уровень контроля со стороны руководителя (тотальный, частичный или самоконтроль); позиция власти управленца (централизация или делегирование полномочий); применение различных методов управления персоналом (экономических, организационных, социально-психологических, административно-командных); эффективные составляющие управления (наличие четкой постановки цели работы, профессионализм сотрудников и т. д.); степень участия подчиненных в принятии решений (как часто начальство обращается к ним за советом и по каким вопросам); возможность реализации творческого потенциала (возможность проявлять инициативу в выполнении работы, применять нестандартные подходы); ориентация руководителя на отношения внутри коллектива (оценка сосредоточенности руководителя на взаимоотношениях, создание хорошей психологической атмосферы, предоставление широкого пакета социального обеспечения); ориентация менеджера на выполнение задач (оценка сосредоточенности руководи-

теля на производственном процессе, уровень ответственности за принятые решения, желаемые качества работника); характер конфликтных ситуаций (межличностный, производственный и т. д.); транслирование руководителем корпоративной политики (через лозунги компании и объяснения преимуществ и привилегий работы именно в этой компании); кем, по собственной оценке, управленцы чувствуют себя в отделе (лидером, частью коллектива и т. д.); какой стиль руководства они чаще всего применяют; девизы руководителей.

Итак, в ходе сравнения стилей руководства по обозначенным выше индикаторам были выявлены следующие различия. Во-первых, величина позиции власти. Если на государственных предприятиях управленец предпочитает предельно централизовать всю полноту власти в своих руках, то в частных компаниях, напротив, менеджер делегирует свои полномочия подчиненным. Во-вторых, уровень ответственности за принятые решения у начальника отдела государственной компании предельно низкий, тогда как у его коллеги из частной фирмы – высокий. В-третьих, количество межличностных конфликтов, происходящих в отделах руководителей на предприятиях государственной формы собственности, в два раза меньше, чем у их коллег на частных предприятиях. В-четвертых, управленцы по-разному предпочитают регулировать сложившиеся конфликтные ситуации. Если менеджер из государственной компании останавливает свой выбор на ведении переговоров или попытке выработать общее мнение с подчиненным, прийти с ним к компромиссу, то руководитель из частной компании в этой ситуации нередко применяет штрафы. В-пятых, различие можно наблюдать и в способах стимулирования работников. В связи с отсутствием должного материального обеспечения предприятий государственной формы собственности их начальники достаточно часто используют моральное поощрение: выражают благодарность на словах, выделяют как лучшего сотрудника не только в пределах отдела, но и всего предприятия. Иным образом стимулируют работу своих подчиненных менеджеры частных компаний. Они наравне с вынесением благодарности на словах за отлично выполненную работу подкрепляют это небольшими премиями, сочетая как моральное, так и материальное поощрение. В-шестых, в то время как у сотрудников государственных предприятий есть возможность выбирать удобный график работы, иногда приходиться попозже, брать отгул и т. д., персонал в частных компаниях вынужден задерживаться уже после окончания рабочего дня и выходить на работу в праздники. В-седьмых, руководители госу-

И.В. Матасова

дарственных и частных компаний указывают разные компоненты, которые способствуют, на их взгляд, эффективному руководству. Так, первые делают акцент на наличии тесно сплоченного коллектива и небольшом количестве сотрудников в отделе, тогда как вторые – на построении жесткой вертикальной системы и способности сотрудников самостоятельно решать проблемы. В-восьмых, примерно одинаковое количество менеджеров на предприятиях государственной формы собственности чувствуют себя в отделе лидерами и частью коллектива. А приблизительно равное число их коллег из частных организаций – лидерами и первыми среди равных. В-девятых, если большая часть руководителей на государственных предприятиях предпочитает использовать демократический стиль руководства, то большинство руководителей на частных предприятиях – авторитарный. В-десятых, наблюдается различие по модели Блейка – Мутона. В то время как у менеджеров государственных компаний высокий уровень ориентации как на производственные задачи, так и на взаимоотношения в коллективе, их коллеги из частных организаций предпочитают уделять внимание только работе. И последнее различие можно наблюдать в девизах управленцев на предприятиях государственной и частной форм собственности. У первых в большинстве случаев «социальные девизы», т. е. такие, которые постулируют уважительное и доброе отношение к окружающим. У вторых же заметен сильный крен в сторону выполнения служебных обязанностей.

Сказав о том, какие различия существуют в стилях руководства начальников отделов на государственных и частных компаний, нельзя не упомянуть и об их сходствах. Среди сходств было бы целесообразно выделить такие элементы, как: тотальный контроль, осуществляемый менеджерами предприятий государственной и частной форм собственности; использование ими авторитарно-командных методов управления; невысокая степень участия подчиненных в решении задач; хорошее социальное обеспечение персонала и контроль за этим со стороны начальников; часто происходящие конфликты, преимущественно производственного характера. Наравне с этим необходимо сказать и о том, что руководители как на государственных, так и на частных предприятиях чаще всего советуются со своими сотрудниками по производственным вопросам, реже по социально-бытовым и еще реже по личным. Кроме того, взгляды менеджеров совпадают при выделении желаемых качеств подчиненных: на первом месте – профессиональные, на втором – социально-психологические, на третьем – личностные. И последнее сходст-

во заключается в том, что управленцы государственных и частных компаний среди основных качеств называют постановку цели и высокий профессионализм сотрудников.

Помимо обозначенных сходств и различий в стилях руководства начальников отделов на государственных и частных предприятиях, можно также выделить их особые, специфические черты.

Применительно к государственным предприятиям это, во-первых, создание хорошей психологической атмосферы внутри коллектива. Во-вторых, наличие конфликтов финансового характера, что, в частности, связано с низкой заработной платой и несправедливым распределением денег в отделе. В-третьих, характер причин, по которым люди остаются работать в государственных организациях, среди которых можно отметить стабильность предприятия и стабильность заработной платы. И, в-четвертых, заостренность методов работы. Распространено мнение, что начальники «на государственных предприятиях – это люди, которые считают, что раз уже это делалось так все время, то так это и должно делаться!» [4].

В частных компаниях специфическими чертами стиля руководства можно назвать, во-первых, самостоятельное принятие решений сотрудниками относительно того, как выполнять работу. Во-вторых, проявление со стороны работников инициативы, выработка ими инновационных методов выполнения поставленных руководством задач. В-третьих, транслирование корпоративной политики руководителями, суть которой состоит в объяснении миссии компании и плюсах работы именно здесь, а также ее визуальное представление в виде лозунгов на стенах организации. И, в-четвертых, высокий уровень ответственности со стороны подчиненных, у которых при этом имеются четкие инструкции «что нельзя говорить начальнику».

В то же время, несмотря на все различия и особенные черты, стили руководства управленцев на государственных и частных предприятиях условно можно обозначить общим понятием «русский менеджмент». Его специфика состоит в том, что начальники отделов как в государственных, так и в частных компаниях стараются сочетать несочетаемое. Такие характеристики невозможно найти в стилях руководства восточных или западных менеджеров, это черта присуща практически всем без исключения руководителям организаций различных форм собственности именно в России, отсюда и условное название «русский менеджмент». Но сочетание несочетаемого проявляется у управленцев по-разному в зависимости от формы собственности

И.В. Матасова

предприятия. На государственных предприятиях оно заключается в том, что руководитель, с одной стороны, стремится проявлять максимум авторитаризма через приказы и действия, показывая, кто является главным в отделе, а с другой стороны, старается быть максимально лояльным со своими подчиненными, проявлять заботу о них как о своих подопечных. В частных компаниях это проявляется в том, что руководитель, с одной стороны, пытается взять под свой контроль все, что происходит у него в отделе, но в то же время он дает своим сотрудникам возможность решать некоторые проблемы самостоятельно.

Таким образом, можно сказать, что стили руководства начальников отделов на современных государственных и частных предприятиях имеют существенное сходство. Их невозможно поставить на разные концы шкалы и утверждать, что они противоположны друг другу или несравнимы. Стремление руководителей частных компаний соответствовать западным образцам, а руководителей государственных компаний – соответствовать запросам современной экономической ситуации привело к взаимовлиянию этих двух стилей управления и их существенному сближению.

Литература

1. *Журавлев А.А.* Стиль современной психологии управления. М.: Экономика, 1994.
2. *Коно Т.* Стратегия и структура японских предприятий / Пер. с англ. М.: Дело, 1991.

Электронные ресурсы

3. *Вересов Н.Н.* Эффективное управление: психологические критерии // http://www.i-u.ru/biblio/archive/veresov_effektiv_upr
4. Стили управления в государственном секторе // http://www.e-executive.ru/publications/aspects/article_312/
5. *Doyle M.E., Smith M.K.* Classical leadership // http://www.infed.org/leadership/traditional_leadership.htm
6. *Watt J.* The Managerial Grid: Blake and Mouton // www.rsc-sw-scotland.ac.uk/project_pages/james_watt/leadership/page_08.htm
7. Wikipedia. The free encyclopedia // en.wikipedia.org/wiki/Fiedler_contingency_model

А.Е. Крухмалев

РАЗНОЛИКИЕ КСЕНОФОБЫ

В современных условиях фантом «ксенофобы» (или «пораженные ксенофобией») демонстрирует интернациональный характер, но особенно присущ обществам переходного типа, подверженным всеобъемлющей трансформации. К таковым принадлежит и российское. Названный фантом подпитывается реальными рисками и угрозами, возникающими в недрах российского полиэтничного социума и усиливающими недоверие одного этноса по отношению к другим, «чужим».

Понятие «ксенофобы» с этносоциологических позиций

В литературе и словарях под термином «ксенофобия» (от греч. *xenos* – «чужой» + *phobos* – «страх») понимается обычно: 1) навязчивый страх перед неизвестным, чужим – незнакомыми лицами (людьми) и т. п.; 2) нетерпимость, даже враждебность к кому-либо или чему-либо непривычному, иному. Ксенофобия по отношению к иным общностям, группам людей, их культуре и ценностям – существенный элемент идеологии и политики разного рода экстремистов. Современному человеку, по замечанию британского социолога З. Баумана, все чаще приходится сталкиваться с неудобствами и страхами в повседневной жизни, испытывать неуверенность и социальную незащищенность [1, с. 18, 79]. Страх перед чем-то неизвестным, незнакомым может носить аморфный характер, когда люди не дифференцируют других по принадлежности к иным общностям (группам). Этот рутинный страх вызывает лишь пассивное стремление как-то уклониться от контактов с неведомым, сохранить статус-кво среды, своего окружения.

В данной работе имеется в виду особый вид фобий, а именно те, которые вызваны взаимодействиями представителей различных этнических групп. Хорошо известно, что в XXI в. этничность во всем мире заявляет о себе весьма определенно. Она так или иначе отражает специфический вид межчеловеческих отношений, присущих группам людей, каждая из которых связана едиными представлениями о генетическом родстве, культурно-языковой общности, коллективным историческим опытом общения и поведения, общими стереотипами сознания. Отличительные признаки этничности – установка «мы–они», «свой–чужие» – в коллективном сознании каждой этнической группы, представления о неких границах в области межэтнических отношений. И как подтверждает практика, указанные признаки продолжают существовать, значимость этничности возрастает. В современном мире заметно увеличились масштабы миграции населения, приводящей к изменению этнических структур локальных социумов. Мигранты по многим параметрам – социокультурным, профессиональным и др. – отличаются от принимающего населения, что отражается на межэтнических отношениях и может приводить к возникновению социальной напряженности. Поэтому в различных обществах, особенно полиэтничных по составу населения, каковым является и российское, важнейшим критерием отношений «свой–чужие» выступает этническая принадлежность. В этносоциологическом ключе ксенофобия понимается прежде всего как боязнь иноэтничных, нетерпимость к ним, проявление негативных эмоций (раздражение, неприязнь, недоверие, страх и т. п.) [11, с. 67–68]. Ксенофобия такого рода обычно связана с усвоенными людьми установками, стереотипами этноцентризма и предубеждения к иноэтничному, инорасовому. Напомним: термин «этноцентризм» ввел в литературу в 1906 г. Ч.Г. Самнер, вложив в его содержание оценку своей группы как наиболее важной, стоящей выше других в культурном и иных отношениях [2, с. 498–499].

Видимо, правы исследователи, которые связывают нарастание ксенофобий в изменяющемся «травматически» (П. Штомпка) обществе с увеличением разнообразных социальных проблем в отношениях между людьми, принимающих, однако, форму этнически окрашенных, когда «свой» стремятся к большей идентификации, а к «чужим» испытывают страх, напряженность во взаимодействиях, дискомфорт в общении [12, с. 12–13]. А. Леонова конкретизирует: «Ксенофобные высказывания лишь в незначительной мере являются прямой импульсивной реакцией на социальные напряжения. Напротив,

они закрепляются в сознании значительных групп населения как общие ценностные установки и не исчезают после спада общественной возбужденности» [7, с. 84].

Очевидно, что понятия «этнос», «нация», «этнические мигранты» и т. п. – это не просто символические «конструкции», созданные в целях манипулирования этнической идентичностью. Они наполнены реальным содержанием, присущими им особенностями, позволяют выявлять вполне реальные практики межэтнических отношений. Например, части иноэтнических мигрантов, прибывших в данную местность, уже присущи определенные свойства и характеристики, необходимые для выживания в новой среде: прагматизм, активность, напористость, мобилизационное состояние, общинная сплоченность, склонность к авантюризму, проявляющаяся в использовании неформальных, зачастую не одобряемых в принимающем обществе способов удовлетворения потребностей и достижения целей. Этномигранты – носители иных культурных ценностей и традиций, норм поведения, которые могут противостоять нормам и традициям принимающего населения. В качестве ответной реакции у этого населения могут проявиться такие виды ксенофобии, как этнофобия и мигрантофобия.

При взаимодействии различных этносов обнаруживается своеобразная социальная дистанция, характеризующая степень чуждости друг другу тех или иных этнических групп. Как показали исследования, проведенные Левада-Центром в 2004 г., на фоне общей настороженности русских в отношении представителей других народов – как населяющих Россию, так и приезжих – в восприятии этносов наблюдается некая иерархия. В зоне «приемлемости» находятся украинцы, белорусы, западные иностранцы, а также мусульмане Поволжья (татары, башкиры и др.) и северные народы (якуты, чукчи и др.). Народы Кавказа и Закавказья (в частности, чеченцы) в восприятии опрошенных оказались даже более далекими, чем народы, никогда не жившие в России и представляющие иные континенты. Более половины респондентов устойчиво поддерживают меры по ограничению числа приезжающих в Россию (а в определенных ситуациях доля таковых может быть существенно выше) [10, с. 136–137]. Таким образом, ситуация в сфере межэтнических отношений в нашей стране не только содержит в себе потенциальные возможности ксенофобии, но и демонстрирует тенденцию к ее росту.

Для избранного нами аспекта темы очень важен учет роли субъективного фактора, а именно характера взаимного восприятия представителей разных этнических общин (например, при-

нимающего населения и мигрантов), создания ими социальных образов друг друга. Под такими образами подразумевается совокупность взаимосвязанных поведенческих, культурных и иных признаков, формирующих представление о данной этнической общине. Специалисты полагают, что если указанные социальные образы имеют безоценочный, эмоционально-нейтральный характер, то взаимодействие между соответствующими этническими группами становится достаточно предсказуемым, риск конфликтов уменьшается. Такие группы стремятся понять интересы, цели, мотивы друг друга и строить отношения на конструктивной основе, в духе толерантности. Процесс этот психологически сложен, он характеризуется применением специфических методов: стереотипизации, использования определенных метафорических приемов, обращения к взаимосвязанным стратегиям – «обвинение» и «самооправдание» (суть их – подкрепление собственной идентичности и затруднение, принижение идентичности контрагента по взаимодействию). Все должно завершаться выработкой определенных правил и норм взаимоотношений. В случае же, когда во взаимных представлениях этносов преобладают оценочные, эмоционально насыщенные характеристики, возможности позитивного взаимодействия проблематизируются [17, с. 42–43].

В свете сказанного виднее существенная роль акторов, непосредственно участвующих в формировании социальных образов взаимодействующих этнических групп. Именно они, обладая соответствующими ресурсами (наличие власти, СМИ, лидерство в политическом движении, партии и т. д.), могут реально влиять на создание негативного образа «чужого», стимулируя рост ксенофобии. При этом используются характеристики, способствующие стигматизации («отметке», выделению) иноэтничных. Под стигмой обычно имеется в виду совокупность каких-либо негативных признаков, наличие которых исключает их носителей из числа «нормальных» партнеров, «нормального» взаимодействия, понижает их репутацию, имидж, что затрудняет им поддержание конструктивных межэтнических отношений. В этом случае «иной» воспринимается уже не просто как «другой», но как «чужой», несущий с собой какие-то скрытые угрозы. В конечном счете это приводит к взаимному дистанцированию этнических групп, ограничению в правах, дискриминации какой-либо из них, сегрегации, замыканию в рамках своей группы, созданию конфликтных ситуаций в межэтнических отношениях. Прямое следствие активности ксенофобов – нарастание напряженности в отношениях представителей разных этносов, возник-

новение конфликтов, подрывающих социально-политическую стабильность общества.

В чем причина распространенности фантома ксенофобов в современном российском обществе? Представляется, что глубинные основы ее кроются в процессах общественной трансформации, происходящей в России с начала 1990-х годов. Советская общественная система, как известно, отрицала частную собственность, имела целевую установку на обеспечение относительного равенства социально-экономических условий развития разных этносов, на функционирование народного хозяйства полиэтнической страны как единого экономического организма. Если взять, к примеру, 1960-е – первую половину 1980-х годов, то в этот период в общественном сознании доминировали идеи интернационализма, братства народов, велась пропаганда, поддерживаемая мерами конкретной политики, дружбы народов, населяющих Советский Союз, их равноправия при уважительном отношении к русскому народу, бескорыстно помогавшему всем нациям, объединенным в СССР. Проблемность в отношениях между представителями различных этносов имела место, но проявлялась в основном в так называемом бытовом национализме, на межличностном уровне, выглядела как несовпадение идеальных моделей и образцов этнического поведения с реальными поступками людей.

Ныне в российском обществе ситуация совершенно иная. Произошедшие коренные сдвиги в экономическом базисе общества, господство частной собственности, в том числе в олигархической форме, требуют примата индивидуалистических стратегий поведения людей всех национальностей, вызывают, с одной стороны, укрепление ранее стиранных «национальных перегородок», появление у этносов своего рода «чувства межи», а с другой – актуализируют этническую идентичность, сплоченность «своих» против «чужих», усиливают страх представителей данного этноса за сохранение ресурсов, боязнь уступить что-то «другим». Отсюда стремление титульных этносов к обеспечению политического и экономического доминирования на своих территориях, захват приоритетных экономических позиций в народном хозяйстве, ключевых рычагов власти и управления. Указанные процессы неизбежно ведут к обострению межэтнических отношений, сопровождаются в духовной сфере всплеском националистических и шовинистических взглядов, которым не дается должный отпор, создают благоприятную почву для разнообразных видов ксенофобий. Можно сказать, что в современной России возникли условия, когда возможности для проявления

А.Е. Крухмалев

фантома «ксенофобы» приобрели системный характер и все больше (и чаще) становятся реалиями жизни.

Виды ксенофобов в российском обществе

Лики ксенофобов многообразны. Можно выделить следующие типичные виды этого фантома.

1. Ксенофобствующие русские «национал-патриоты». Слово «национал-патриот» стало употребляться в российской прессе примерно со второй половины 80-х годов прошлого века в качестве определения русских националистов, образовавших самодеятельное историко-литературное объединение, значительную роль в котором играли сотрудники московского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) и члены «Общества книголюбов» Министерства авиационной промышленности. После ряда реорганизаций объединение в 1982 г. получило название «Память» в честь известной книги В. Чивилихина, отмеченной Государственной премией. В то время мероприятия «Памяти» носили просветительский характер, проводились в виде творческих вечеров, дискуссий на историко-культурные темы и поддерживались парткомом и администрацией Метростроя (объединение существовало при Дворце культуры Метростроя). В 1984 г. «Память» обосновалась в ДК им. С.П. Горбунова, усилила активность. Лидером объединения становится амбициозный фотохудожник и бывший актер-неудачник Д.Д. Васильев. Он первый открыто заговорил о «русском национальном патриотизме», о необходимости «антисионистской пропаганды». Объединение стало именоваться Патриотическое общество (ПО) «Память». 4 октября 1985 г. под этим названием оно провело вечер «Москва... как много в этом звуке...», на котором Васильев говорил об архитектурных утратах столицы при советской власти и перешел к нападкам на чиновников из архитектурного управления Москвы, носящих «нерусские фамилии». Поэт А. Чернов, выступивший с протестом, был насильно выведен дружинниками «Памяти» из зала и сброшен с лестницы. В «перестроечной» прессе, обратившей внимание на деятельность упомянутого ПО и его лидера, употреблявшийся Васильевым термин «русский национальный патриотизм» вольно или невольно сократился до короткого и содержащегося исторические намеки слова «национал-патриотизм». Члены общества не возражали и сами стали называть себя национал-патриотами. Окончательно этот термин утвердился,

когда общество на собрании в Донском монастыре в мае 1988 г. приняло наименование Национально-патриотический фронт (НПФ) «Память». По сути дела, слово «национал-патриот» означает то же, что и «националист».

Употребляя термин «национализм», уместно отметить неоднозначность его трактовки в русском, а также немецком языках в сравнении с романскими и английским. В последних под словом «нация» понимается, скорее, государство, держава или народ как совокупность граждан. Соответственно, «националист» означает «государственник», адепт государственнической (имперской) идеологии, чрезмерно любящий государство в ущерб правам человека (речь не идет о расово-этнических аспектах). В русском же языке, как и в немецком, под словом «нация» всегда подразумевается принадлежность людей к определенному этносу, народу, а под словом «национализм» – любовь к своему этносу (народу) даже в ущерб другим народам, вплоть до признания превосходства над ними. Именно таковыми и показали себя представители НПФ «Память» в отличие, например, от В.В. Жириновского и его сторонников. Выйдя на российскую политическую арену в начале 1990-х годов, Жириновский часто прибегал к радикально-имперской риторике, рядясь в тогу «державника». Демократические СМИ сразу записали этого «клоуна» в национал-патриоты, не заметив разницы между ним и Васильевым, позицией ЛДПР и «Памяти». А разница состояла в том, что Жириновским провозглашалась некая «державная» идеология при трактовке национализма так, как в английском языке, а не в этническом плане, как у Васильева. Хотя справедливости ради надо сказать, что лидер ЛДПР нередко сбивался и на риторику в этнически расистском духе; см., например, его книгу «Последний удар по России» (М., 1995). Разница явственно обнаружилась в ситуации, когда Жириновский стал выступать за отмену графы «национальность» в паспортах в противовес позиции этнических националистов из той же «Памяти». В конце концов в общественном мнении россиян термин «национал-патриот» с 1990-х годов стал часто употребляться в более широком, чем ранее, смысле: не только как этнический (русский) националист, но и как патриот – державник радикального толка.

Вернемся к НПФ «Память» и его лидеру Д.Д. Васильеву. Он родился в г. Кирове в 1945 г. Говоря о себе, обычно подчеркивал, что его родственники пострадали от Советской власти. Деда по материнской линии, казачьего атамана из станицы Романовской, по его словам, большевики закололи штыками за предан-

ность царю. Пострадали и родственники по отцовской линии. В некоторых интервью Васильев утверждал, что он дворянин. Примечательно, что известный певец И. Тальков, состоявший в объединении «Память», называл своего лидера «болярином»; сообщалось, что он является претендентом на престол, что, по мнению некоторых представителей монархических организаций, он, возможно, объявит себя чудесно спасшимся царевичем Алексеем. Сам Васильев заявлял, что в детстве его воспитывали Курбатовы (из старинного дворянского рода): «Они, очевидно, знали историю моего происхождения, дали мне прекрасное образование, поэтому я получил больше, чем человек, окончивший, скажем, три советских вуза». (Впечатление такое, будто рассказывает лицеист, современник Пушкина.) Однако в школе будущий председатель Центрального совета (главный воевода) НПФ «Память» учился, видимо, неважно, объясняя это «идейными мотивами»: он не носил пионерский галстук («почти всегда эту удавку я носил в кармане и получал двойки и нелюбовь учителей»). После школы учился в студии МХАТ, по окончании которой служил в армии. Полтора года из трех армейских лет он провел как актер, но актерская карьера не сложилась: он понял, что «не сможет играть ни сталеваров, ни секретарей обкомов», от этих ролей ему «тошно». Близкое знакомство с театром, однако, бесследно не прошло, оказав влияние на политические шоу, устраиваемые «Памятью».

В центре политических представлений Васильева находилась формула «Бог, царь, нация». Он постоянно повторял тезис, что вместо борьбы классов и партий теперь настало время столкновений рас и религий, борьбы с «масоно-сионистским заговором». К началу 1990-х годов «Память» имела достаточно высокий авторитет в среде разномастных русских «национал-патриотов». Но после того как во время событий осени 1993 г. Васильев принял сторону Ельцина, от него отвернулись многие сторонники. Почти до самого конца 1990-х годов группа Васильева напоминала о себе лишь публицистической и издательской работой. Но амбиции у Васильева оставались: в 1995 г. он предпринял попытку стать депутатом Государственной думы, но проиграл. В 1999 г. баллотировался на пост мэра Москвы, но набрал всего 1,04% голосов избирателей. Скончался на 58-м году жизни.

Еще один известный представитель русских «национал-патриотов», выросший в недрах «Памяти», но в 1990 г. вышедший из нее из-за недовольства пассивностью руководства, – А.П. Баркашов. Он инициировал новое движение – «Русское

национальное единство» (РНЕ) и стал его председателем. Баркашов – москвич, родился в 1953 г. Большое влияние на формирование «антисионистских» взглядов будущего лидера РНЕ оказал, как он считает, двоюродный дедушка, работавший инструктором ЦК ВКП(б) в 1940-е гг. Во время службы в армии изъявлял желание добровольцем помогать египтянам в арабо-израильской войне 1973 г. Тогда, возможно, определилась его установка на «реальную борьбу с сионизмом». Во всяком случае, когда он позднее, «на гражданке», вел на общественных началах занятия по карате, то принимал только русских ребят, проводил с ними беседы о «русском национальном вопросе», «сионистской угрозе» и т. п. С 1985 г. – активист общества «Память», телохранитель Д.Д. Васильева, затем его заместитель и начальник штаба. Он отвечал за военно-патриотическое воспитание молодежи, создание и распространение печатной информации НПФ «Память». Вокруг него сплотились наиболее активные члены НПФ, которые затем и создали РНЕ, зарегистрированное как партия в июле 1993 г. Осенью того же года Баркашов и военизированные группы РНЕ участвовали в защите Белого дома. Из разгромленного здания парламента он бежал, скрывался, после загадочного покушения на него лечился в больнице, где был арестован, но вскоре попал под амнистию.

А.П. Баркашов признавался, что всю жизнь был «интуитивным русским националистом». Под русскими он понимает «триединство»: русские, малороссы (украинцы), белорусы. РНЕ определяется баркашовцами как «национально-государственная организация русского народа, пробуждение энергетика русских». Баркашов заявлял, что в стране осуществлялся геноцид русского народа, прежде всего, «лицами еврейской национальности», составлявшими подавляющее большинство руководителей партии и государственных, в том числе карательно-репрессивных, органов. Он убежден, что «геноцид – явление не политического характера, а явление национально-расовой борьбы», характеризующееся тем, что уничтожались высшие сословия русской нации, а «лица еврейской национальности занимали освободившиеся места». Цели РНЕ масштабны: установление в границах бывшей Российской империи «национальной диктатуры», основанной на «русской национально-государственной идее».

РНЕ, подобно ЛДПР, – партия одного вождя, в данном случае Баркашова. В ней утвердился авторитарный стиль управления. Лидер РНЕ неоднократно высказывал позитивное отношение к Гитлеру и особенно – к Салазару. Как и другие амбициозные политики, Баркашов пытался «пробиться» в Госу-

А.Е. Крухмалев

дарственную думу, но уступил в соперничестве известному «строителю пирамид» С. Мавроди. Собирался он участвовать и в выборах на пост президента РФ.

Среди рассматриваемого вида ксенофобов можно отметить также лидера Русской партии России (РПР) В.И. Корчагина. В перестроечное время он выделялся среди кооператоров – основал ассоциацию кооперативов «Россия». В 1990-е годы проявил себя как издатель антисемитской литературы (издательство «Витязь», журнал «Русич», газета «Русские ведомости»). Были опубликованы «Сионские протоколы» (1996), «Еврейская оккупация России» (1998) и др. брошюры. В 1995 г. за публикацию антисемитских материалов был приговорен к уплате штрафа и запрету на 3 года вести издательскую деятельность, но почти сразу же попал под амнистию в связи с юбилеем Победы. Амбициозный «патриот» представлялся в своих статьях как глава Общественного русского правительства, лидер РПР, академик.

С позиций русских «национал-патриотов» выступал в 1990-е годы лидер Национально-республиканской партии России (НРПР), депутат Государственной думы первого созыва (декабрь 1993 г.) Н.Н. Лысенко. Он родился в 1961 г., окончил два ленинградских вуза – педагогический институт им. А.И. Герцена, получил специальность учителя истории, и ветеринарный институт (врач-эпизоотолог). Приоритет в деятельности НРПР, по словам лидера, – «свобода национальной жизни, обеспечение беспрепятственного национального самовыражения личности». Подобно другим «национал-патриотам», Лысенко утверждал, что в советское время «велась политика сознательного уничтожения русского народа, его прямого духовного и физического геноцида». У русских, по его мнению, сознательно воспитывался «комплекс приниженности и страха», муссировались домыслы о «якобы исторической вине русских перед другими народами». Против засилья евреев в стране он призывал бороться совместно с мусульманами. Будучи депутатом Госдумы, Лысенко позволял себе скандальное поведение: разорвал государственный флаг объявившей независимость Украины, симулировал подготовку покушения на него в рабочем кабинете и т. п.

2. Мигрантофобы – негативно относящиеся к лицам, прибывающим в данный социум из других мест. Поскольку, как отмечалось, в современных условиях этничность выступает наиболее яркой «лакмусовой бумагой» отношений «свой-чужой», постольку мигрантофобия на практике становится почти тождественной этнофобии. Во всяком случае, судя по опросам, в массовом сознании сложился стереотип, согласно которому ми-

гранты и лица иной национальности – нечто одно и то же. Проблемы мигрантов, связанные с обеспечением их прав, адаптацией к среде, куда они прибыли, удовлетворением их потребностей и т. д., обычно рассматриваются местным населением как угрожающие им претензии «иностранцев». Примечательно, что этнофобия как бы априори распространяется на все мигрантские потоки, хотя в них могут превалировать и «свои», например этнические русские.

Не случайно в рядах мигрантофобов оказываются и представители рассмотренного выше первого вида ксенофобов. В частности, лавры борцов с засильем лиц «кавказской национальности» пытались присваивать А. Баркашов, В. Корчагин, А. Стерлигов, Н. Лысенко и другие. Так, в январе 1996 г. «корчагинцы» выступили с обращением «Общественного русского правительства» к депутатам Государственной думы под броским заголовком «Кавказскую мафию – на Кавказ!» (в «мафию» зачислялись все кавказцы в России). В этом документе содержалось требование к депутатам принять решение «об отделении всех северокавказских республик от России и репатриации лиц кавказской национальности на Кавказ». «Обращение» вполне соответствовало логике отношения к мигрантам русских «национал-патриотов», вытекающей из их основополагающего лозунга «Россия – для русских».

Но фантом мигрантофобов распространен не только в довольно узком кругу упомянутых «патриотов». Он имеет питательную почву в среде политиков и чиновников-управленцев, прежде всего, регионального уровня. Незаработанность миграционной политики в РФ привела к тому, что поток прибывающих из стран ближнего зарубежья соотечественников (преимущественно русских) натолкнулся на огромные трудности приема и обустройства и, в конце концов, резко сократился. Получилось, что вместо тех, кто хотел переселиться на постоянное место жительства, продолжается и усиливается поток временных трудовых мигрантов, который характеризуется в основном выходцами с Кавказа и из Центральной Азии, не ориентированных на адаптацию к условиям принимающего общества. В такой ситуации акцент федеральной миграционной политики на «борьбу с незаконной миграцией» сразу же в какой-то мере стимулировал мигрантофобии, принявшие этническую окраску. У политиков, представителей властей регионального уровня появился соблазн использовать недовольство местного населения растущим потоком иноэтничных мигрантов, в частности в электоральных целях. В печати даже называлось примерное число процентов,

которое можно получить при голосовании, придерживаясь позиций от слабых до умеренных националистов, – порядка 12% [6]. «Патриотическая» риторика весьма активно использовалась на последних парламентских выборах. Региональные власти, политики, чиновники и ориентирующиеся на них СМИ заостряли внимание главным образом на негативных аспектах иноэтничной миграции. Очевидно, им удалось «не перегнуть палку», остаться на позиции умеренных националистов, но несомненно и то, что подобная позиция может подпитывать ксенофобии.

В печати подобная позиция неоднократно персонифицировалась с именами губернаторов Краснодарского края Н. Кондратенко и А. Ткачева, политика которых в отношении с нерусскими мигрантами и диаспорами формировалась под значительным влиянием стихийных антииммигрантских настроений местного населения. Препятствия для поселения мигрантов в крае создавались уже с начала 1990-х годов. Для этого имелись некоторые причины (не станем здесь их рассматривать), но зачастую, особенно в местной печати, назывались «основания», носящие мифический характер. Так, контент-анализ трех ведущих краевых газет за 2001–2003 гг., проведенный этносоциологами В.Н. и Я.В. Ракачевыми, показал, что характеристики в печати, к примеру, мигрировавших в край турок-месхетинцев были выдержаны преимущественно в негативном аспекте. «Они», мол, заселяются по некоему «плану», чтобы «оседлать» стратегически важные места; «они» – «пятая колонна», их демографический потенциал, сплоченность и агрессивность могут привести на Кубани к чему-то похожему на косовские события в Югославии и т. п. Словом, образ иноэтничного мигранта подавался чуть ли не как образ интервента, покушающегося на то, что принадлежит не ему, и таким способом у местного населения закреплялась установка на враждебное отношение к приезжим [13, с. 189–199].

3. Русофобы. Это особый вид ксенофобствующих, несколько парадоксальный для России, ибо речь идет о неприязненно, негативно относящихся к народу, составляющему $\frac{4}{5}$ населения страны, на протяжении веков являющемуся стержнем хребтом российской государственности. Тем не менее в современном российском обществе можно наблюдать русофобов различных оттенков – в зависимости от среды, их порождающей.

После распада советской системы в ряде субъектов Российской Федерации, прежде всего, получивших статус республик, среди сформировавшихся национальных правящих элит и близких к ним кругов интеллигенции усилились русофобские настроения. В какой-то мере они явились реакцией на издержки

«советской социализации», в условиях которой русская культура начинала довлеть над другими культурами, что сопровождалось некоторой этнокультурной «денационализацией» в национальных регионах, размыванием этнического сознания проживающего в них населения. Это расценивалось местными элитами, интеллигенцией как «русификация», угрожающая этносам утратой традиционной культуры, языка, в конечном итоге ассимиляцией. Получив от первого президента РФ Б.Н. Ельцина «карт-бланш» на суверенизацию республик («брат» столько суверенитета, сколько можно «переварить»), местные элиты стали все чаще демонстрировать дистанцирование от русской культуры, неприязнь к русским. Это рассматривалось и как самый легкий путь ущемления этнической идентификации своих народов, развития этносознания, интеграции их вокруг пришедших к власти местных политических сил этнократического толка. С начала 1990-х годов наступил новый этап в формировании этнического сознания населения республик – субъектов РФ, когда элиты с помощью средств массовой информации не ограничивались стимулированием позитивных аспектов этого процесса, но прибегали и к культивированию русофобии, превращая ее в стереотип массового сознания. К этому добавлялось принятие дискриминационных юридических актов и соответствующих действий, направленных против «нетитульного» местного русского населения. Положение русских, недостаточно приспособленных к инациональной среде (незнание языка, обычаев, этнокультурной ситуации – все это раньше почти не давало о себе знать), значительно ухудшилось, стало дискомфортным, привело к конфликтам, росту беженцев и вынужденных переселенцев.

На этом фоне разразилась война в Чечне, где проявили себя такие одиозные политические фигуры, как Д. Дудаев, А. Масхадов, Ш. Басаев и другие с их ультрарусофобским кредо: «хороший русский – мертвый русский» [18].

Всплеск русофобии наблюдался и в тех республиках – субъектах РФ, где ранее это явление не прослеживалось. Так, в Калмыкии, например, несмотря на то что калмыки в 1943 г. были выселены в другие районы страны, в период распада СССР не произошло распространения антирусских настроений. На президентских выборах в Калмыкии в 1993 г. избиратели нетитульных национальностей, в том числе русские, отдали голоса К. Илюмжинову, заявлявшему о равноправии всех жителей республики – неотъемлемой части России. Но оказавшись у власти, К. Илюмжинов стал проводить линию на «национализацию»

руководящих должностей в республике. По данным печати, к началу 1997 г. ближайшее окружение президента практически полностью состояло из представителей титульной национальности, а в ведомствах федерального подчинения их численность возросла до 76% руководителей аппарата (при том что доля калмыков в населении республики составляла около 46%). Каждый из 14 представителей президента в районах имел в подчинении по 20–25 соответствующих инстанций, в которых занято большое число чиновников. Их подбор происходил зачастую по национальному признаку. Отсутствие перспектив служебного продвижения, а во многих районах и возможности трудоустройства заставляло людей нетитульной национальности покидать республику. Количество русских в середине 1990-х годов ежегодно сокращалось в Калмыкии примерно на 2% (Независимая газета. 1997. 4 марта).

Еще один подвид русофобов обнаруживается в среде современных «западников». В их рядах, как известно, немало российских политиков, а также просто людей со стереотипным представлением о том, что на Западе достигнуто «цивилизованное» устройство общества (рыночная экономика, демократия, гражданское общество и т. д.), которое неплохо бы скопировать в России (один из признающих себя «западником» – известный журналист Л. Радзиховский заявляет: «Я – за то, чтобы в России был капитализм менее свинский. Менее свинский – значит, как можно более похожий на западный...» – Независимая газета. 2001. 24 февр.). Наверное, большинство из них не лишены определенного чувства признательности родине. Как пишет тот же журналист: «...Я в России родился, больше нигде жить не могу (хотя и хотелось когда-то, слов нет), хочу, чтобы и мой сын тут тоже мог жить всю жизнь» (Там же). Но есть и такие «западники», которые с неуважением относятся к «этой» стране, где живут, и к русскому народу. К их числу можно отнести Альфреда Коха – бывшего вице-премьера России, бывшего главу Госкомимущества, друга и соратника А. Чубайса.

До ухода в отставку (12 августа 1997 г.) А. Кох выдавал себя за патриота, энтузиаста-реформатора, государственника. Но уволившись, стал откровеннее, хотя так и оставил без ответа «вопросы», адресованные ему Генпрокуратурой РФ: о купленной по дешевке квартире, проданных явно ниже стоимости «Норильском никеле» и «Связьинвесте», о гонораре в 100 тыс. долл., выданном за еще не написанную книгу («соавторы» – А. Чубайс, П. Мостовой, М. Бойко, А. Казаков – все крупные госчиновники, причастные к процессам приватизации). Откровеннее Кох стал и

в своих оценках России и ее народа. «Новая газета» 2 ноября 1998г. перепечатала текст его интервью русской радиостанции в США (WMNB). В нем бывший заместитель руководителя правительства рисует перспективу России как «сырьевого придатка» развитых стран, в ином же качестве, по его мнению, «в мировом хозяйстве нет для нее места». Приведем еще одну примечательную выдержку из интервью:

« – Если исходить из Вашего взгляда на завтрашнее России, то весьма безрадостная картина создается...

– Да. Безрадостная. А почему она должна быть радостной? (Смех).

– Ну, просто хотелось, чтобы многострадальный народ...

– Многострадальный народ страдает по собственной вине. Их никто не оккупировал, их никто не покорял, их никто не загонял в тюрьмы. Они сами на себя стучали, сами сажали в тюрьму и сами себя расстреливали. Поэтому этот народ по заслугам пожинает то, что он плодил».

Газета делает логичный вывод: «В правительстве был человек, который абсолютно не верил, что страна может подняться. И, значит, был там, наверху, для чего-то другого... С высокомерным презрением он говорит “они”, “русские”... Он не говорит “русише швайн”, потому что это неприлично. Но он так думает. Это очевидно. Если любишь или хоть уважаешь, обворовывать совестно. Но если презираешь, если не считаешь за людей – тогда, как говорится, сам Бог велел» (Новая газета. 1998. 2 нояб.).

Проникшие в верхние эшелоны новой политической власти России представители рассматриваемого вида ксенофобов стали инициаторами «шоковой терапии», ваучерной «прихватизации» и других социальных мер, реализация которых нанесла серьезный урон русскому народу, привела к его вымиранию (в последнее десятилетие умирало примерно по миллиону человек ежегодно). От такого рода русофобствующих в пылу их откровений на каких-нибудь «тусовках» можно даже услышать «аргументацию» своих позиций вроде того, что, мол, умирают «старье», «дармоеды», «пьянь», что-де происходит «самоочищение» народа, которое только приблизит лучшее будущее общества, в котором они мнят себя элитой.

Рассмотрение видов фантома ксенофобов показывает, что они, будучи, как отмечалось, акторами формирования образцов (стереотипов) взаимодействующих этнических общностей, «атакуют» межэтническую стабилизацию российского общества с разных направлений: одни настраивают общественное мнение на враждебное отношение к русским, составляю-

А.Е. Крухмалев

щим большинство населения страны, другие, прикрываясь ширмой квазипатриотизма, пытаются вызвать у русских недоверие и негативные чувства к иноэтничным россиянам. И в том, что, как признают некоторые исследователи, Россия сегодня больна ксенофобией (В.И. Мукомель), можно увидеть определенные результаты разрушительной деятельности носителей указанного фантома. Ниже подробнее рассматриваются виды и формы их деятельности.

Общие и особенные черты ксенофобов, специфика их деятельности

Ксенофобам присущи следующие отличительные черты.

1. Манипулирование страхом утраты этнической идентичности (языка, культуры, традиций, верований и т. д.) под влиянием деятельности «инородцев». Проиллюстрируем это, обратившись к материалам, отражающим позиции русских «национал-патриотов». Так, Д.Д. Васильев и руководимое им общество «Память» причины бед России усматривали в «сионистском заговоре», направленном на переориентацию национальных исторических и духовных ценностей русского народа, уничтожение того, что составляет ядро этноса. Разъясняя цели НПФ «Память», один из его деятелей – А. Поткин писал, что первопричина разрушения Отечества русских – деятельность «талмудистов-сионистов», под контролем которых оказалось якобы и руководство компартии. Главные усилия патриотическое движение «Память», по его словам, направляет на то, чтобы помочь русским людям прекратить междоусобицу, сплотиться для строительства новой России, девизом которой должны быть слова императора Александра III: «Россия для русских и по-русски» (www.newrdima.yandex.ru)+

Баркашовцы, члены политического объединения РНЕ, тоже считают евреев основной силой, оказывающей «растлевающее влияние на общественно-политическую и морально-нравственную ситуацию в нашем государстве». Главное программное требование РНЕ – установить господство русской нации в России. Это требование конкретизируется в достижении следующих целей:

- возвращение русскому народу его исторического места и роли в государстве и в мире;
- легитимный приход к государственной власти для проведения в жизнь мер национальной революции;

– всемерное распространение национального мировоззрения, внедрение в сознание русского народа национальной идеи как ценности высшего порядка;

– самоорганизация русского народа на основе национальной идеологии для эффективной защиты национальных интересов.

В «Азбуке русского националиста» А.П. Баркашов отмечал, что действенным средством реализации таких целей является «национальная диктатура». «Только когда Русский Народ займет соответствующее место в нашем государстве, – подчеркивал он, – оно вновь станет единым, богатым и сильным». В печатном органе «Русской партии» – «Русской газете» в специальном обращении к соотечественникам отмечалось: «...развернута подлая, тайная и явная, спланированная и беспощадная война не на жизнь, а на смерть. По планам Запада и пятой колонны, в этой войне историческое Российское государство подлежит полному уничтожению, а русские как его носители и основа – безусловно истреблению... Под фарисейским флагом “свобода совести” развернута широкомасштабная кампания против Русской православной веры и других традиционных конфессий (ислам, буддизм). Страна наводнена шарлатанами – оккультистами Запада и Востока. Открыто пропагандируется культ сатанизма, секса, садизма, убийства, насилия... Все это делается с одной целью: запугать народ, превратить его в послушного раба и изгоя на родной земле» [14].

В писаниях русских «национал-патриотов» немало конкретики, свидетельствующей о том, что, действительно, существенные характеристики русского этноса сегодня подвергаются давлению многих факторов. Но вместо серьезного анализа их совокупности с учетом базисных изменений в российском обществе, вызванных приходом к власти демократов, абсолютизируется один из них – этнический, в качестве главной причины всех бед русских выдвигается разрушительная деятельность «инородцев», прежде всего евреев.

С другой стороны, русофобствующие представители управленческой элиты в национальных регионах России, придерживаясь той же «методологии», пытаются обеспечивать своему так называемому титульному народу больше прав и возможностей по сравнению с русскими жителями. Если есть «титульное население», то есть и «нетитульное», значит, второстепенное, куда и относят русских, по отношению к которым прибегают нередко к дискриминации, ущемлению социальных и гражданских прав. Русские «выжимаются» под «благовидными» предложениями: необходимо, мол, обеспечить усиление этнической идентичнос-

А.Е. Крухмалев

ти «титульного» этноса, чему раньше, якобы, мешало присутствие «нетитульных» жителей, их иммиграция в данный регион.

2. Ксенофобы разных оттенков пытаются воздействовать на сознание своих этносов, спекулируя на проблемах территории и ресурсов, вызывая страх утраты их, перехода к «иногородцам». Это видно на примере их сходной аргументации о негативном влиянии миграции на принимающий социум. Так, в ряде заявлений представителей баркашовцев предлагалось ввести в России «черту оседлости» для выходцев с Кавказа и из Средней Азии. И «национал-патриоты», и мигрантофобы обычно пугают своих тем, что приток иноэтничных мигрантов ведет к изменению этносоциальной структуры данного региона, может способствовать даже вытеснению своих с занимаемой территории (это особенно адресуется русскому и другим славянским этносам с учетом демографических особенностей воспроизводства мигрантов-выходцев с Кавказа и из Средней Азии). Акцентируется внимание на опасности компактного заселения мигрантов на приграничных территориях, где они, как считают ксенофобы, могут создавать «пятую колонну».

Ксенофобы стремятся убедить «соплеменников» в том, что приток «иногородцев» подрывает ресурсы своих, дестабилизирует рынок труда, обостряет жилищный вопрос, повышает нагрузку на социальную инфраструктуру, в том числе здравоохранение, образование, культурное обслуживание и т. п. А. Баркашов, например, предостерегает против засилья нерусских, и прежде всего в культуре, бизнесе и банковском деле (Московские новости. 1995. 29 июля).

Политику «наоборот», но в сущности однотипную проповедают ксенофобы из национальных регионов, подчеркивая исключительное право титульных этносов распоряжаться природным богатством (разведанным и освоенным, кстати сказать, усилиями всего государства российского), занимать ключевые позиции в экономике, социальной сфере, культуре. Как отмечали специалисты-этносоциологи, по мере роста экономических трудностей в реформируемой России в ряде регионов усиливались настроения этноизоляционизма, стремление к этническому доминированию, в том числе в экономической сфере, что выразилось в таком специфическом виде национализма, как экономический национализм, проявившемся, например, в Башкирии, Якутии-Саха [16, с. 39].

В начале 1990-х годов в прессе сообщалось, что в Башкортостане акцентируют внимание именно на экономических аспектах суверенитета. Так, в республике впервые был сформирован

самостоятельный бюджет, законодательно оформлена «одноканальная» система сбора налогов. По сведениям газеты «Мегаполис-экспресс», М. Рахимов в личных встречах с Б. Ельциным сумел убедить последнего подписать соглашение, согласно которому республике начиная с 1992 г. будет отчисляться 75% всей валютной выручки (около 1 млрд долл.) от продажи нефтепродуктов [8]. Этот финансовый поток, конечно, использовался местной правящей элитой по ее усмотрению. Некоторые республиканские законодатели обнаружили намерение разделить население республики по национальному признаку. В министерстве юстиции был подготовлен проект закона «О защите прав национальных меньшинств в РБ». Они трактовались как «этнические общности граждан, проживающие в численном меньшинстве в национальной среде на территории РБ, осознающие свою принадлежность к народам, национальностям, имеющим государственные образования за пределами РБ либо не имеющие таковых, но основная часть которых проживает вне Республики Башкортостан». Отсюда следует: в республике, где лишь пятая часть населения – башкиры, «национальными меньшинствами» могут считаться русские (39%) и татары (28%), ибо и те и другие представляют народы, основная часть которых проживает за пределами данной республики (Известия. 1996. 22 нояб.).

В Республике Татарстан в период «парада суверенитетов» (в 1990-е годы) положение русских также изменилось. Многие из них испытывали психологический дискомфорт. По данным научно-исследовательского проекта «Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации (1993–1995 гг.)», перемены в указанные годы оценили как однозначно позитивные 24% татар и 12% русских, как однозначно негативные – 5% и 16% соответственно [4, с. 246]. Особенно возросла тревожность, социально-психологическая неустойчивость среди русских после принятия в республике «Закона о языках народов РТ», предполагающего обязательное знание всем населением государственных языков – русского и татарского. Результат – усиление эмиграции русских за пределы Татарстана. «Выталкивание» русских коснулось не только многих промышленно развитых городов, где они составляли большинство жителей, но и таких районов, как Верхнеуслонский, Зеленодольский, Лапшевский, в населении которых традиционно преобладали русские. Явления оттока русского населения стали заметны и в других республиках Российской Федерации.

3. Почти все разновидности ксенофобов сходятся между собой в этнократических устремлениях, предполагающих использо-

вание всей мощи властных, управленческих рычагов для регулирования общественных процессов с позиций примата национальных интересов доминирующей этнической группы в ущерб представителям других наций, народностей и национальностей. При этом в действительности речь идет не о коренных интересах данной этнической группы, а о корыстных интересах кланов, каст, клик, иных корпоративных групп, стремящихся к власти либо уже получивших ее, разыгрывая этническую карту. Отсюда спекуляция на лозунгах типа «Саха – для якутов», позиция, согласно которой так называемый титульный народ (нация) должен обладать особыми правами и привилегией на власть и т. п.

В том же Татарстане в 1990-е годы определилось направление в практике формирования властных органов республики в сторону их «коренизации». Уже к середине указанного периода высшие эшелоны исполнительной и законодательной властей этой республики на 78,1% были представлены татарами. Состав Госсовета РТ в 2000 г. выглядел так: 95 человек – татары, 27 – русские, 1 – мордвин [3, с. 65–66]. Линию на вытеснение русских из властно-управленческих структур активно проводил бывший президент Адыгеи А. Джамилов. На практике эта линия осуществлялась с учетом того, какой из родов олицетворял сам президент – гамиртовцев или отдельный род шепсугов, представители какого племени были недовольны долей своего участия в верхних эшелонах власти, как устанавливался компромисс между ними (Независимая газета НГ – регионы. 2000. 8 февр.). Особенно ярко проявлялась клановость в облике этнократов Чечни (там четко прослеживалось, какой тейп стоит за Дудаевым, а какой за Басаевым или Масхадовым), хотя эта «элита» проводила общую непримиримую и воинствующую антирусскую политику.

Наряду с общими чертами и направлениями в их деятельности конкретные виды (и подвиды) отличаются особенностями и спецификой проявления. Остановимся на этом подробнее.

Так, специфической чертой взглядов и стиля политических акций Д.Д. Васильева, его соратников, Национал-патриотического фронта «Память» как организации является тотальная обращенность в прошлое, подчеркивание, что они выступают наследниками дореволюционных черносотенных группировок (которые, как известно, стояли на монархических, непримиримо националистических изоляциях, организовывали еврейские погромы и т. д.). «Боевики», «офицеры» – официальная должность руководителей среднего звена НПФ – одевались в черную военизированную форму. Газета этой организации «Память» постоянно (по крайней мере, в заголовках, нередко и в

текстах) использовала старую, дореволюционную азбуку и орфографию. Большинство статей посвящено истории. С 1995 г. первая полоса газеты отводилась под портрет исторического лица, причисленного организацией к русским патриотам. С конца 1980-х годов «Память» официально декларировала национал-монархические позиции. Примечательно, однако, что монархизм в понимании Васильева признавался как желательная идеальная модель для государственного устройства России, но никто из современных претендентов на «русский престол» не считался легитимным. При жизни Васильева в подобной «непредрешенности» проглядывала, очевидно, надежда, что массы позовут его самого, как некогда Бориса Годунова, занять «трон» (отсюда и неоднократные намеки на свое «благородное» происхождение).

Пропаганда «спасительности» монархии, а также православия – это, так сказать, позитивная часть программных заявлений Васильева, занимающих весьма скромное место в его идеологии. Гораздо большая часть пропагандистских материалов его организации посвящена разоблачению «заговора сионистов» против России и русских. Но следует признать, что, несмотря на довольно четко выраженный антисемитский характер взглядов и резкую форму их выражения, до открыто противоправных выступлений против евреев со стороны НПФ «Память» и ее лидеров дело не дошло. Например, когда Смирнов-Осташвили, выдававший себя за сторонника «Памяти», попытался организовать погром в Центральном доме литераторов, руководство НПФ демонстративно отмежевалось от этой акции и ее инициатора.

В отличие от монархистов из «Памяти» А.П. Баркашов проповедует для России «...соборное устройство. Никаких президентов, генсеков и царей. Власть будет народной, а не выборной». Для этого, по его мнению, и необходима «самоорганизация русского народа» вокруг ядра нации, к которому он относит рабочих, военнослужащих, а также молодежь. Интеллигенцию он считает одной из опор главного стратегического противника страны – международной финансовой олигархии. Баркашов, в отличие от «Памяти», в которой сам состоял, не скрывает своих противников – «лиц еврейской национальности» – под формулой «участники сионистско-масонского заговора», хотя и допускает, что любой человек, в том числе еврей, может проникнуться идеей «возрождения русского духа» и чувствовать себя русским. Его русофильство и славянофильство запредельно. Так, будучи православным верующим, он, ссылаясь на фотографию святой плащаницы Христа и на «заклучения» некоторых «антрополо-

гов и анатомов», относит лицо Иисуса Христа к «арийскому, славянскому типу». А «легенду об иудейском происхождении Спасителя» объясняет проникновением иудеев в римскую и византийскую церковную иерархию.

Ксенофобией веет от мер, предлагавшихся Баркашовым для достижения национальных целей. Так, восстановление России в границах 1914 г. видится им следующим образом: вывезти из вышедших из бывшего СССР республик русское население, а потом «задавить их» (республики) блокадой, одновременно ведя круглосуточную агитацию и пропаганду; больше года, по его расчетам, «они не продержатся». Опасения вызывает у него и то, что «центральные регионы России заполнены выходцами с Кавказа и из Средней Азии, совершающими акты насилия по отношению к русским людям». На определенном этапе терпеть это окажется невозможным, «и нам самим придется защищать себя и свой народ. Вот почему мы учимся стрелять, да и многому чему другому».

Организация баркашовцев по структуре напоминает военизованную: жесткая дисциплина, приказ командира – закон, регулярные тренировки в стрельбе и рукопашном бое, форма одежды, особая символика: восьмиконечная звезда и свастика. Баркашов называет ее «истинно русской»: из его комментариев следует, что восьмиконечная звезда – один из главных православных символов, повсеместно встречается в орнаментах церковных храмов. Ее называют еще «звездой Богородицы», поскольку на иконах Божьей Матери в России она изображена на плечах Богородицы. В допетровской Руси эта звезда означала присутствие главного Божества, изображалась на воинских стягах. Свастика – вращающийся крест – имеет названия «солнцеворот», «посолонь». Правая – посолонь – означает присутствие и покровительство Бога в повседневной жизни, счастье и благополучие. А левая свастика – солнцеворот – символизирует покровительство Бога в борьбе с врагами, она изображалась на щитах, оружии воинов. Баркашов ссылается на имеющееся в древнем новгородском Софийском соборе изображение Христа-Пантократора (Вседержателя) на плечах которого можно увидеть левую и правую свастики. Внешне свастика баркашовцев все же сильно напоминает фашистскую. Тем не менее в октябре 1995 г. Баркашов подавал иск на Российское телевидение (журналиста О. Вакуловского) за то, что в передаче «Фашизм в России» лидер НРФ был назван «фюрером организации фашистского толка». Действительно, не просто понять русского «национал-патриота», который не раз высказывал позитивное отношение к Гитлеру, держал дома его портрет.

На митинги баркашовцы предпочитают время не тратить, но каждый из них обязан проводить агитацию по месту работы и учебы, распространять газету «Русский порядок» и другие печатные материалы РНЕ. Члены этой организации участвовали в защите Белого дома, в приднепровских боях, несколько человек были в Сербии.

Отличительная особенность «национал-патриота», лидера «Русской партии» В.И. Корчагина – специализация на выпуске и распространении литературы, направленной против евреев. Основанное им издательство «Витязь» напечатало, например, «Библиотечку русского патриота» – комплект книг и брошюр из 25 наименований, в том числе: «Международное еврейство» Г. Форда; «Спор о Сионе» Д. Рида; «Что нам в них не нравится» В.В. Шульгина; «Евреи в России» А. Селянинова; «Евреи в русской истории» Ю.М. Иванова; «Правда о русских евреях» М.А. Стельмашенко и др. Большая часть литературы – дешевые брошюры на плохой бумаге (в 1998 г. упомянутый комплект обошелся покупателю в 200 руб.) Корчагин владеет книжным магазином, но используется также продажа книг через почту. Распространялись журналы «Русич» и газета «Русские ведомости». Несколько раз издатель привлекался по уголовным делам о разжигании межнациональной вражды. Так, в апреле 1995 г. он был приговорен к уплате крупного штрафа и запрету на три года издательской и журналистской деятельности, но попал под амнистию по случаю юбилея Победы над немецко-фашистскими захватчиками. Привлекался он к ответственности за публикацию своей книги «Суд над академиком Корчагиным», в которой для подкрепления собственной позиции использовал перепечатку 100 страниц из гитлеровской «Mein Kampf». Но литературно-правовая экспертиза, проведенная специалистами Российского университета дружбы народов, не нашла основания для осуждения автора.

Литературная «продукция», изданная Корчагиным, перенасыщена небылицами и фантазиями, что неоднократно отмечалось в прессе. В самом деле, чего стоят, к примеру, такие перлы, как утверждения, что сионистами были организованы объединение Греции времен Александра Македонского, поход гуннов на Европу, разгром Рима вестготами и вандалами, нашествие Чингисхана, Батгя, Тамерлана, завоевания Мексики и Перу и т. п. (из брошюры В. Степина «Сущность сионизма», вышедшей под редакцией Корчагина). Или: сионисты сначала обманулись в Сталине, думая, что он «свой», поскольку его вторая жена – Алилдуева «была еврейкой», а потом физически устранили его,

не дав ему довести до конца «вполне реальное, нисколько не выдуманное “дело врачей”» (Там же). Как отмечалось в «Независимой газете»: «По-видимому, национал-патриоты, ссылающиеся на подобных “добросовестных” авторов и перепечатавающие подобные низкопробные материалы, не чувствуют, что это не создает им репутацию “ума, чести и совести” русского народа, на которую они претендуют» [9, с. 5].

Хотя такая черта, как антикоммунизм, присуща в той или иной степени многим ксенофобам, все же наиболее рельефно она выделяется у представителей «национал-патриотов», в частности у членов НПФ «Память», баркашовцев, сторонников В. Корчагина и др. Они резко выступают против коммунистической идеологии, извращая ее суть, прибегают к клеветническим утверждениям о целях политики коммунистов, дают однозначную, крайне негативную оценку Октябрьской революции 1917 г. Достаточно сказать, что в последнее время основная деятельность «Памяти», ставшей весьма малочисленным объединением, сводится к сбору подписей за снятие красных звезд с кремлевских башен и вынос тела Ленина из Мавзолея на Красной площади.

Этнократы различных мастей, вышедшие, как правило, из недр прежней, советской бюрократии, выдавая себя за «отцов своих народов», якобы неустанно пекущихся об их интересах, на поверку не имеют сколько-нибудь четко выраженной собственной «национальной идеи». Они, по замечанию публициста А. Архангельского, «расставшись с марксизмом, лихорадочно заполняют вакуум смысла обломками и обмылками самых разных учений, от национальных до религиозных. Как всякие новообращенцы, они с яростью готовы приводить реальность в соответствие с приоткрывшейся истиной» [5]. Чаще всего речь идет о давно устаревших обычаях и традициях, устремленных в прошлое, расходящихся с реалиями жизни, а потому способными лишь дезориентировать народы в поисках ответов на вызовы времени. Например, ультраэтнократы типа Дудаева, Масхадова, Басаева были готовы ради сохранения своей власти прибегать к помощи религии, возрождали обычаи похищения людей, внедряли законы адата, шариата.

И все же у ксенофобствующих этнократов за националистической мишурой зачастую скрываются сугубо меркантильные интересы – урвать для себя как можно больший кусок (и пожирнее) «экономического пирога». В начале 1990-х годов, вооружившись этническими лозунгами, к месту и не к месту вспоминая об «истории народа», новоиспеченная этническая «элита» утверждала свой «суверенитет» и быстро прибирала к рукам экономи-

ческие ресурсы. Ее представители не гнушались хищениями государственной собственности, спекуляциями и махинациями, насаждали коррупцию, мздоимство. Подобную практику олицетворяли собой бывший президент республики Мари-Эл Кислицин и его приближенные, что нанесло большой ущерб достоинию населения региона, всем живущим тут этносам.

В чем опасность рассматриваемого фантома ксенофобов? Их активность опирается на укорененные в самом базисе современного российского общества новые тенденции усиления социального неравенства и разобщенности людей, отражающиеся на взаимоотношениях представителей различных этносов, местных и приезжих (мигрантов). Эта активность становится фактором, стимулирующим развитие данных тенденций, распространение ксенофобских настроений среди населения, о чем можно судить по результатам исследований, проведенных Левада-Центром в 2002–2004 гг. (см. табл.):

Таблица

Чувствуете ли Вы в настоящее время
враждебность..? (%)

Годы	Со стороны людей других национальностей		К людям других национальностей	
	2002	2004	2002	2004
Очень часто	2	4	3	4
Довольно часто	8	10	9	13
Редко	29	29	29	29
Никогда/ практически никогда	60	56	59	53
Затрудняюсь ответить	2	1	1	2

Авторы исследований констатируют: «Амбивалентное отношение к националистическим идеям, характерное для значительной части российского общества, отражает конфликт между закреплявшимися годами в государственной идеологии лозунгами братства народов и практической бытовой ксенофобией, значительно обострившейся за последние годы практически во

всех социальных группах, вне зависимости от их демографических и социально-экономических характеристик и ценностно-политических установок. Заметно более высокий, чем в среднем, уровень ксенофобских настроений демонстрирует молодежь, причем с течением времени происходит еще большая радикализация позиции молодых. Сравнительно более толерантные настроения старшей возрастной группы, впрочем, со временем также приближаются к средне-высокому уровню ксенофобии» [10, с. 138].

Ксенофобия – явление, можно сказать, мирового масштаба, получающее новые импульсы в условиях глобализации, практик мультикультурализма, когда людям одной национальности, одной культуры приходится чаще встречаться с представителями иных этносов, не похожих по культуре, обычаям, нравственным принципам, психологии и т. д. В «благополучных» европейских странах немало фактов дискриминации приезжих, есть националистически настроенные деятели (Ле Пен, Хайдер и др.), за которых голосуют «тихие бюргеры», воспринявшие их националистические лозунги. Молчаливая поддержка националистических лозунгов теперь все чаще становится фактом и в России.

К «заслугам» активных ксенофобов («акторам») можно отнести то, что бывший в советское время неприемлемым, осуждаемым как официальной идеологией, так и общественным мнением лозунг «Россия для русских» приобретает ныне все более сторонников. Среди них не только открытые, число которых только за половину 2004 г. увеличилось на четверть, но и принимающие этот лозунг с некоторыми оговорками (реализовать «в разумных пределах»). Откровенно националистические идеи и действия (вроде погромов на рынках в ряде городов) все реже встречают сопротивление, отпор. По данным Левада-Центра (2004 г.), лишь половина опрошенных заявили о недопустимости действий таких групп, как скинхеды и т. п., только треть однозначно негативно воспринимает известия о преступлениях членов этих групп.

Если иметь в виду политический аспект деятельности ксенофобов, то, как показывают результаты выборов, у них нет сколько-нибудь серьезной поддержки среди избирателей и, что особенно важно, среди самой многочисленной части их – русских. Русский народ отворачивается от таких его «друзей», как «национал-патриоты». Чем это объяснить? Видимо, еще крепка выработанная веками глубинная духовная основа русского народа как народа, объединившего в рамках одного государства десятки других народов, не посягая на их национально-истори-

ческие традиции и верования. Ученые из Приднестровья С.И. Берил и В.Р. Опушко в письме в журнал «Социс» отмечали парадокс российской истории, состоящий в том, что «формально господствующий русский этнос оказался отнюдь не в привилегированном положении» [15, с. 143]. Действительно, русский народ никогда не был народом-господином. Правда, в советское время ему отводилась роль «старшего брата», но ведь она предполагала братские отношения внутри «семьи единой» (Шевченко). Но насколько хватит прочности этой, интернационалистической по сути, духовной природы русского этноса, не нанесут ли ей урон, не поколеблют ли ее усилия ксенофобствующих акторов по дезинтеграции межнациональных связей внутри современного российского общества?

Литература

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
2. Большой толковый социологический словарь. (Пер. с англ.). Т. 2. М.: Вече.
3. *Габдрахманова Г.Ф.* Роль миграции в преобразовании этнической структуры Татарстана // Социологические исследования. 2004. № 6.
4. *Дробижнева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М., 1996.
5. Известия. 2002. 21 янв.
6. *Колесников А.* Об ущемленной гордости великороссов // Известия. 2000. 6 авг.
7. *Леонова А.* Настроения ксенофобии и электоральные предпочтения в России в 1994–2003 гг. // Вестник общественного мнения. 2004. № 4 (72). Июль-авг.
8. Мегapolis-экспресс. 1992. 25 марта.
9. НГ. 1993. 14 сент.
10. Общественное мнение – 2004.
11. Этнологический словарь. М.: Виттан, 1996.
12. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
13. *Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.* Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.). Краснодар, 2003.
14. Русская газета. 1997. № 7 (32).
15. Социологические исследования. 2003. № 8.
16. Суверенитет и этническое самосознание: Идеология и практика. М., 1995.
17. *Титов В.Н.* О формировании прессой образа этнического мигранта // Социологические исследования. 2003. № 11.
18. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001.

Лю Юаньюань

РЕКЛАМА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС:
КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА
(на примере наружной рекламы)

С 1960-х годов одним из перспективных направлений изучения законов жизни социума является исследование и осмысление феномена рекламы.

Философы, следуя за Ж. Бодрийяром [1, с. 135–163], трактуют рекламу как неотъемлемую часть современного мира – мира фрагментации, коллажей, наполненного скользящими ориентирами и связями. Те, кто изучает рекламу с точки зрения прикладного маркетинга (из современных российских исследователей назовем Л.Н. Федотову) [3], делают основной акцент на взаимоотношениях интересов производителей и потребителей, видят в рекламе регулятор эффективного обеспечения сбыта товаров и услуг в условиях рыночной экономики.

Социологи видят в рекламе одну из форм массовой коммуникации, под которой понимается особая деятельность, осуществляемая специалистами ради воздействия на объективно не связанные между собой группы и отдельных индивидов ради «массовизации» их сознания и поведения. Такое определение, ссылаясь на работу Г. Ласвелла о структуре и функции коммуникации в обществе [4], дает У.Ю. Потапова в автореферате диссертации на соискание ученого звания кандидата социологических наук «Социальная реклама: эффективность функционирования в социальной коммуникации российского общества» [2, с. 12]. Как отмечают исследователи, рекламная коммуникация восполняет ослабление межличностных контактов, способствует интеграции человека в общество, удовлетворяет такие потребности человека, как потребность в социальной ориентировке, в аффиляции, в сопоставлении своих взглядов со взглядами других людей, в самоутверждении.

Как известно, процесс коммуникации начинается с того, что отправитель, обладающий своей устойчивой картиной мира, составляет сообщение, преследуя определенные цели. Подготов-

ленное сообщение кодируется, т. е. превращается в символическую форму. После этого оно по выбранному каналу (речь, письмо, средства связи, в том числе электронные) передается получателю. Получатель также обладает своей устойчивой картиной мира, безусловно, отличной от картины мира отправителя. Поэтому когда получатель принимает сообщение и декодирует его, расшифровка послания происходит не полностью, а с частичными искажениями. Затем получатель реагирует на сообщение на когнитивном, эмоциональном или поведенческом уровне и обеспечивает обратную связь. Она тоже является сообщением, которое проходит те же этапы, пока не придет к отправителю. Каждая культура представляет собой систему кодов, распространяющую свое действие на повседневные отношения, социальные и культурные нормы и т. д. И естественно, что представители разных культур при коммуникации пользуются своими кодовыми системами.

В этой статье предметом нашего подробного рассмотрения будет китайская наружная реклама.

Одним из ключевых понятий в теории рекламы является потребитель – целевая аудитория, на которую направлено рекламное воздействие. Сегодня потребители менее склонны доверять рекламе, они стали более недоверчивыми, больше присматриваются к качеству товара, преимуществам и ценностям, которые может гарантировать его применение. Такая тенденция отмечается в различных странах, и в Китае в том числе. Новая ситуация требует от рекламодателя каждый день совершенствовать свое предложение, искать новые подходы к потребителю, используя для этого современные коммуникативные технологии.

Реклама ищет выходы на различные типы потребителей: на потребителей, в высокой степени привязанных к товару, которые внимательно следят за рекламой, формирующей их отношение к торговой марке, и слабо привязанных к товару, которые не интересуются рекламной информацией и чаще всего из любопытства приобретают новую торговую марку; на рациональных потребителей, которые в своих поступках руководствуются рациональными доводами и аргументами в пользу того или иного товара, и потребителей, подверженных эмоциональному восприятию, которые часто судят о товаре с точки зрения своего отношения к конкретной рекламе.

Китайский и российский потребители рекламы в целом очень похожи. На наш взгляд, связано это с тем, что и в России и в Китае рекламный рынок в привычном для нас, современном понимании начал развиваться сравнительно недавно – на рубе-

Лю Юаньюань

же 1980–1990-х годов. Кроме того, и Россия и Китай – это государства с огромной территорией, и здесь нельзя обойтись без учета того, что пристрастия потребителей, проживающих в разных регионах, также могут иметь свои определенные различия. Вкус и требования покупателей из разных уголков России и Китая порой довольно сильно отличаются друг от друга.

Все эти факторы отражаются на особенностях местных форм рекламирования.

В Китае активно развивается наружная реклама, которая представляет собой рекламные конструкции и изображения, размещаемые на улицах и площадях, вдоль автотрасс, тротуаров, железнодорожных путей. Хотя доля агентств, специализирующихся на производстве наружной рекламы, относительно невелика (шестая-седьмая часть от общего рынка рекламного производства)¹, наружная реклама очень заметна и востребована. Данный сектор рекламного бизнеса в КНР развит хорошо и работает стабильно, поскольку именно этот вид рекламы наиболее эффективен при работе с потребительскими товарами широкого спроса.

Основным недостатком наружной рекламы в Китае является ее плотность: большой поток рекламной информации в несколько раз снижает эффективность отдельного рекламного предложения. Второй недостаток – довольно высокая цена рекламы, за последнее десятилетие увеличившаяся в 35 раз. Увеличение вложений в наружную рекламу произошло в основном в связи с ростом количества рекламы в секторах недвижимости, ритейла и индустрии развлечений. Аналитики из Китайской ассоциации рекламодателей (China Advertising Association) объясняют рост вложений в наружную рекламу тем, что она доступна большому количеству разных людей на улицах и в общественных местах, в отличие от телевидения, которое имеет достаточно фиксированную аудиторию.

Первичное зрительное восприятие наружной рекламы обычно происходит на уровне «нравится – не нравится». Последующие зрительные контакты углубляют восприятие. Считается, что основная функция такой рекламы – напоминающая, и максимальный эффект от нее можно получить на заключительном этапе комплексной кампании (есть и прямо противоположное мнение: при помощи броской наружной рекламы фирма может успешно заявить о себе, представить ассортимент товаров и услуг, но оно поддерживается немногими). В основном наружная реклама напоминает о фирме, товаре, услуге или политическом деятеле, движении, социальной проблеме. Как правило, наружную рекламу не применяют в начале рекламных кампа-

ний, в ней зачастую используются уже знакомые (по телепрограммам, газетам, журналам) аудитории образы, сюжеты и слоганы. Также наружная реклама выполняет функцию украшения современного городского ландшафта.

Важную роль для наружной рекламы играет престижность территории. Павильоны ожидания городского транспорта снабжаются специальными рекламными стендами, лайт-постерами. В оживленных местах устанавливают электронные табло и иные средства инфомедиа, позволяющие показывать видео- и компьютерные ролики, давать цветной текст. Рекламные символы помещают на уличных часах и в телефонных кабинках, используя самоклеящиеся поверхности, полиграфические плакаты, прозрачные или матовые светопропускающие пленки типа «duratrans». Самостоятельной индустрией является световая наружная реклама.

Наружную рекламу можно рассматривать как определенную информационную среду для продвижения услуг и товаров. Это один из массовых каналов распространения рекламы, эффективное средство продвижения потребительских товаров. Вывески, транспаранты, афиши, щиты, панно, световые вывески, табло, экраны со статичным или движущимся изображением стали неотъемлемой частью городского пейзажа Китая.

Основным типом наружной рекламы в Китае является крупногабаритный плакат. Существуют электрифицированные и газосветные световые панно. Бывают табло нестандартных размера и формы, изготавливаемые по особому заказу.

Среди наружной рекламы особое место занимает афиша. Ее возможности значительно преобладают над возможностями других средств распространения рекламы, так как это, по сути, квинтэссенция всей рекламной кампании, в ней смысл 30-секундного рекламного ролика.

К наружной рекламе можно отнести и рекламу на транспорте, которая очень распространена в Китае. Постеры и афиши размещаются внутри салонов автобусов, поездов и даже самолетов.

Эффективность наружной рекламы зависит от уровня дизайна, художественной выразительности, использования качественных отделочных материалов и технологий, а также от законодательной базы, определяющей нормы размещения средств наружной рекламы.

Китайская наружная реклама отличается яркостью изображения и минимумом текста. Она широко представлена щитовой и световой рекламой, растяжками, листовками, рекламой на автотранспорте, в качестве рекламных стендов используются да-

Лю Юаньюань

же люди. Большая часть рекламы выполнена на хорошем профессиональном уровне, имеет высокое качество.

Принцип китайской наружной рекламы – «минимум слов, максимум впечатлений».

Основные принципы передачи рекламной информации, как формулируют их китайские пособия по рекламе, – это «ясность и практичность чтения информации, изящество и красота, великолепие и благородство, ненавязчивость, оригинальность, веселье и радость».

Примером такого подхода может служить оригинальное решение рекламы «Ауди». На плакате на черном фоне (в КНР популярны «Ауди» черного цвета) рядом изображены четыре гнезда, в которых лежат яйца. Так создателям рекламы видится фирменный знак «Ауди». Яйцо – белое, хрупкое, из него появляется новая жизнь. Гнездо-дом символизирует защищенность, тепло, комфорт. Потребитель, согласно замыслу художников, должен почувствовать, что в салоне «Ауди» ему будет так же комфортно и безопасно, как будущему птенцу в его гнезде.

Китайские рекламисты чутко уловили, что реклама привлекает своей праздничностью. Все, что вызывает мрачное настроение: скука, монотонность, уныние – в китайской рекламе недопустимо. Веселый человек более расположен к восприятию рекламы, он легче расстаётся с деньгами. Именно поэтому в китайской рекламе – в том числе наружной – много юмора.

Приведем два примера.

В первом случае юмор передается через изображение. На плакате, рекламирующем кондиционер для белья, на левой половине рисунка изображены два симпатичных кактуса, на правой половине – те же кактусы, только после обработки кондиционером: они потеряли свои колючки, стали мягкими приятными на ощупь.

Во втором случае юмор связан со слоганом. Рекламу спрея от насекомых сопровождает слоган: «Только настоящий герой может посягнуть на насекомое!».

Вообще в китайских юмористических слоганах часто используются омонимы, поэтому перевод их на русский язык проблематичен: теряется эффект от игры слов.

Кстати, на наш взгляд, китайская юмористическая реклама отличается от российской тем, что в ней нет «черного юмора». Китайская реклама может показаться наивной, но она очень добрая.

Все вышесказанное относится к наружной рекламе, ориентированной на внутреннего потребителя – гражданина КНР.

Однако в ряде районов Китая есть наружная реклама, адресованная иностранцам. Например, на западе страны, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, граничащем с Казахстаном, многие щиты и афиши содержат тексты на русском языке. Например, на плакате частной гостиницы рядом с изображением уютного дома есть надпись на русском языке: «Здесь ваша семья! Ваш друг Алеша рад вашему приходу!»

Зачастую русскоязычному потребителю рекламы подобные вывески и рекламные щиты кажутся наивными, тем более что в текстах содержатся языковые ошибки, вызванные якобы «ненужными» словами (например, щит небольшой швейной компании «Фирма брюк “Две ноги”» или афиша «Массаж слепого», рекламирующая салон массажа), но при этом такая реклама неизменно привлекает внимание и облегчает задачи межкультурной коммуникации, способствует удачному продвижению товаров и услуг.

Примечание

- ¹ На сегодняшний день в Харбине функционирует несколько сотен рекламных агентств, издательств и компаний, занятых изготовлением и размещением рекламы. Из 887 рекламных агентств наружной рекламой занято 126 компаний; 267 – web-дизайном в различных вариантах; 196 – рекламой в средствах массовой информации; 427 организаций создано при электронных средствах массовой информации (телеканал, провайдер, электронный магазин); около 60 компаний являются маркетинговыми центрами. Кроме того, работают более 240 информационно-аналитических компаний. Примерно так же обстоят дела на рынке рекламных услуг в городах Шеньян, Далянь, Шэньчжэнь, Гуанчжоу.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Система вещей / Пер. с фр. С. Зенкина. М., 1995.
2. *Потапова У.Ю.* Социальная реклама: эффективность функционирования в социальной коммуникации российского общества. Ростов на/Д, 2006.
3. *Федотова Л.Н.* Социология рекламной деятельности: Учебник. М., 2002.
4. *Lasswell H.* The structure and function of communication in society // *Sohrann W.* Mass communications. Urbana; Illinois, 1960.

А.А. Голосева

К ВОПРОСУ
О ТИПАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР
В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В истории человечества с античных времен были попытки соединить разные культуры, создать общую культуру для нескольких народов – эллинизм, советская и т. д. Но все это оказывалось действующим ограниченный исторический срок. Теперь в связи с глобализационными, алтерглобализационными и антиглобализационными процессами проблемы взаимодействия культур приобретают особую актуальность.

В исторической практике существовали и существуют две принципиально различные модели взаимодействия культур. Одна из них реализуется мирным, добровольным способом, путем свободного заимствования контактирующими культурами элементов друг друга. Процесс этот протекает при отсутствии насилия между представителями разных культур. В данном случае взаимодействие основывается на равноправном сотрудничестве. Вторая модель характеризуется насильственным подчинением одной культуры другой, что обычно осуществлялось в ходе колониального завоевания или оккупации территории одного государства (народа) другим. При этом, как правило, добивалась господства культура победившей стороны, хотя и были исключения (например, норманны в Британии).

Несколько веков назад, начиная с эпохи Великих географических открытий, когда в мире впервые стала проявляться тенденция к установлению контакта между всеми существовавшими тогда цивилизациями, культурные взаимодействия народов строились в основном на методах экспансии, политического и экономического подчинения и даже полного уничтожения пораженного народа и его культуры. Уже в то время отдельные государственные деятели метрополий понимали значимость внедрения элементов своей культуры в среду подвластных народов как важного условия длительного, а может быть, и вечного управления ими. При этом культурной обработке подвергалась в

первую очередь элита зависимых народов, наряду с политической и экономической все большее значение приобретала культурная экспансия метрополий.

В условиях XXI в., когда происходит процесс глобализации мировой экономики, необычайно возросло культурное взаимодействие людей разных стран и континентов. Некоторые считают, что идет формирование общечеловеческой культуры.

Но если в предыдущие времена культурную экспансию осуществляли несколько европейских государств, то в современную эпоху зачастую говорится о насильственном внедрении ценностей только одной культуры, которую считают необходимым распространить по всему миру, широко используя средства массовой информации. Все чаще речь идет о насаждении в массовое сознание населения всех континентов западных, а точнее, американских культурных ценностей, вытеснении на обочину национальных культур. При этом не могут не возникнуть опасения, что если в ходе данного процесса культурные ценности одной нации будут насильственным путем вытеснять все другие, не приведет ли это к обеднению, а возможно, и к полному краху будущего культурное единство человечества, если оно вообще возможно и нужно.

В связи с этим особый интерес представляет рассмотрение имеющихся типов взаимодействия культур, выделение наиболее перспективных из них в современном мире, когда остро стоит проблема сохранения уникальности национальных культур.

В имеющейся культурологической литературе указанная выше проблема поставлена, о ней много пишут зарубежные и отечественные ученые, но до конца она не разработана. Поэтому в данной статье делается попытка обобщить имеющийся материал и высказать собственные суждения о типах культурного взаимодействия и их роли в культурной эволюции человечества.

В современной культурологии существует несколько классификаций типов культурных взаимодействий. Одна из них, наиболее распространенная и получившая отражение в учебниках, учебных пособиях, энциклопедиях, справочной литературе [1], перечисляет следующие типы культурных взаимодействий: аккультурация, ассимиляция, интеграция, сепарация, сегрегация, геноцид и т. д. Другую классификацию предложил и обосновал Я. Шемякин на теоретическом семинаре «Социокультурная методология анализа российского общества» [2], где он был поддержан многими видными культурологами, социологами, политологами и философами. Эта классификация включает в себя три типа культурных взаимодействий: противостояние, симбиоз

и синтез. Мы постараемся рассмотреть обе эти классификации, оценить их положительные стороны и недостатки, исходя из нашего понимания процесса взаимодействия культур.

Начнем с первой классификации, в которой центральное место занимает понятие *аккультурации*. Под аккультурацией в широком смысле понимается процесс изменения материальной и духовной культур при контакте и взаимовлиянии различных социокультурных систем. Решающее значение в процессах аккультурации приобретают перемены состояний, качеств, областей деятельности, ценностей той или другой культуры, порождение новых форм культурной активности, духовных ориентиров и признаков образа жизни людей под влиянием импульсов, идущих извне. Впервые это понятие стало использоваться в американской культурной антропологии в конце XIX в. и применялось в узком значении, обозначая преимущественно процессы ассимиляции, происходившие в духовной сфере индейских племен вследствие их соприкосновения с европейской культурой белых американцев [3]. В наше время аккультурация, как отмечено выше, воспринимается очень широко, часто охватывает весь спектр культурного взаимодействия, в ходе которого происходят изменения культур, усвоение ими новых элементов, образование в результате смешения разных традиций принципиально нового культурного синтеза.

При рассмотрении аккультурации принято выделять *культуру-реципиента*, изначальные культурные реалии которой претерпевают изменения, т. е. культуру принимающую, и *культуру-донора*, из которой первая черпает новые культурные модели. При этом до 50-х гг. XX в. изучение взаимодействия культур почти полностью ограничивалось исследованием изменения традиционных культур под воздействием западной цивилизации; но начиная с 1950–1960-х гг. произошло ощутимое расширение исследовательского массива, возросло число научных публикаций, посвященных взаимодействию и взаимовлиянию культур Востока и Запада и таким процессам, как испанизация, японизация, китаизация и т. п., характерным для культуры отдельных регионов. Если ранее было принято изучать влияние «доминирующей» культуры на «подчиненную», то теперь предметом исследования часто становятся и противоположные воздействия (например, влияние афро-американских музыкальных форм на современную западную музыку).

Тесно связан с аккультурацией и другой тип культурных взаимодействий – *ассимиляция*, в результате которой члены одной этнической группы утрачивают свою первоначально сущест-

вовашую культуру и усваивают культуру другой этнической группы, с которой они находятся в непосредственном контакте. Вместе с тем часто термин «ассимиляция» используется для обозначения особой политики доминирующей национальной группы в отношении этнического меньшинства, направленной на искусственное подавление его традиционной культуры и создание таких условий, при которых активное участие меньшинства в жизни общества обуславливается полным принятием им культурных установок господствующего этноса.

Понятие ассимиляции стало использоваться в конце XIX в., главным образом в американской социальной науке [4], для обозначения процессов, происходивших в культурной жизни США в связи с массовой миграцией из разных европейских стран. При этом американское общество рассматривалось как огромная «творческая лаборатория», как «плавильный котел», где различные культурные традиции перемешивались и переплавлялись в некое синтетическое целое, в основе которого лежала европейская христианская цивилизация в ее протестантском варианте.

В дальнейшем ассимиляция и ее практические проявления продолжали исследоваться. В теоретическое осмысление этого феномена было внесено много нового во второй половине XX в. [5]. Так, Ван дер Занден предложил различать одностороннюю ассимиляцию, при которой культура меньшинства полностью вытесняется доминирующей культурой, и культурное смешение, при котором элементы культур подчиненной и господствующей смешиваются и, образуя новые устойчивые комбинации, закладывают начало новой культуры [6].

М. Гордон, изучавший процессы ассимиляции в американском обществе, пришел к выводу, что ассимиляцию правильнее всего рассматривать как имеющую несколько степеней [7]. Случаи полной ассимиляции встречаются крайне редко. Обычно имеет место та или иная степень трансформации традиционной культуры меньшинства под влиянием культуры доминирующей этнической группы, причем нередко довольно значительным является и обратное влияние, оказываемое культурами меньшинств на доминирующую культуру.

Интересно отметить, что об ассимиляции как типе взаимодействия культур писал еще Н.Я. Данилевский, используя именно этот термин. Как известно, определяющей чертой нации он считал способность образовывать государство. В то же время, указывая на существование народности, не способные возвыситься над состоянием дикости или же находящиеся на самой ранней ступени своего развития и еще не вступившие на путь создания

государства. В этот момент нация может вступить в контакт с другой нацией, уже начавшей свой политический путь. При этом первая поглощается последней. «Процесс поглощения совершается, конечно, не вдруг, а тем медленнее, чем естественнее и менее насильственно он происходит. Такова была судьба финских племен, рассеянных по пространству России. Славяне никогда их не покоряли: с самого начала истории племена их являются в дружном союзе с племенами славянскими и сообща кладут основание государства. Но более сильное племя поглощает их путем *ассимиляции*» [8, с. 252].

Этот процесс происходил, по его мнению, с такими народами, как корелы, мордва, чувашаи и др., которые «само собой разумеется ...не могут составлять государств; но они и притязаний на это никаких не имеют, не имеют сознания исторического и политического характера своей народности, – его, следовательно, и вовсе не существует. Таково же, например, положение басков во Франции и в Испании» [9, с. 252]. Полагаю, баски бы сильно обиделись, узнав, что им отказано в осознании исторического и политического характера своей народности. Впрочем, Н.Я. Данилевский был счастливо избавлен от необходимости держать свои высказывания в рамках политкорректности.

Следующим типом культурных взаимодействий является *сегрегация* – политика принудительного отделения какой-либо группы населения по расовому или этническому признаку, одна из форм расовой дискриминации.

Тесно связан с сегрегацией и такой вид культурного взаимодействия как *сепарация* – добровольная изоляция группы людей (по какому-либо общему для них признаку) от окружающего общества. Особенно часто причиной сепарации могут служить этнические или конфессиональные различия, а также желание сохранить свои культурные и конфессиональные особенности в этночуждом окружении. Нужно отметить, что термин «сепарация» при анализе культурных взаимодействий стал использоваться только в последние годы, поэтому он отсутствует в таком понимании в справочной литературе.

Еще одним видом взаимоотношений в области культуры может быть *геноцид*. Понятие «геноцид» было введено в оборот в 1940-х гг. еврейским лингвистом Рафаэлем Лемкиным, в 1941 г. бежавшим из оккупированной нацистами Польши. Для Лемкина геноцид – это совершенно особый исторический феномен, уникальный как по своим мотивам, так и по целям, предполагающий стирание с лица земли целого народа. Впоследствии Лемкин активно выступал за принятие конвенции против геноцида, кото-

рая была одобрена Организацией Объединенных Наций в 1948 г. Определив геноцид как преступление, совершаемое «с целью уничтожения, полного или частичного, национальной, этнической, расовой или религиозной группы», конвенция призывает наказывать уличенных в этом преступлении и обязывает подписавшие ее страны «предпринимать любые не противоречащие Уставу ООН действия, какие они сочтут необходимыми для предотвращения и пресечения актов геноцида» [10].

Действия, квалифицируемые Конвенцией как акты геноцида, совершались неоднократно в истории человечества начиная с древнейших времен, в особенности во время истребительных войн и опустошительных нашествий и походов завоевателей, внутренних этнических и религиозных столкновений, в период раздела мира и образования колониальных империй европейских держав, в процессе ожесточенной борьбы за передел мира, приведший к двум мировым войнам, и в колониальных войнах после Второй мировой войны 1939–1945 гг.

Совершенно особое место занимает, разумеется, холокост, в ходе которого в Европе самыми варварскими способами были убиты 6 млн евреев. Холокост – а это название происходит от еврейского слова «хурбан», «сожжение», – был попыткой уничтожить целый народ, все его колена, каждого мужчину, женщину и ребенка (в то время как целью инквизиции, уничтожившей в Испании XV в. около 2 тыс. человек и инициировавшей изгнание евреев из страны в 1492 г., было обращение иудеев в христианство, а не их истребление). Холокост был идеологичен по самой природе, так как его идеологов обурежала ненависть к еврейскому народу, а не к его вере, которую прежде пытались искоренить в ходе религиозных войн.

В 2002 г. вышла книга американской исследовательницы Саманты Пауэрс «Адская проблема: Америка и эпоха геноцида» [11], в которой анализируется проблема геноцида в наше время. Д. Белл назвал публикацию данной книги «знаковым событием» [12, с. 19], так как она может послужить хорошим исходным пунктом для поиска ответов на вопросы о природе геноцида как такового.

В книге отмечены многие трагедии XX в. – начиная с турецкого геноцида армян в 1915 г. и до истребления миллиона камбоджийцев полпотовским режимом «красных кхмеров» в конце 1970-х; газовых атак Саддама Хусейна против курдов в 1980-е; массового убийства 800 тыс. тутси в Руанде, совершенного вооруженными отрядами хуту, поддержанными их соплеменниками, в том числе и христианскими священниками, и многое другое.

Можно было бы предположить, что в современную эпоху типы взаимодействия культур, связанные с открытым подавлением, уничтожением одной из взаимодействующих, такие как геноцид, сегрегация, сходят на нет или применяются в скрытых формах, так как они отвергаются мировым сообществом, что получило отражение в ряде документов ООН, ЮНЕСКО и т. д. Однако, и это наглядно показывает исследование С. Пауэрс, геноцид остается большой проблемой человечества и по сей день. Как отмечал в одной из своих статей Д. Белл: «...геноцид эпохи модернити занимает особое место – как в силу его идеологической природы, так и в связи с уникальностью его методов» [13, с. 17].

В связи с этим Д. Белл поднимает еще одну важную проблему. Он пишет о том, что термин «геноцид» стал столь популярным и влиятельным, но при этом и столь широкоупотребляемым, что его начали использовать в демагогических целях даже тираны, стремившиеся обосновать свои сомнительные деяния тем, что над их народами якобы нависла угроза геноцида. Признание реальности геноцида требует также и соответствующих действий, которые многие правительства отнюдь не спешат предпринять. Так, например, США не ставили подпись под осуждавшей геноцид конвенцией почти сорок лет, вплоть до 1986 г., когда это было сделано президентом Р. Рейганом, да и то в качестве меры, призванной подправить его личный имидж, пострадавший от неосмотрительного посещения в Германии кладбища Битбург, на котором были похоронены 49 офицеров СС. Это не единственный случай политики двойных стандартов администрации США. Д. Белл приводит целый ряд примеров того, как американские власти, вмешиваясь или, наоборот, не вмешиваясь в конфликтные ситуации, руководствовались не соображениями защиты прав человека и восстановления мира, а исключительно внутривнутриполитическими соображениями [14, с. 19–20].

При исследовании типов взаимодействия культур в контексте современных процессов глобализации часто все они обозначаются в терминах, связанных с теорией аккультурации. Обсуждая возможные результаты глобализации, пытаются выявить, какие аккультурационные процессы будут сопровождать тот или иной сценарий развития событий. Под аккультурационными процессами понимаются как раз явления взаимодействия культур.

Рассматривая ход глобализации и ее последствия, исследователи стремятся выявить, как отражается глобализация на культурном развитии человечества. Два наиболее широко распространенных прогноза в области взаимодействия культур вы-

глядят следующим образом. Первый предвидит гомогенизацию, или так называемый сплав, культур (Kulturschmelze). Ученые и общественные деятели, считающие мировую культурную гомогенизацию наиболее вероятным ходом развития событий, высказывают свои опасения по этому поводу, предполагая, что в процессе «сплава» культур люди непременно «пассивно воспринимают чужое влияние, безвольно подчиняются рекламе мультинациональных концернов, бездумно перенимают представления о морали у героев американских сериалов» [15, с. 41]. Суть гомогенизации заключается, по мнению многих, в том, что самостоятельные культуры постепенно будут терять своеобразие под натиском информации, идей и товаров, общих для всех, т. е. материальных и духовных благ, имеющих западное происхождение. Такой вариант нельзя исключать и недооценивать сильнейшее влияние западной, главным образом, американской массовой культуры. Сторонники гомогенизации единственный возможный вариант аккультурационного процесса видят в ассимиляции. (Можно отметить, что в конце XIX в., когда термин «ассимиляция» только вошел в научный обиход, он был синонимичен американизации, так как использовался в контексте изучения инкорпорации индейских племен США в доминировавшую культуру белого населения. В наши дни ассимиляция в процессе глобализации опять становится синонимична вестернизации, т. е. американизации.) Итак, если американскую культуру принять в качестве доминирующей, то весь оставшийся мир должен раствориться в ней, утратив свои изначальные культурные ценности. Но, как известно из теории ассимиляции, этот процесс не может проходить гладко и односторонне. Принимающая культура не может не оказывать обратное влияние на доминирующую культуру, изменяя ее. В процессе глобализации не только США воздействуют на весь мир, но и сами подвергаются масштабному обратному воздействию со стороны остального мира [16, с. 63–71]. Так что западная культура не сможет не измениться сама. Соответственно, вряд ли вообще следует говорить о возможности полной ассимиляции в мировом масштабе.

В современном мире мы сталкиваемся с множеством примеров того, как даже на бытовом уровне знаковые компоненты американизации трансформируются и приспосабливаются к национальным культурам, национальному менталитету. Так, в MacDonald в Египте вас угостят бутербродом Mac Arabic, а в Израиле кошерным гамбургером. Это лишь один из многих примеров. Кроме того, как отмечал С. Хантингтон, одновременно с тем, что американские обычаи, стиль жизни и культура приобретают

популярность среди широких слоев населения, во многих странах Азии, Африки идет интенсивный процесс девестернизации элит и их возврата к традиционным культурным корням [17].

Более того, усилия Запада, направленные на пропаганду западных ценностей, зачастую вызывают враждебную реакцию против «империализма прав человека» и способствуют укреплению исконных ценностей национальной культуры. Об этом, в частности, свидетельствует поддержка религиозного фундаментализма и алтерглобализма молодежью незападных стран. (Молодой араб может сидеть где-нибудь в укромном уголке Вашингтона в джинсах Levis, пить Pepsi и мастерить бомбу, чтобы взорвать американский небоскреб.)

Второй возможный вариант глобализации, который предсказывают исследователи, противостоит первому и выражается в полной фрагментации ранее целостных культур и в активизации межкультурных конфликтов. Если рассматривать фрагментацию как доминирующую тенденцию в развитии глобализации, то на первый план выдвигаются «негативные» варианты взаимодействия культур – сепарация и маргинализация. Естественно, что в таких условиях взаимная адаптация, интеграция пробивают себе дорогу с трудом.

Один из процессов, в результате которого усиливается взаимодействие между представителями различных культур в наше время, – это массовая миграция, перемещение из страны в страну, с одного континента на другой миллионов людей. В глобализирующемся мире миграция превращается во влиятельную силу, определяющую многие реалии XXI в. При этом миграция стала непрерывной, не всегда ясны ее глубинные причины, в ряде случаев она связана с простой охотой к перемене мест, с желанием молодежи посмотреть мир. С одной стороны, миграция способствует расширению культурного взаимодействия людей, а с другой – вызывает негативную реакцию части населения стран, в которые направляются основные потоки мигрантов. Возникают напряженные отношения между местным населением и мигрантами, многие из которых по этническим, расовым, конфессиональным, социальным и культурным параметрам существенно отличаются от первого. Отсюда происходит отмечающийся во всем мире рост ксенофобии, а в России это проявляется в мигрантофобии и этнофобии. Этнические мигранты в таких условиях часто создают особую среду, воспроизводящую социальные связи, традиционную культуру, наиболее характерные для этих этносов, замыкаются в своих этнических общинах, что приводит к локальной сепарации, некоторые ее называют *добровольной сегрега-*

цией [18], так как, с одной стороны, это осознанная стратегия общины, направленная против адаптации к принимающему обществу, а с другой – результат политики принимающего общества (негативного к ним отношения). В известной мере вынужденная сепарация тех или иных этнических общин в общественном мнении окружающих, например россиян, воспринимается с подозрительностью, вызывает обвинения в клановости, мафиозности, замкнутости. Доктор политических наук, профессор Кубанского государственного университета М. Савва предложил термин «капсулирование» для обозначения такого обособления этнических групп. Исторический опыт показывает, что в ряде случаев такое капсулирование связано не с враждебным отношением и непониманием со стороны местного населения, а с желанием сохранить в неприкосновенности свои традиции, свою культуру, свой образ жизни (например, общины «моравских братьев» в США, Никарагуа, Германии, России – до депортации немецкого населения из Поволжья).

Аналогичные процессы происходят и в странах Запада, что отмечал в своем недавнем интервью Ф. Фукуяма: мигранты-мусульмане стремятся обособиться, создать свою культурную автономность внутри западного общества, реагируя, в частности, таким образом на необдуманную и хаотичную политику США в Ираке, часто не учитывающую мусульманские традиции [19, с. 63–71].

Два рассмотренных нами пути культурного взаимодействия во многом взаимоисключающие, и оба довольно пессимистичные. Кроме того, они не отражают всего многообразия культурных процессов.

Есть и более оптимистичные прогнозы взаимодействия культур в условиях глобализации. Такой подход демонстрируют немецкие исследовательницы Джоана Брайденбах и Ина Цукригль [20]. Их основная идея заключается в том, что в процессе глобализации не только исчезают некоторые традиционные формы жизни и способы мышления, но и, что особенно важно, возникают новые формы культуры и образа жизни. Постоянно учащающиеся контакты повышают уровень знаний представителей конкретной культуры об альтернативных ценностях и картинах мира. Им предоставляются новые возможности для выражения своей культуры, т. е. некоторые культурные особенности приобретают более четкие очертания или вообще впервые осознаются как таковые при знакомстве с другими культурами. Локальные культуры изменяются и вступают между собой в необычные комбинации. Границы между своим и чужим стираются. Подоб-

ные процессы исследовательницы называют смешением культур (Kulturmelange). При таком варианте развития событий, в условиях смешения культур, лидирующая роль как типу взаимодействия культур достанется интеграции, так как именно интеграция предполагает мирное сосуществование и сближение культур. Таким образом, интеграция рассматривается как комплексный, наиболее безболезненный и результативный тип взаимодействия культур.

Если исходить из концепции немецких исследовательниц, то все хорошо, и человечеству вроде волноваться не о чем. Правда, настораживает утверждение, что некоторые культурные особенности приобретают более четкие очертания или вообще впервые осознаются как таковые. Это напоминает позицию Н.Я. Данилевского, о которой мы уже упоминали, утверждавшего, что отнюдь не все племена и народности живут исторической жизнью и имеют «народную самостоятельность». И только после завоевания их другой страной начинает пробуждаться их культурное самосознание. Так, например, он заявлял, что «только со времени присоединения Финляндии к России начала пробуждаться финская народность...» [21, с. 28]. То есть без контакта с другой, более развитой культурой вообще невозможно обретение некоторыми народами своей культурной идентичности (если использовать современные термины). Это утверждение, на наш взгляд, довольно спорно, и вряд ли возможно делить народы на способные на создание собственной культуры и просто «этнографический материал», по выражению Данилевского. Многотысячелетний опыт развития человеческого общества свидетельствует, что каждый народ вносит свой вклад в сокровищницу мировой культуры.

Немецкие исследователи далеко не единственные, кто с оптимизмом смотрит на будущее человечества. Так, Ф. Фукуяма по-прежнему уверен, что существует общечеловеческая тенденция развития общества в направлении демократической формы правления, но этот процесс нельзя ускорить, применяя военную силу или вмешиваясь во внутренние дела других государств. Экономический рост, развитие рыночных отношений, повышение уровня жизни основной массы населения – вот те рычаги, которые будут способствовать постепенной демократизации отдельных государств. Одновременно в мире действуют мощные силы, не признающие национальных границ и культурных различий, разными путями способствующие сближению стран и народов. Ценность демократии Ф. Фукуяма видит в ее функциональности, и поэтому она вполне способна в будущем укорениться в любых обществах, что доказывает, по его мнению, опыт

ряда стран Азии. Он считает, что экономический прогресс Китая приведет в конечном счете к демократизации этой страны. Возможно, Ф. Фукуяма по-прежнему недооценивает совокупность особенностей развития отдельных стран Азии, Африки, Латинской Америки, которые могут выбрать свой путь и свое понимание демократии, а не слепо следовать европейско-североамериканским образцам.

В этом Ф. Фукуяма расходится с С. Хантингтоном, так как последний полагает, что появление и развитие в различных регионах мира либеральной демократии и демократических институтов является следствием экспансии западной христианской цивилизации, и поэтому они вряд ли смогут адекватно действовать в условиях иных культурных традиций и систем.

Различия во взглядах на судьбы западной демократии сказались и на их понимании взаимодействия культур. Если Ф. Фукуяма признает возможность интеграции различных культур, правда, на европейско-христианской основе и необязательность их конфликта, то С. Хантингтон остается приверженцем точки зрения культурной несовместимости разных цивилизаций и неизбежности их столкновений.

Теперь обратимся к еще одной классификации типов взаимодействия культур, предложенной Я. Шемякиным, которая кажется нам очень интересной и заслуживающей права на существование. Он выдвинул ее в связи с исследованием так называемых пограничных культур, т. е. соединяющих в себе черты и Востока и Запада, к которым отнес и Россию. В соединении западных и восточных элементов множество исследователей, начиная с Бердяева, видели определяющую черту России, которая обуславливала уникальность ее социокультурного облика, хотя и оценивали это по-разному.

Россия – не единственный «Восток–Запад» на планете. К числу подобных цивилизационных образований, которые характеризуются неоднозначным, часто конфликтным переплетением характеристик двух разных типов цивилизационного развития человечества, относят, помимо России, как минимум, еще два крупных субъекта мировой истории – Латинскую Америку, а также Испанию и Португалию, так называемые иберийские страны. Некоторые исследователи добавляют сюда страны Балкано-Дунайского культурного круга.

Далее Я. Шемякин обращается к анализу типов, или форм, взаимодействия разных культурных традиций, которые особенно характерны для пограничных культур, и считает, что можно выделить три основных типа межкультурных контактов. Первый

тип – *противостояние*, носящее часто открыто враждебный характер. Это самый примитивный тип взаимодействия культур, который отличается полным отторжением чужеродной реальности, с которой тем не менее постоянно вынуждены соприкасаться. Чужак не допускается во внутренний мир, но с ним приходится вступать в контакт. Данный тип взаимодействия чреват разрушительными последствиями для общества и культуры. Это видно на примерах и латиноамериканской, и российской истории. Цивилизации Латинской Америки и России–Евразии как особые культурные миры родились в ходе преодоления тенденции к прямому враждебному противостоянию, тотальному отрицанию иного, первоначально чуждого духовного опыта. Наиболее драматический пример – история конкисты в Латинской Америке: стремление стереть автохтонные культуры (иберийская колонизация), уничтожить всякую память о существовавших там тысячелетних цивилизациях.

В ходе противостояния приходит понимание со стороны обоих, как правило, участников контакта, что полное уничтожение невозможно, что нужно сожительствовать. Это порождает новый тип взаимосвязи, более сложный, который возникает из попытки преодоления противостояния, – *симбиоз*. Это разновидность взаимодействия, взаимосвязи культур, при которой вошедшие в соприкосновение элементы этих культур уже соединены неразрывной внутренней духовной связью. Однако каждый из участников контакта остается самим собой, и нового культурного качества не возникает. Тем не менее связь уже носит внутренний характер, она интериоризируется в душах участников контакта, в душах людей. Этот тип взаимосвязи, или взаимодействия, носит промежуточный характер, но в то же время он обнаруживает устойчивость, может длиться веками и стать или не стать исходным пунктом движения к третьему типу взаимодействия – *синтезу*.

При синтезе в ходе взаимодействия уже рождается нечто качественно новое, принципиально отличное от первоначальных составляющих культурного контакта.

Автор этой классификации полагает, что если мы углубимся в историю человечества, то увидим, что любая классическая цивилизация может быть рассмотрена как результат относительно завершившегося процесса культурного синтеза. Пограничные цивилизации – сложнейшие узлы всех трех типов взаимодействий.

На первый взгляд, эта классификация представляется более простой, чем рассмотренная ранее. Она в чем-то перекликается, хотя и не полностью, с классификацией американских

исследователей Редфилда, Линтона и Херсковица [22], которые выделили три основных типа реакции культуры-реципиента на ситуацию культурного контакта. Первый тип реакции, *принятие*, означает полное замещение старого культурного паттерна новым, почерпнутым у донорской группы. Он перекликается с синтезом. Второй – *адаптация*, т. е. частичное изменение традиционного паттерна под влиянием культуры донорской группы, перекликается с симбиозом. Последний – *реакция*, т. е. полное отторжение культурных паттернов «донорской группы» при усиленных попытках сохранить традиционные паттерны в неизменном состоянии. Реакция перекликается с враждебным противостоянием.

На наш взгляд, классификация типов взаимодействия цивилизаций, предложенная Я. Шемякиным, более приемлема, чем традиционная. Мы уже видели, что в традиционной нет четкого разделения типов взаимодействия, они часто подменяются друг другом. У Я. Шемякина каждый тип взаимодействия точно обозначен, они могут переходить друг в друга, но их невозможно смешать. По моему мнению, классификация, предложенная Я. Шемякиным, позволяет более адекватно оценить процесс взаимодействия культур как в прошлом, так и в настоящем и будущем.

Я. Шемякин не затрагивает вопросов глобального мира и вообще, казалось бы, ведет речь лишь об узкой области пограничных культур, само определение которых многим кажется спорным. Однако если попытаться применить выделенные им типы в связи с проблемой глобализации, то придем к следующим выводам. Как мы уже говорили, любая классическая цивилизация проходит через все три типа взаимодействия культур внутри нее и представляет собой более или менее завершённый процесс синтеза. Предположим, что глобальный мир мы условно примем за пограничную цивилизацию, так как именно в глобальном мире как нигде более могут сочетаться черты Востока, и Запада. В таком случае в глобальном мире всегда будут присутствовать одновременно все три типа взаимодействий – и противостояние, и симбиоз, и синтез, но доминировать будет симбиоз, тот тип взаимодействий, при котором участники контактируют, но в основном остаются собой. По словам Я. Шемякина, именно симбиоз обеспечивает неустойчивую целостность всей конструкции. То есть совсем необязательно, чтобы глобальный мир пришел к какому-то завершённому и стройному типу взаимодействия культур – полной интеграции или полному противостоянию. В состоянии симбиоза он может находиться длительное время при наличии одновременно и других типов культурного взаимодей-

А.А. Голосеева

ствия. Возможно, постоянное многообразие типов взаимодействия будет отличительным признаком всей глобальной системы.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что проблема взаимодействия культур настолько сложна, разнопланова и актуальна, что требует постоянных усилий специалистов различных гуманитарных наук, проведения широких дискуссий и обсуждений частных вопросов, в том числе и проблемы типов культурных взаимодействий.

Литература

1. Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб., 1998; *Кравченко А.И.* Культурология: Учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М.: Академический проект, 2001.
2. Социокультурная методология анализа российского общества. Независимый теоретический семинар № 9. Москва, 14 февраля 1997 г. // www.scd.centro.ru/9.htm.
3. *Бахта В.М.* Проблема аккультурации в современной этнографической литературе США // Современная американская этнография. М., 1963.
4. *Park R., Burgess E.* Introduction to the Science of Sociology. Chi., 1929.
5. *Berry B.* Race Relations; the Interaction of Ethnic and Racial Groups. Boston, 1951; *Bierstedt R.* The Social Order. N.Y., 1957; *Eisenstadt S.N.* The Absorption of Immigrants. Glencoe (Ill.), 1955; *Herskovits M.* The Human Factor in Changing Africa. N.Y., 1962.
6. *Van der Zanden J.* American Minority Relations: The Sociology of Race and Ethnic Groups. N.Y., 1963.
7. *Gordon M.* Assimilation in American Life. N.Y., 1964.
8. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 252.
9. Там же.
10. «Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказаний за него» от 9 декабря 1948 года.
11. См.: *Powers S.* A Problem from Hell: America and the Age of Genocide. N.Y., 2002.
12. *Белл Д.* Нравственность и злодейство // Свободная мысль—XXI. 2005. № 3. С. 19.
13. Там же. С. 17.
14. См.: Там же. С. 19–20.
15. *Breidenbach J., Zukrigl I.* Parallele Modernen. Kampf der Kulturen oder McWorld? // Deutschland. 2000. № 3. S. 41.
16. *Фукуяма Ф.* Непростые вызовы нового столетия // Свободная мысль—XXI. 2004. № 11. С. 63–71.
17. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // <http://luxaur.narod.ru/biblio/2/tr/hantington01.htm>.

К вопросу о типах взаимодействия культур в эпоху глобализации

18. *Мукомель В.И.* Мигрантофобии и этнофобии в современной России. <http://www.unesco.ru/files/docs/shs/mukomel.pdf>.
19. *Фукуяма Ф.* Указ. соч.
20. *Breidenbach J., Zukrigl I.* Tanz der Kulturen. Kulturelle Identität in einen globalisierten Welt. München, 1998.
21. *Данилевский Н.Я.* Указ. соч. С. 28.
22. *Redfield R., Linton R., Herskovits M.J.* Memorandum for the Study of Acculturation // *American Anthropologist*. 1936. Vol. 38. № 1.

А.В. Круковская

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЛА В МОСКВЕ
в начале XXI века

Темп жизни в последние время становится все стремительнее, что в свою очередь приводит к повышению как интеллектуальной, так и эмоциональной нагрузки на человека. Следствием этого является повышенная потребность в отдыхе и развлечении, и, соответственно, происходит постепенное пере рождение основных функций театра, в частности как проводника идейно-нравственных ценностей; театр приобретает в первую очередь именно развлекательные функции.

Театр соединяет в себе целый ряд функций, как эстетических, так и внеэстетических, это специфический способ познания действительности, он служит средством отдыха и развлечения, может рассматриваться и как средство пропаганды, воспитания и внушения. Одной из важнейших функций театра является художественная, эстетическая функция, которая подразумевает способность театра конкретно-чувственно отражать жизнь и влиять на духовный мир человека. Однако, по мнению многих ученых, работающих в области социологии искусства, сейчас происходит выдвижение на основные позиции развлекательной функции, хотя, конечно, она всегда считалась крайне важной. К.С. Станиславский писал: «Не будем говорить, что театр – школа. Нет, театр – развлечение. Нам не выгодно выпускать из наших рук этого важного для нас элемента. Пусть люди всегда ходят в театр, чтобы развлекаться. Но вот они пришли, мы закрыли за ними двери, напустили темноту и можем вливать им в души все, что захотим»[4, с. 466].

Театр играет очень важную роль в общественной жизни. Любой спектакль является отражением картины мира автора пьесы, режиссера, сценографа и др., которые в свою очередь есть представители своего времени. В результате театральное искусство любой исторической эпохи более или менее полно воспроизводит доминирующую картину мира, «эпоха смотрится в свое

искусство как в зеркало» [3, с. 152]. И художник, и аудитория театра – часть общества, и никогда они не могут быть свободны от его формирующего воздействия, изменяющееся общество отражается как на творческих установках художников, так и на восприятии их творений публикой. Таким образом, господствующее миропонимание одновременно и активно формируется художественной культурой общества, и формирует ее.

Основным содержанием театральной жизни считают взаимодействие театра и публики, которое разворачивается в рамках театрального действия. В репертуаре в наибольшей степени проявляется представление руководства театра о потребностях публики, о социальной злободневности тех или иных произведений, а также культурная политика самого театра. Выбор публикой той или иной постановки является отражением духовных предпочтений посетителей, а спонтанный спрос на авторов, жанры, стили и т. д. отражает социокультурные потребности общества, востребованность идей, ценностей, норм, установок, репрезентированных в театральных постановках. Несомненно, этот спрос в какой-то степени может быть смоделированным, навязанным, но он также работает на тиражирование ценностных образцов. Театральные постановки, несомненно, как уже было сказано выше, являются трансляторами определенного рода ценностей, образов поведения, норм, идеологических и мировоззренческих установок, формируют определенное мировоззрение зрителей, выстраивают определенные системы ценностей и являются индикаторами художественного вкуса населения.

Театр играет очень важную роль в общественной жизни и отражает различные социальные изменения, происходящие в обществе. Однако театр не только отражает эти изменения, но и испытывает их на себе. Основным способом проявления этих изменений является постановка спектакля того или иного идейно-нравственного содержания, жанровой направленности, стилевых особенностей, художественных достоинств.

В условиях современного общества изменился не только театр, но и зритель. Проведенные исследования показывают, что среди населения достаточно много людей отвергают серьезные духовные ценности, для них характерна общественная пассивность. Экономические, политические, социальные проблемы ставят потребности в культурном просвещении на второй план.

Публика современных московских театров состоит преимущественно из людей со средним достатком (поскольку несомненным «фильтром» в данном случае выступают цены на билеты) и интеллигенции (в данном случае «фильтр» – культур-

А.В. Круковская

ные запросы, уровень образования) [2]. Реакция зрителей на некоторые тенденции развития театрального дела проявляется в посещении или непосещении того или иного спектакля, а также во мнениях, суждениях, оценках конкретных просмотренных спектаклей.

В данной статье предпринята попытка косвенно зафиксировать потребности зрительской аудитории, в том числе и посредством результатов проведенного в 2006 г. авторского исследования «Репертуарная политика современных московских театров (социологический анализ)». Оно построено на контент-анализе 995 спектаклей из 375 афиш 75 московских театров за сезон 2004–2005 гг., представленных в ежемесячном театральном журнале «Театральная афиша».

Основное внимание в данной работе сосредоточено на социологическом анализе развития театрального дела в Москве в начале XXI в. Это подразумевает помимо анализа репертуара московских театров и анализ мнения непосредственных субъектов театрального производства, являющихся также и экспертами в данной области, относительно состояния современного театра и возможных вариантов его развития. С этой целью в 2007 г. было проведено еще одно авторское исследование «Развитие театрального дела в Москве в начале XXI века». Исследование основывалось на анализе 15 глубинных интервью с экспертами в области театральной деятельности (ведущие режиссеры московских театров, художественные руководители, театральные продюсеры, театроведы).

Театры возглавляют люди разных художественных вкусов, поэтому позиции театров, их представления о публике, их творческие и технические возможности неодинаковы. А создают спектакли коллективы, в которых интересы искусства тесно переплетены с законами экономики и производства, и в разрыве этого единства ни один театр существовать не может. Но все эти люди являются представителями сегодняшнего общества, и именно они формируют его художественные функции, поэтому изучение основных тенденций развития театрального дела является крайне актуальной темой в рамках социологии искусства.

Проведенные исследования позволяют сделать ряд выводов. Что касается социокультурных функций театральной деятельности, мы в первую очередь должны сказать, что театр это социокультурный институт, деятельность которого разворачивается в рамках производства и трансляции художественных и духовных ценностей. Исходя из этого театр выполняет целый ряд социально значимых функций, среди которых просветительская, познава-

тельная, созидательная, ценностно-ориентационная, социализирующая, рекреационная, коммуникативная и развлекательная. Театр является неким социальным инструментом передачи знания от поколения к поколению посредством спектаклей как особых процедур трансляции накопленного опыта. При этом надо заметить, что в ходе исследования было получено эмпирическое подтверждение бытующего среди многих исследователей мнения о том, что если раньше театр был в первую очередь институтом воспитания и просвещения, то сегодня тенденция такова, что для большинства представителей театральной аудитории первостепенное значение театр имеет как место отдыха.

Театр является одним из звеньев цепочки социальных институтов (политических, экономических и др.) и, соответственно, испытывает непосредственно на себе их влияние, но они также влияют и на театральную аудиторию, определяют ее социальное самочувствие, влияют на потребности в искусстве. Так, с одной стороны, посещение театра может быть способом ухода от проблем повседневной жизни, средством отдыха и получения удовольствия, но в то же время проблемы экономического или социально-политического характера отодвигают потребность получения эстетического удовольствия на второй план. Все это влияет на состав театральной аудитории. При этом важно обратить внимание на социально-демографические характеристики современной театральной аудитории. Для этого мы воспользовались исследованием театральной аудитории, проведенным в 2005 г. Международным агентством социальных и маркетинговых исследований (МАСМИ) по заказу и при поддержке компании Nestle (TM NESCAFE Gold®).

Данное исследование было проведено на основе репрезентативной выборки. Методом интервьюирования было опрошено 500 представителей театральной аудитории в 10 московских театрах – Театр им. Пушкина (филиал), МХАТ им. Чехова, Театр Луны, Большой театр, Сатирикон, Школа современной пьесы, Театр на Таганке, Ленком, Театр Советской армии, Сфера. Половина интервью была взята в будние дни, а половина – в выходные. По данным этого исследования $\frac{2}{3}$ (71%) театральной аудитории – женщины, довольно весомую часть аудитории составляет молодежь в возрасте до 25 лет (27%), остальные возраста представлены практически в равных долях (26–35 лет – 20%; 36–45 лет – 22%; старше 46 лет – 28%). Публика в театр ходит преимущественно образованная, так, обладателей высшего (или нескольких высших) образования – 58%, при этом 11% – с незаконченным высшим, основную часть которых составляют сту-

А.В. Круковская

денты, еще не окончившие вуз, а 20% аудитории имеют среднее специальное образование. Что же касается финансового аспекта, то 61% имеют ежемесячный доход на одного члена семьи 300 USD и менее.

Очень важно отметить, что в ходе данного исследования выявлялись также факторы, определяющие выбор театра и спектакля. Так, актерский состав является решающим для 54% аудитории, а режиссер-постановщик – для 30%, также пользуются популярностью хорошо известные, «раскрученные» театры-бренды, «имя» театра имеет значение для 28% опрошенных. При этом сегодняшние театралы предпочитают ходить на классику (62%), тогда как на современные произведения предпочитают ходить 33%, а на антрепризы – 5% опрошенных. Что же касается типа спектакля, то наибольшей популярностью пользуются комедии (50%) и драмы (48%).

Все вышеперечисленное в той или иной степени оказывает влияние на репертуарную политику московских театров. Анализ структуры, величины и способов формирования репертуара профессиональных театров Москвы с 1960 по 2005 г. выявил следующие тенденции: во-первых, если в 1960-е годы 80–90% всех постановок приходилось на произведения послевоенных авторов, то позднее этот показатель начал снижаться и уже к 1995 г. составил порядка 65% от общего числа постановок. А в сезоне 2004–2005 гг. этот показатель снизился до 43%. Например, очень популярный в свое время драматург, чья основная творческая деятельность приходится на вторую половину XX века, Г. Горин, сейчас стоит лишь на восьмом месте по популярности, по его произведениям было поставлено всего 8 спектаклей. Во-вторых, для современного периода театральной деятельности характерно повышение интереса к классическим произведениям: семь первых позиций по количеству спектаклей занимают классики, причем в основном именно отечественные, такие как А.Н. Островский, А.П. Чехов, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, М.А. Булгаков, А.С. Пушкин, М. Горький; западных представителей всего двое – У. Шекспир и Ж.-Б. Мольер.

Следующей немаловажной тенденцией трансформации репертуара является его жанровая направленность. Здесь прослеживаются следующие тенденции: начиная с 1960-х годов происходит постепенная смена основных функций театра: от просветительской, социализирующей к развлекательной функции. Подтверждением этого служат следующие цифры: в 1960–1970 гг. 50% спектаклей приходилось на комедии и тяготеющие к этому жанру спектакли, т. е. произведения развлекатель-

ного плана, а 2004–2005 гг. только на комедию приходится более 59% всех постановок, а если рассчитать этот показатель по всем тяготеющим к комедии жанрам, то мы получим более 71% от общего числа постановок.

Многие научные прогнозы предвещали театру угасание, снижение его популярности как института культуры, однако полученные в ходе исследования данные свидетельствуют об обратном – доля театральных учреждений не только не уменьшается, а, наоборот, становится все больше. Так, за последние 15 лет число только государственных театров по всей стране увеличилось с 402 до 547, помимо этого только в Москве появилось более 50 антрепризных, независимых, авторских театров; у многих театров столицы есть «малые сцены», филиалы и т. д. Благодаря такому развитию театральной инфраструктуры Москвы в сезоне 2004–2005 гг. было дано 277 премьер. Сейчас в Москве работают 343 режиссера, которые за исследуемый сезон поставили 995 спектаклей для взрослых. Учитывая, что на 75 драматических театров приходится 343 режиссера, каждый театр должен оплачивать труд как минимум 4–5 режиссеров, что позволяет нам сделать вывод о вполне сносном финансовом положении театров столицы.

Полученные результаты анализа репертуарной политики говорят о том, что существует неравномерность эксплуатации спектаклей в деятельности многих театров, лишь немногие театры озабочены художественным уровнем своего репертуара в целом и создают необходимые условия для его сохранности. Очень часто мы сталкиваемся с тем, что спектакли-лидеры одновременно могут приносить театру экономические выгоды, но заметно снижать художественный уровень. Несомненно, театр не может существовать без материально-технической базы, но она лишь призвана помогать организации творческого процесса, она вторична в производстве духовных ценностей.

Также надо заметить, что есть спектакли, которые на протяжении нескольких лет постоянно идут в театре и определяют его лицо, его позицию, его экономическую платформу. Этим спектаклям театр и уделяет особое внимание: в них, как правило, заняты ведущие мастера, спектакли содержатся в хорошем техническом состоянии, и несмотря на то что число представлений в течение года может превышать разумные пределы, они остаются популярными.

Подводя итоги, необходимо отметить, что как в рамках деятельности одного театра, так и в масштабах государственной культурно-воспитательной политики в целом возможно более четкое

понимание соотношений массивов искусства разной содержательной и жанровой направленности, а отсюда – разработка гибкой политики дотаций, экономического стимулирования, финансирования, ценообразования, обеспечивающей приоритет социально-целесообразных художественных ценностей в «афише».

Несомненно, одной из наиболее значительных тенденций в развитии театрального дела является появление и широкое распространение такого типа театральных постановок, как антреприза. С одной стороны, это возможность самовыражения и творческой свободы для драматурга или режиссера при условии наличия денег. Это способ заработать несоизмеримо большие деньги относительно заработной платы в стационарных репертуарных театрах. Но с другой стороны, антреприза – это коммерческий проект, задача которого, прежде всего, заработать на прокате или, по крайней мере, окупить себя. Многие эксперты сошлись во мнении, что сегодняшняя антреприза – пока еще продукт сомнительного качества, с низкой художественной ценностью, сделанный на потребу публике. Но в то же время многие считают, что антреприза будет расти в художественном отношении, поскольку уже сейчас публика хочет видеть достойный качественный спектакль за свои деньги. Они придают большое значение такой форме существования творческого коллектива и пророчат ему хорошее будущее.

Эксперты отметили, что восприятие театра как места отдыха и развлечения будет углубляться, будет увеличиваться пропасть между театром для широкой аудитории и театром для специалистов и интеллектуалов. У К.С. Станиславского есть замечательная фраза, которая как нельзя лучше может охарактеризовать данную ситуацию. Он говорит о том, что само слово «театр» перестало напоминать о храме и смешалось с «обыденщиной», такой театр, варварски низведенный до утилитарных целей, можно уподобить дорогому роялю, употребляемому для ссыпки овса.

В рамках проведенных исследований был составлен социальный портрет субъектов театральной деятельности, а именно актера и режиссера. Так, актеры – это самобытная, крайне своеобразная профессиональная группа. Во-первых, его самобытность связана с особенностями трудовой деятельности: как правило, это не индивидуальное, а коллективное творчество; являясь творцом, актер одновременно должен зависеть еще и от драматурга и режиссера; особенность данной профессии заключается также и в том, что актер должен не просто отыграть свою роль, но и быть способным к ее неоднократному повторению.

Необходимо обратить внимание на ненормированность рабочего графика актеров (в период подготовки спектакля они могут быть сильно перегружены репетициями и идущими параллельно спектаклями) или несовершенство гастрольного графика и т. д. Во-вторых, профессия актера, впрочем, так же как и режиссеров, – это публичная профессия, к их творчеству, а главное к ним самим, приковано пристальное внимание миллионов людей, особенно если это «звезды» мирового уровня. В то же время данная группа является очень замкнутой, с четкой иерархической структурой, опирающейся на авторитет, на его заслуженность. В-третьих, особенность данной профессиональной группы связана с определенными возрастными ограничениями (в театральные вузы не берут людей старше 26 лет, да и век актера, как правило, не слишком долгод). Необходимо отметить также, что на протяжении последних 70 лет данная группа является одной из самых малочисленных, она составляет примерно 0,4–0,5% от общего числа трудоспособного населения. И это несмотря на то, что конкурсы в творческие вузы на протяжении всего этого времени были и остаются одними из самых высоких.

Что же касается режиссеров, то важнейшим онтологическим моментом их профессии является особый способ видения (чувствования, понимания) и объяснения мира (тогда как актеры призваны подражать). А научить видеть и понимать мир по-другому трудно и часто невозможно. К.С. Станиславский говорил, что режиссера нельзя воспитать, им можно только родиться. Поэтому предпочтение при поступлении в вуз отдается абитуриентам, у которых есть определенный жизненный опыт. Надо заметить, что большинство пришедших в эту профессию выросло в семьях, которые были профессионально связаны с искусством: 43% – с театром, 16% – с другими видами искусства. 71% участвовали ранее в художественной самодеятельности, 46% работали в профессиональном театре актерами [1].

Сами режиссеры одной из наиболее важных составляющих своей профессии считают волевые качества, т. е. обладание организаторскими способностями (он должен быть творческим лидером, должен уметь увлечь коллектив художественной идеей и т. д.).

Профессиональная деятельность режиссера заключается прежде всего в воплощении своей художественно-индивидуальной «картины мира» средствами сценического искусства. Он должен не только сформировать эту картину мира, но и быть способным к ее претворению в рамках сценического пространства. При этом важно понимать, что в картине мира режиссера

А.В. Круковская

отражается его индивидуальный духовный и практический опыт, его представления о жизни, о взаимоотношениях между людьми, его отношение к изменяющимся социальным ценностям, нормам и идеалам. Являясь частью общества, режиссер испытывает на себе влияние социального времени, соответственно, все это находит отражение в его творчестве.

Хотелось бы также отметить, что, по мнению экспертов, за последнее время существенно изменились ценностные ориентации как актеров, так и режиссеров. Изменилось их отношение к учебе, к профессии в целом – оно стало более поверхностным. Материальное благополучие вырвалось на первые позиции в системе ценностных ориентаций, так же как и быстрая и легкая слава.

Специфика трудовой деятельности актеров и режиссеров (распределение ролей, занятость в репертуаре и пр.) приводит к тому, что в современном театральном процессе режиссеры и актеры чаще всего разобщены, находятся в ситуации взаимного непонимания и постоянного напряжения. Помимо этого был выявлен низкий темп сменяемости репертуара столичных театров, что существенно отражается на возможности самореализации как актеров, так и режиссеров.

Одной из тенденций в развитии современного театрального дела является широкое распространение синтетического театра, который объединяет в себе и драматическую составляющую, и музыкальную, когда классический или современный драматический спектакль дополняется музыкой, вокалом, хореографией. Соответственно изменяются требования к актерам, поступающим на службу в театр, нельзя исключать, что определенный профессиональный уровень выпускников театральных вузов влияет на экономический и художественный успех спектакля и театра.

После принятия закона об автономных некоммерческих учреждениях театры вынуждены во многом пересмотреть основные направления своей деятельности, поскольку теперь дотация от государства будет даваться только некоторым театрам, которые оправдывают возложенные на них надежды и выполняют все основные функции, имеют высокий художественный уровень и востребованы среди театралов [5].

Таким образом, в заключение следует сказать, что в развитии театрального дела есть ряд новых тенденций, а именно: появление и развитие антрепризного театра; развитие синтетического театра; в результате принятия нового федерального закона об автономных учреждениях изменились социально-экономичес-

Тенденции развития театрального дела в Москве в начале XXI века

кие аспекты деятельности театра (театр получил возможность самостоятельно распоряжаться своей собственностью и финансами); и, наконец, – усиление развлекательной функции театра в противовес всем остальным.

Литература

1. Актер и режиссер: жизнь в театре. Социальные проблемы творческой деятельности / Отв. ред. Г.Г. Дадамян, Н.М. Зоркая. М., 1991.
2. *Дмитриевский В.Н.* Зритель в таблицах. Некоторые размышления по поводу 516 анкет // Театр. 1968. № 10.
3. *Жидков В.С., Соколов К.Б.* Искусство и общество. СПб.: Алетейя, 2005.
4. *Станиславский К.С.* Соч.: В 8 т. Т. 3. 1958.
5. Федеральный закон от 03.11.2006. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» // Рос. газета. 2006. 05.11.

Социология семьи, молодежи и детства

С.Н. Майорова-Щеглова

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПОИСК УНИВЕРСАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ДЕТСТВУ

В статье рассмотрены основные понятия культуры детства и его отличия от культурных универсалий. Введена авторская характеристика квазикультуры детства. На примере развития современного российского общества описаны основные противоречия функционирования различных культур и возможные основания для создания универсальных подходов к детству в рамках человечества.

Детство как социальное образование локализовано во времени и пространстве. Оно обладает специфическими характеристиками, есть основания говорить о социально-историческом типе детства, например о российском детстве начала XXI в. Кроме понятия «тип детства» мы выделяем категорию «культура детства». Мы понимаем культуру детства как совокупность устоявшихся, оформленных в традиции религиозно-этических, правовых, художественно-эстетических норм, образцов и реальных практик поведения взрослого сообщества по отношению к детству, настаиваем на наличии множества таких культур и их отличии от субкультуры детства – поля социальных взаимодействий самих детей.

Известно определение культурных универсалий общества, под которыми понимаются такие нормы, ценности, правила, традиции и свойства, которые присущи всем культурам независимо от географического места, исторического времени и социального устройства общества [1, с. 57]. Дж. Мердок выделил более 70 универсальных элементов всех изученных им культур. Часть из называемых этим ученым элементов касаются проблем ухода за младенцами и воспитания детей, а именно: отучение ребенка от груди, послеродовой уход, обычаи, связанные с наступлением половой зрелости [2, с. 45–46]. Антропологи (в частности, Клакхон) объясняют наличие таких универсалий беспомощностью младенцев, особенностями их питания и др., т. е. биологическими факторами.

Но содержание культурных образцов поведения взрослых становится ясным только при раскрытии сочетания традиций и социальных условий и факторов в конкретно-исторический период. Когда советскому обществу требовались молодые работницы, в культуре детства того периода пропагандировались и распространялись практики раннего отлучения грудных детей от материнского молока. В период массовой безработицы, когда женщины «не нужны» на рынке труда, во многих странах отмечалось распространение идеологии грудного вскармливания как можно дольше по времени: это фиксируют феминистские исследования и в современном российском обществе. На этом примере видно соотнесение понятий универсалий (обусловленных биологией) и культуры детства (определенных актуальными установками).

Культура детства закрытого типа общества не продуцировала основания для противоречий. Одновременное функционирование в информационном, открытом социуме множества культур привело к распространению противоречий между ними и чуть позже, в последней четверти XX в., к возникновению диалоговых форм между культурами детства.

Среди противоречий выделим две основные формы. Первая возникает из сравнения культур детства в разных социумах в одном временном континууме. Фиксации перехода от детства к взрослому обществу сегодня серьезно разнятся: от обрядовых инициаций до стандартизированного получения официального удостоверения взрослого гражданина. В настоящий момент в России отсутствуют подготовленные культурной традицией пути, например обряды инициации для детей, которые когда-то облегчали и ускоряли вхождение в мир молодых взрослых. Если для молодых и взрослых еще остались какие-то ритуалы (свадьба, защита диплома и др.), то для детей подобных торжеств и действий практически нет. Ритуалы приема в октябрята, пионеры, в комсомол при всей их идеологизированной направленности были для детей символическими указателями их взросления, а последний – вступление в комсомол – во многих случаях прямо констатировал переход ребенка в новую социальную группу. В этой ситуации первая рюмка, сигарета, сексуальный дебют замещают институционализированные обряды инициации.

Еще один пример противоречия культур. До сих пор удивляет отсутствие наказаний детей в одних культурах и, наоборот, существование наказаний вплоть до 20 лет – в других. Причем эти различия существуют в религиозно и исторически близких культурах – вспомним физические наказания в школах Велико-

британии при распространении идей защиты детей от любых видов насилия в Европе сегодня.

Детство является динамично изменяющимся элементом общества. Вторая форма противоречий может присутствовать в одном обществе и чаще всего основана на столкновении традиционной культуры и инноваций.

Социализационные семейные технологии в изменяющейся России содержат в себе парадоксальный комплекс архетипов и нововведений. Здесь происходит попытка соединения противоположного, которая зачастую приводит к возникновению культурных конфликтов. По нашим данным, сегодня неизменны функционирующие в обществе приметы, связанные с полом и развитием новорожденного ребенка, организация повседневной жизни младенцев и грудных детей, игры и игрушки в раннем детстве. Никакая модернизация не меняет приемы формирования гендерного поведения, организации учебного процесса в доме. Остаются традиционными роли взрослых членов семьи. В большей части российских семей воспитанием детей занимается главным образом персонально мать (в полных – 53%, в неполных – 69%).

При этом инновации охватывают бюджет времени ребенка-дошкольника за счет сужения игрового пространства и заполнения этой ниши средствами массовой коммуникации (СМК) и дошкольным образованием, меняется организация учебного пространства вне дома. Традиция провозглашает принципы гуманизации в отношении к детству как социальному феномену, а инновации ведут к распространению все более раннего педагогического насилия. Родители из-за страха перед будущим материальным благополучием заставляют ребёнка осуществлять свои идеальные планы, которые соответствуют представлениям сегодняшнего взрослого мира.

Культуры «сталкиваются» и на поле использования бабушек и наемных воспитателей, причудливо переплетаются воспитательные консервативные методы «кнута и пряника» и модернистские идеи равноправия всех поколений в семье.

Более половины россиян (57%) полагают, что родителям следует вести себя с детьми как с равными; почти две трети (60%) считают, что детям можно позволять спорить с родителями, возражать им. При этом активно происходит воспроизводство практик физического наказания (49%), чуть более половины россиян (54%) поддерживают идею телесных наказаний детей [5].

Противоречия нарастают и в связи с еще одним социальным фактом. В современном обществе развитых стран возникает

еще одна квазикультура детства, а точнее культура бездетного общества.

Появляются инфантильные зрелые люди, которые в поведении, в моде, досуге все в большей мере предпочитают подростковый стиль. В качестве фактора инфантилизации взрослых ученые склонны считать рекламу, представляющую обществу образ взрослого потребителя как платежеспособного, избалованного, капризного ребенка. Распространение сознательного отказа от родительства, мотивированное амбициями в профессиональной сфере или материальном благополучии («дети – слишком дорогое удовольствие, обуза, ухудшающая качество жизни») все больше наблюдается среди молодежной группы и жителей мегаполисов и России. По данным Левада-Центра, абсолютное большинство респондентов в возрасте 18–24 лет считает самым важным в молодости карьеру и работу (56%) и только четвертая часть – семью и детей (24%). Москвичи жизнь в свое удовольствие ставят выше, чем создание семьи и рождение детей [4].

Как справедливо полагал П. Сорокин, невозможно привести к единству все нормы и ценности народов разных культур [3, с. 214–236]. Однако возможно с помощью процесса обобщения основных норм поведения в отношении детства сделать нормативно-ценностные структуры различных стран и народов совместимыми. По нашему мнению, этот процесс сегодня активизировался. Диалог культур детства начался относительно недавно и напрямую связан с распространением идей прав ребенка.

Диалог культур в масштабах человеческого сообщества идет в согласовании следующих позиций:

- границы детства;
- периодизация детства;
- социальный статус детей на макроуровне;
- регламентация форм и характера взаимодействия взрослых и детей на микроуровне.

На основе проведенного историко-социологического анализа нами в наших ранних работах зафиксированы пять типов трансформаций в зависимости от верхних границ детства, прослежены процессы расширения верхних границ детства от 5 до 18 лет. Нижние границы детства определялись в пределах от 2-летнего возраста к моменту рождения. Простейшая двухступенчатая периодизация внутри детского возраста постепенно трансформировалась в современную шестиступенчатую, признанную в развитых странах.

Детство начала XXI в. институционализировано в возрастных рамках от 0 до 18 лет, эти границы прошли свою легитима-

цию в Конвенции ООН о правах ребенка и документах на уровне государств (например, в России в Федеральном законе «Об основных гарантиях по защите прав ребенка»).

Государство в лице своих учреждений предпринимает акт кодификации, подтверждает в форме регистрации рождения (справки из роддома, свидетельства о рождении, других актов, например, прописки) факт появления ребенка. Это первое для ребенка легитимирующее действие имеет значение и для его социального, и для его организмического развития: он признается субъектом и одновременно приобретает право на медицинскую помощь, услуги и т. п.

Социальный статус детей в различные исторические эпохи обуславливается этапом общественного развития, социально-классовой структурой общества, религиозными, культурными, этническими и другими традициями. В процессе историко-социологического анализа нами выделены шесть модификаций социального статуса детей: дети не признаются членами общества; дети признаются зависимыми, подчиненными членами общества; дети обладают отсроченным статусом, они лишь будущие члены общества; дети – ученики, воспитанники; дети – развивающиеся личности; и последняя модификация выработана в ходе диалога современных культур: дети – равноправные члены общества.

Межпоколенческие отношения на микроуровне подвергались регламентации первоначально в древних заповедях, мифах, религиозных постулатах, а позднее в форме законов. Основные нормативы отношения взрослых к детям сегодня фиксируются в семейном, трудовом, жилищном, гражданском законодательстве. Общемировая тенденция – в более строгом наказании взрослых людей за нарушение прав несовершеннолетних, чем за аналогичные в отношении взрослых.

Значение этих единых элементов культуры детства велико как связующих коллективной истории общества. По отношению к прошлому создается память, объединяющая всех тех, кто социализирован в данной общности. По отношению к будущему создается общая система отсчета, для того чтобы индивид мог планировать свои действия. Рассмотрение ряда прогностических концепций развития общества позволяет сделать предположение, что проблема детства, возможно, станет в нынешнем веке глобальной наряду с другими важнейшими проблемами человечества.

Литература

1. *Кравченко А.И.* Введение в социологию. М.: Изд-во «На Воробьевых», 1995.
2. *Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1994.
3. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.

Электронные ресурсы

4. Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр). Репрезентативный опрос 1600 россиян в возрасте 18 лет и старше в 128 населенных пунктах 46 регионов страны. 19–22 мая 2006 г. // <http://www.levada.ru/press/2006070501.html>
5. Фонд «Общественное мнение». Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 28 апреля 2004 г. 1500 респондентов // http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/home_family/family/d041823

В.И. Горбачева, Я.В. Беляева

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ БРАК КАК ВОСТРЕБОВАННАЯ МАТРИМОНИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

В современном мире повсеместное распространение получили официально не оформленные, но фактически существующие супружеские отношения. Современное состояние брачности актуализирует изучение причин востребованности нелегитимных матримониальных практик. Ежегодная демографическая статистика свидетельствует, что интенсивность заключения браков в возрасте до 25 лет существенно понизилась и у мужчин, и у женщин. Средний возраст жениха достиг 26,1 в 2005 г. (был 23,9 в 1992 г.), а невесты увеличился с 21,7 до 23,3. Доля молодежи, никогда не состоявшей в браке к 25 годам, постоянно растет [1]. Однако данный факт не означает отсутствия продолжительных, позитивно эмоционально окрашенных взаимных привязанностей у молодых. Социальная дозволенность и все большая нормативная допустимость близких отношений, в том числе и сексуальных, подтверждает существование в общественной морали принятия и одобряемости сожительства. Опубликованные статистические данные свидетельствуют об увеличении числа лиц, предпочитающих сожительства официальному оформлению брака. В 1990 г. доля женщин в возрасте 25–29 лет, живущих в незарегистрированном браке, в Финляндии составила 14,5%, в Словении – 15%, в Эстонии – 15,2%, в Норвегии 21,8%, в Австрии – 22,8%, в Нидерландах – 24%. В Португалии их вообще не зафиксировано. А в Польше очень мало [2]. По статистике Национального института демографических исследований, в 2003 г. во Франции было 270 000 зарегистрированных браков и почти 170 000 неофициальных браков [3]. В Соединенных Штатах этот тип супружеских отношений увеличился с 11% в 1970 г. до 25% в 2000 [4]. Согласно статистическому отчету, выпущенному Статистическим бюро Канады, в 2004 г. 1,2 млн пар состояли в незарегистрированном браке. Это на 20% больше, чем в 1995 г. [5]. По статистике на Украине 2/3 семейных пар до регистрации живут

в незарегистрированном браке. Но 60% таких браков, как правило, распадается [6]. В Белоруссии более 30% молодых людей (неженатых и незамужних) допускают принципиальную возможность для себя создание семьи на условиях консесуального брака. Причем среди девушек этот показатель выше [7].

По данным переписи населения 2002 г., среди россиян старше 16 лет к состоящим в браке себя относят 57% (как известно, перепись учитывает самоидентификацию отвечающих, а не их брачный статус по документам). Заметим, что с 1998 по 2003 г. среди всех состоящих в браке доля незарегистрированных союзов выросла приблизительно в 1,5 раза – с 10,7 до 16,7% [8]. Исследователями фиксируется, что незарегистрированный брак остается прежде всего молодежным явлением: по данным 2003 г. более трети молодых людей в возрасте до 25 лет состояли в незарегистрированном браке.

Мы рассматриваем незарегистрированный брак как один из способов реализации матримониального поведения, повсеместно распространенную и реально существующую практику. Отметим неоднозначность социального смысла незарегистрированного брака. Незарегистрированные брачные отношения присутствуют в разных возрастных группах, но у молодежи это, как правило, период до вступления в официальный брак. Поэтому и сожительство, и брак для молодых одинаково привлекательны. В более старших возрастных группах вне правового поля чаще всего взаимодействуют мужчины и женщины, имеющие сходный жизненный опыт и семейный статус: разведенные, вдовы, не расторгнувшие предыдущий брак. Дальнейшая матримониальная стратегия выстраивается с учетом опыта пребывания в официальном браке. Исследователи позиционируют незарегистрированный брак как предварительную, подготовительную стадию к последующему браку или как альтернативу легитимному браку. Согласно законодательству РФ, юридически признается только брак, официально зарегистрированный в ЗАГСе. Лица, находящиеся в фактических брачных отношениях, независимо от продолжительности, устойчивости, доверительности взаимодействия, общего семейного бюджета, наличия общих детей, супругами не являются. Заметим, что внебрачные союзы двух совершеннолетних лиц ни одним правовым предписанием не запрещены. Юрисдикция их игнорирует, хотя до 1944 г. в СССР фактический брак приравнивался к зарегистрированному.

Соглашаясь с некоторой внутренней противоречивостью словосочетания «незарегистрированный брак», поскольку браком считается только тот союз, который прошел государствен-

ную регистрацию в соответствии с законодательством, мы фиксируем исследовательский интерес на неформальных, но реально распространенных союзах. В данной статье «незарегистрированный брак» понимается как находящийся вне правового поля фактический супружеский союз между мужчиной и женщиной, основанный на взаимных вербальных договорных отношениях, совместном проживании, общем ведении хозяйства, общем семейном бюджете, сексуальных отношениях, при возможном наличии детей.

Эмпирическую базу данной статьи составили:

1) данные, полученные Горбачевой В.И. в ходе формализованного интервью в марте 2004 г. Объем выборки составил 437 человек, студентов высших учебных заведений Москвы, в возрасте от 16 до 21 года. Из них 47% мужчин и 53% женщин, что в целом соответствует статистическим показателям распределения по полу;

2) данные, полученные Беляевой Я.В. в 2005–2006 гг. в ходе социологического исследования «Отношение молодежи к незарегистрированному браку». Методом сбора социологических данных было избрано анкетирование. Объем выборочной совокупности составил 675 респондентов в возрасте от 17 до 29 лет, проживающих в Москве и Московской области.

Необходимо отметить несколько аспектов, которые придают данному исследованию специфический характер. Во-первых, даты рождения молодых людей, чьи мнения использовались в опросе, приходятся на 1976–1988 гг. Таким образом, ранняя юность, которая характеризуется повышенным максимализмом, совпадает с началом 1990-х годов – нестабильным и сложным периодом для России, ознаменованным войнами в Афганистане (1979–1989) и Чечне (1991–1996), сменой политического режима (1991), дефолтом (1998). Политические, экономические, социальные реформы вызвали рост недоверия к власти, экономический упадок уровня жизни населения (потеря сбережений и накоплений, безработица), рост числа социальных девиаций, таких как алкоголизм, наркомания, суицид. В условиях социальной аномии повсеместно распространяется идея, что легче прожить одному, не обременяя себя ответственностью перед брачным партнером, дистанцированием от обязательств по отношению к близким людям, сознательный отказ от рождения детей.

Во-вторых, столичный регион выбран не случайно. Москва как мегаполис, как столица России является центром притяжения, прежде всего для молодых людей, которые приезжают Москву, чтобы получить образование, найти работу, реализовать

матримониальные устремления. Адаптируясь к новым социальным условиям, молодежь других регионов выпадает из системы постоянного социального контроля со стороны родителей, ориентируется на взгляды, суждения, поступки, действия ближайшего окружения, чаще всего своих ровесников, молодых москвичей, которые формируют современные эталоны поведения и стереотипы для подражания, в том числе и в брачно-семейной сфере. Именно молодежь считает для себя социально дозволенным сожителем, даже в условиях отсутствия постоянного заработка.

В-третьих, процесс урбанизации и массовая социальная мобильность молодежи способствуют росту незарегистрированных браков. Городской образ жизни, тем более столицы, характеризуется многослойностью культурной и социальной среды, общественное мнение воздерживается от негативной стигмации незарегистрированных браков, оставаясь в подавляющем большинстве случаев безучастным. Территориальная отдаленность родителей и значимых других позволяет не ставить их в известность о совместном проживании с другом или подругой, что в еще большей степени облегчает принятие решения о начале совместной жизни вне правового поля и формальных обязательств по отношению друг к другу. Молодежь мегаполиса имеет возможность менять места работы, подыскивая некий оптимальный вариант, совмещать учебу днем и работу в выходные и по вечерам. Материальная независимость проще реализуется на фоне конкретных предложений от работодателей и возможности поиска себя в разных сферах профессиональной деятельности.

Эмпирические данные показали, что молодежь проявила неоднозначное отношение к незарегистрированному браку. Сформировались две базовые позиции – отрицательная и положительная, а также нейтральная.

Согласно проведенному исследованию, молодежь характеризует незарегистрированный брак прежде всего как основанный на любви, как возможность легализации сексуальных отношений, как его неперемнная составляющая, совместное проживание (85,33%), хотя не обязательно ведение совместного хозяйства, но возможно наличие детей. Парадоксальность ситуации заключается в том, что современная молодежь одновременно и допускает рождение детей вне брака, и указывает на необходимость рождения детей в законном браке (48,14%). Поводом для официального оформления отношений молодежь называет беременность (30,8%) и рождение ребенка (20,5%). Инфантильность интерпретации молодежью незарегистрированного брака

проявляется в том, что возможные временные рамки данного феномена определены днем наступления совершеннолетия — 41,5%, для 8,6% респондентов — это достижение 16-летнего возраста, таким образом, половина опрошенных нами молодых людей убеждена, что они могут жить семьей, не оформляя отношений официально уже в столь юном возрасте. Но над необходимостью обретения финансовой самостоятельности не задумываются. По мнению респондентов, для предыдущих поколений нелегитимный союз оценивался как безнравственный (8,59%), общество осуждало саму сущность незарегистрированных браков, тем более отрицалась необходимость таких отношений (35,85%). Сегодня незарегистрированный брак проблемой для общества не является (42,66%), становясь нормой современности (61,03%). Респонденты (68%) утвердительно ответили на вопрос о существовании среди их друзей, родственников, знакомых молодых пар, которые живут семьей, но официально не оформляют отношения. Приемлемой лично для себя такую форму отношений считают две трети опрошенных. Мотивами возникновения незарегистрированного брака служат большая любовь, попытка жить семьей, возможность лучше узнать друг друга. Но является ли незарегистрированный брак полноценной семьей? Мнение молодежи скорее отрицательное (42,96%), определить свою позицию не смогли 19,11% респондентов. Изменить отношение молодежи к незарегистрированному браку поможет в большинстве случаев собственный жизненный опыт (56,74%), государственная политика (11,25%) и мнение авторитетных для индивида лиц, точнее «значимых взрослых» (10,07%).

В целом немного молодых людей отрицательно относятся к незарегистрированному браку — 15,25% респондентов. Среди них значительна доля тех, кто никогда не состоял в браке, и тех, кто на момент опроса состоял в официальном браке. Зафиксирован интересный феномен, связанный с преобладанием, хотя и незначительным, нейтрального отношения молодежи к незарегистрированному браку над положительным. Нормой повседневной жизни становится как установление союзов по взаимной договоренности, так и их прекращение. Видимо, незарегистрированный брак будет востребован и в последующие годы.

Основная причина распространения сожительства, по мнению отрицательно относящихся к ним, — это нежелание брачных партнеров заключить официальный брак. По их мнению, брак вообще может быть только официальным, все остальное — сожительство, которое ни к чему не приводит, кроме траты времени. Оцен-

ка незарегистрированного брачного союза – безнравственность и безответственность, которые ведут общество к деградации. В большинстве случаев молодежь, негативно оценивающая незарегистрированные отношения, скорее не допускает для себя такой формы брака (15%) и не допускает – (6,7%), хотя в некоторых случаях это возможно – на определенное время (2,96%) или при определенных обстоятельствах (2,23%). Обычно инициаторами таких отношений становятся мужчины (11,55%), но могут быть и женщины (3,25%). Молодые люди, отрицательно относящиеся к незарегистрированному браку, считают, что это модная тенденция современной действительности (9,03%). Молодежь следует некой коллективной моде в конструировании отношений. И такие «модные» отношения официально фиксировать нет никакой необходимости (6,96%), а если она возникает, то можно обойтись брачным контрактом (5,62%), в котором будет указано, что ответственность обязаны нести в полном объеме оба партнера.

Наличие взаимной ответственности у лиц, состоящих в незарегистрированных отношениях, подтверждают как безусловную 58,3% опрошенных и скорее согласны с ее существованием 25,1%. Таким образом, взаимная ответственность признается $\frac{4}{5}$ всех опрошенных. Неприемлемым незарегистрированный брак делает отсутствие денег на совместное проживание – 29,7%, отсутствие собственного жилья – 27,4%, неуверенность в чувствах партнера (18,7%) и своих чувствах (18,2%), отрицательная реакция родителей останавливает 18,4% респондентов.

Стремясь узнать современные мотивы, объясняющие причины востребованности незарегистрированных браков, исследователи использовали вопрос: «По каким причинам возникают такие отношения, как незарегистрированный брак?» Ответы распределились следующим образом: по большой любви – 32,44%, как реализация устремлений попробовать жить семьей – 86,5%, попробовать силы на бытовую совместимость – 26,51%, возможность решения финансовых проблем – 20,29%, решение проблемы с проживанием – 24,29%.

Исследовательский интерес был также сконцентрирован на последствиях, которые могут возникнуть или возникают при окончательном распаде незарегистрированных брачных отношений. На вопрос анкеты «Какие негативные последствия могут возникнуть после распада незарегистрированных отношений?», самым популярным ответом стала позиция «душевные переживания» (42,96%). Почти каждый второй молодой человек подвержен эмоциональному стрессу после распада незарегистрированных отношений. Неудивительно, что распад сожительств сопровождается

ся эмоциональными переживаниями, поскольку в установление отношений вкладывается много сил, времени, ожиданий, которые впоследствии не оправдываются. Возможно, существуют опасения, что при официальной регистрации брака стресс от разрыва еще более усилится, поэтому матримониальная сфера жизни представляется молодежи зоной риска для себя. Можно предположить, что, используя браки «де-факто» молодежь пытается снизить степень эмоционального потрясения в случае прекращения таких отношений. В качестве негативных определялись такие последствия, как нежелание в будущем создавать семью, ненужные дети, проблемы раздела совместно нажитого имущества, угрозы. Но, по мнению респондентов, из ситуации разрыва отношений можно извлечь и позитивный опыт. При исследовании этой позиции респонденты должны были ответить на вопрос: «Какие положительные результаты можно вынести после разрыва незарегистрированных отношений?» Молодые мужчины (22,51%) и женщины (21,18%) рассматривают распад незарегистрированного брака как накопление жизненного опыта. Обретение сексуального опыта к положительным результатам отнесли молодые мужчины (10,81%) и в меньшей степени женщины (4,14%). В случае разрыва отношений в ситуации максимальной незащищенности оказываются ребенок (89,2%) и женщина (10,8%).

Незарегистрированный брак представляется нам неким частным соглашением, достигнутым мужчиной и женщиной, на основе которого социально конструируются взаимные ожидания. Зоной повышенного риска такие отношения становятся из-за начальной установки «попробовать жить вместе», «попробовать исполнять роли мужа и жены». В исследованиях не зафиксирована готовность прилагать целенаправленные продолжительные усилия для повышения качества супружеских отношений в браке «де-факто».

Литература

1. *Захаров С.В.* Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. № 4. С. 73.
2. *Guerreiro M.* Sociologia da familia. Lisboa, 2003. P. 79.
3. *Arenes J., Bartelet B., Benoit P., Eid G., Ghitti J.M., Lacroix X.* Quel avenir pour la famille? Paris, 2006.
4. *Rauch J.* The Marrying King // The Atlantic Monthly. 2001, may.
5. *Сахно И.В.* Гражданский брак: «за» или «против»? Ростов на/Д: Феникс, 2004. С. 121.

Незарегистрированный брак как востребованная матримониальная практика

6. Там же. С. 129.
7. *Матусевич В.И., Анисимов Л.М.* Организационно-правовое регулирование в сфере семьи, материнства и детства как важнейшее направление формирования системы демографической безопасности // <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf144-13050.htm>.
8. *Рощин С.Ю., Рощина Я.М.* Заключение и расторжение брака в современной России: микроэкономический анализ // Мир России. 2007. № 4. С. 120.

И.В. Петрушин

НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НЕРЕАЛИЗУЕМОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Все комплексные меры, предлагаемые теми или иными исследователями, направленные на повышение рождаемости в России, будучи обоснованными с научной точки зрения, лежат в социокультурной, нравственной сфере и предполагают значительный амортизационный период, только по истечении которого сделанные шаги начнут приносить ощутимые результаты в масштабе всего общества.

В настоящее время продолжается осуществление Национальной программы демографического развития. Если взглянуть на весь ряд предлагаемых и осуществляемых мероприятий, обнаружится, что наибольшее количество предлагаемых шагов направлены на повышение рождаемости в стране.

Оптимизм внушает не столько формирование государственной стратегии в рамках демографической политики, сколько изменение ее вектора по сравнению с разрабатываемыми ранее аналогичными программами демографического развития государства. В программе, принятой в 1999 г., главными понятиями были здоровье населения, продолжительность жизни и т. п. Основной задачей демографической политики в ней провозглашалось сокращение смертности, увеличение продолжительности жизни до уровня, соизмеримого с уровнем государств Европейского союза.

В настоящее время реализуется Национальная программа демографического развития России, в задачах которой по сравнению с предыдущим аналогичным документом акценты во многом смещены. Если предположить, что реализация первой программы привела бы к достижению всех поставленных целей, а как показывает статистика, этого, к сожалению, не произошло, Россия по-прежнему оставалась бы депопулирующей страной, имея более «цивилизованный» уровень смертности. Наличие недостижимой в настоящее время продолжительности жизни населения по

сравнению с такими странами, как, например, Япония, на их же примере доказывает, что необеспеченность приростом человеческих ресурсов в виде рождаемости при высокой продолжительности жизни и невысоком уровне смертности не только не ведет к положительным показателям роста численности населения, но и изменяет его возрастную структуру [13].

Механизмы общественной саморегуляции в отношении демографических процессов не действуют, обнаруживая бессилие перед репродуктивными установками населения. Государство оказывается единственным внешним регулятором, способным с помощью системы санкций и стимулов воздействовать на репродуктивное поведение населения, обладая легитимностью на подобные действия.

Государство изменило направление демографической политики в сторону стимулирования рождаемости и поддержания ее высокого уровня. Вопрос об эффективности предлагаемых мер остается открытым. Если они будут иметь результат, который ожидается, то он начнет проявлять себя не ранее чем через десятилетие. Предполагается, что за это время государством будет предпринят еще ряд мер, стимулирующих повышение рождаемости, но оценка их эффективности – дело еще более отдаленного времени.

При этом сложившаяся ситуация не терпит отлагательств. Несколько увеличившееся число рождений в последние годы было следствием вступления в активное воспроизводство той части населения, рожденного в 1980-е годы, большая численность которого была обеспечена рядом искусственных мер в предпоследнее десятилетие XX в.

В скором времени основная репродуктивная нагрузка ляжет на поколение 1990-х годов, численность которого значительно ниже. Если благоприятная ситуация с численностью потенциальных родителей не поспособствует росту числа рождений, то в скором времени стоит ожидать еще большего его падения до значений, становящихся катастрофическими для национальной безопасности.

Встает вопрос о необходимости принятия таких мер, которые бы способствовали кардинальному повышению числа рождений, приходящихся на одну женщину.

Осознание государственной властью необходимости повышения рождаемости вылилось в принятие закона о «Материнском капитале», вызвавшего широкий общественный резонанс.

22 декабря 2006 г. был принят Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, име-

И.В. Петрушин

ющих детей», вступивший в силу 29 декабря. О результатах нововведения будет возможно говорить только спустя некоторое время, однако ряд правомерных вопросов возникает уже сейчас. По результатам опроса Левада-Центра, результаты которого были опубликованы в газете «Ведомости» [14], пятая часть россиян (20%) считает, что предоставляемую государством сумму в размере 250 тыс. руб. следует потратить на текущие расходы. Иными словами, значительная часть населения либо не информирована о сертификационной форме выплат, либо не одобряет ее. Это подтверждает и опрос ФОМа, результат которого показал наличие 23% населения, не одобряющих подобную форму выплат. Это тот минимум людей, которые предпочли бы потратить предоставляемую сумму на текущие нужды. Именно здесь возникает любопытная ситуация: люди, которым эти деньги необходимы сразу после рождения ребенка, получить их не могут. При этом деньги как бы им и не нужны, во всяком случае в среднем число детей в менее обеспеченных семьях выше, нежели у более состоятельных родителей. Поэтому денежная составляющая как не была для них определяющей в вопросе деторождения, так и останется таковой.

Одним из вариантов использования полученного денежного сертификата при рождении второго и последующих детей является улучшение жилищных условий. Перспектива стоящая. Но, учитывая стоимость городского жилья, непонятно, каким образом семье удастся улучшить жилищные условия на 250 тыс. руб. Еще менее вероятно, что стимулом к рождению ребенка станет наличие некоторых средств на его будущее образование или тем более возможность пополнить накопительную часть собственной пенсии. Рождение детей у родителей в возрасте 20–30 лет не может быть обусловлено желанием обеспечить собственную будущую пенсионную жизнь за их счет.

Справедливо ожидать, что подобные, в некотором роде пробные, меры не свободны от недоработок. Остается надеяться на внимание со стороны властей к конструктивным замечаниям, на последующее введение обоснованных изменений в законодательство, на новые государственные инициативы, что в конечном счете должно привести к формированию эффективной демографической политики.

Тем не менее вопрос остается открытым. Через несколько лет наиболее значительная репродуктивная нагрузка ляжет на малочисленное поколение 1990-х годов, в котором численность женщин репродуктивного возраста (20–29 лет) к 2025 г. окажется в два раза меньшей, чем численность этой возрастной группы

предыдущего поколения к 2012 г., и составит порядка 6,5 млн потенциальных матерей [9, с. 66].

Сложившаяся ситуация потребует еще большей репродуктивной активности населения, когда для простого воспроизведения будет необходимо уже наличие не менее 3,5 детей на одну женщину репродуктивного возраста. Очевидно, что предлагаемые в настоящее время меры не позволяют быть уверенными, что с их помощью можно достигнуть подобных результатов.

Если же проблему рождаемости рассматривать не по количеству появляющихся на свет детей, а по наличию зачатого плода в матке, то для решения демографических проблем обнаружится потенциал в виде прекращения прерывания нежелательных беременностей.

Проблема прерывания нежелательной беременности настолько же значима, насколько и деликатна. Как писал Б. Тобес, «...проблема абортов в правовом контексте очень противоречива. С одной стороны, встает вопрос о том, в какой степени еще не родившийся ребенок обладает правом на жизнь. С другой стороны, необходимо понять, вправе ли мать сама распоряжаться своим телом и обладает ли она вытекающим отсюда правом на физическую неприкосновенность и на личную жизнь. Как следствие такой неопределенности, очень сложно уравновесить права еще не родившегося ребенка и матери, сделать выбор между ними» [10, с. 243]. В настоящее время это еще и вопрос пересечения государственных интересов демографического развития, сводящийся к повышению уровня рождаемости, и частных интересов граждан, не заинтересованных в рождении отдельно взятого ребенка в данное время.

Проблема прерывания нежелательной беременности не становится менее актуальной с начала XX столетия. На протяжении всего века ее пытались решать на государственном уровне, причем в разные периоды способы были прямо противоположными, от полного запрета до полной легализации [15].

По официальным данным число абортов с начала 1990-х годов стало снижаться достаточно высокими темпами по сравнению с предыдущим периодом, когда их число находилось практически на одном уровне, и в настоящее время оно составляет порядка 1,7 млн абортов в год [7, с. 288].

Разумеется, что реальный уровень абортов в России выше статистических показателей, не способных учесть незарегистрированные случаи криминального аборта, а также аборты, производимые платно в частных (иногда и в государственных) медицинских учреждениях, доступ к учету которых закрыт.

И.В. Петрушин

Тем не менее оспаривать то, что реальное число аборт в России снизилось с начала 90-х годов, было бы неверно. Остается только оценить степень влияния «абортного поведения» населения на демографическую ситуацию в целом.

В настоящее время оживленные научные дискуссии происходят вокруг вопроса о влиянии прерывания нежелательной беременности на женское здоровье.

В отечественной литературе в качестве результата исследований данной проблемы приводятся следующие цифры: «Частота ранних, отсроченных и отдаленных осложнений после аборта ... колеблется в пределах 16–52%, при этом поздние осложнения, преимущественно более тяжелые, значительно превышают ранние...» [12, с. 5–6]. «Аборты часто являются причиной бесплодия, невынашивания и других осложнений беременности и родов, более высоких показателей материнской и перинатальной смертности. ... У беременных с абортами в анамнезе на 20% выше регистрируются угроза невынашивания беременности, аномалии родовой деятельности. Перинатальные потери у женщин с абортами в анамнезе на 10–12% выше, чем у женщин, их не имеющих» [6].

При этом отечественными же учеными приводятся следующие данные зарубежных исследований: «Риск осложнений после аборта минимален, менее 0,3% пациенток, сделавших аборт, испытывают осложнения, требующие госпитализации. Аборты, выполненные в первом триместре беременности, практически не ведут к таким проблемам, как бесплодие, внематочная беременность, спонтанные аборты или врожденные дефекты плода, имеют небольшой или почти не имеют риска преждевременных родов и низкого веса новорожденного. Всесторонние лонгитюдные исследования, выполненные по заказу правительств США и Великобритании, обнаружили, что связи между абортом и раком груди нет. Также нет свидетельств того, что аборт является фактором риска других видов рака. На основании многочисленных исследований с начала 1980-х годов ведущие эксперты пришли к заключению, что аборт не наносит вреда психическому здоровью женщины» [17].

Цифры, приведенные в тех же материалах, говорят о том, что в России наиболее распространенным методом прерывания беременности является так называемое выскабливание, при том, что наиболее безопасным медикаментозным методом за последний год было сделано порядка 11,6 тыс. абортов [17]. Именно прерывание беременности теми методами, которые наиболее часто применяются сегодня в России, является опасным для здоро-

вья женщины и ее будущих детей, о чем и говорят результаты исследований.

Совокупным косвенным доказательством большего (нежели статистически учтенного) числа аборт, а также вреда, наносимого данной операцией, могут служить данные о ежегодно увеличивающемся числе осложнений беременности и родов и послеродового периода, а с другой – ухудшение здоровья новорожденных по всем классам заболеваний [7, с. 289–290].

Несмотря на серьезное (по официальным данным) снижение числа аборт в России, их число все еще остается значительно выше показателей европейских стран [16].

К завершению репродуктивного периода (40–45 лет) порядка 75% женщин хотя бы раз в жизни делали аборт, что не может не сказаться на здоровье населения в целом, картину чего мы и наблюдаем в ежегодных статистических данных.

Прерывание нежелательной беременности оказывает негативное влияние на здоровье населения в целом, снижает репродуктивное здоровье женщин, что влияет не только на число рожденных детей, но и на качество населения, здоровье новых поколений.

Сторонники планирования семьи уверяют, что наблюдаемых успехов в снижении уровня аборт в стране удалось добиться посредством организации, в частности на базе женских консультаций, центров по планированию семьи, основной задачей которых было внедрение и побуждение к более интенсивному использованию контрацептивных препаратов.

По результатам некоторых исследований, население страны в достаточной степени информировано о средствах контрацепции, а это говорит об реальной возможности выбора средства, наиболее подходящего для женщины. О самых распространенных из них известно более чем 90% женского населения репродуктивного возраста. Однако высокий уровень знания о средствах контрацепции не сказывается кардинальным образом на репродуктивном поведении населения в вопросе прерывания беременности.

Статистические данные говорят о том, что подавляющее большинство аборт делают женщины, уже имеющие детей, что является одним из определителей реально желаемого их количества. Число аборт, совершаемых при первой беременности, составляет порядка 11% от общего их количества. «Все это говорит о том, что аборт в России служит, главным образом, инструментом либо отложить на время рождение следующего ребенка, либо прекратить дальнейшие рождения у женщин, имеющих детей». Оказывается, что этот инструмент «предотвращения» бере-

И.В. Петрушин

менности применяется практически так же активно, как и контрацептивные препараты.

Одним из наиболее негативных последствий аборт в России является ухудшение репродуктивного здоровья женщины. Не правы те ученые, которые ратуют за полный отказ от популяризации контрацептивов среди населения. Желание и намерение увеличить число детей может измениться у женщины по прошествии времени, а здоровье, подорванное прерыванием нежелательной беременности, уже не вернешь. В то же время сомнительной видится необходимость пропаганды противозачаточных средств и осуществления так называемого полового воспитания среди школьников старших классов. Ожесточенные дискуссии на эту тему продолжаются в научной литературе, мы не будем сейчас заострять внимание на их нюансах и нравственно-этических и социально-натуралистических оценках. Отметим, однако, что, во-первых, осуществление мероприятий по «половому воспитанию» школьников в свете представленных данных не может быть приоритетом политики, направленной на снижение числа аборт в причине незначительной доли прерываний беременности в возрасте до 20 лет в общем числе. А во-вторых, отсутствие единой государственной программы по решению данных вопросов дает возможность в тех или иных регионах различным организациям проводить под прикрытием программ «планирования семьи» и «полового воспитания» мероприятия, направленные на реализацию узко корыстных интересов данных организаций, причем делать это практически бесконтрольно.

Стоит упомянуть и тот факт, что многие программы «планирования семьи» финансируются зарубежными организациями, в большинстве своем американскими, например центрами по контролю и профилактике заболеваемости (CDC, Атланта, США) или Агентством США по международному развитию (USAID). Остается ответить на вопрос, какие причины побуждают эти организации, в том числе правительственные, финансировать российские программы демографического развития.

Снижение количества аборт предстает одной из ключевых задач всей демографической политики, направленной на повышение уровня рождаемости.

Ввиду того что помимо непосредственно демографических потерь аборт несут с собой и потери в виде снижения репродуктивного здоровья, что в большей степени касается женщин, беременных впервые, необходимо сократить до минимума число аборт в данной категории. Важно разрешить существенный вопрос о необходимости и формах повышения знаний молодого

поколения о средствах контрацепции. Аборты в возрасте, предшествующем совершеннолетию, следует запретить как причиняющие наибольший вред здоровью будущих матерей. Причем необходим жесткий контроль за всеми медицинскими учреждениями, проводящими подобные операции. Для подростков половое воспитание должно быть связано исключительно с информацией, получаемой от родителей.

Ответственность родителей за несовершеннолетних детей должна распространяться и на ответственность перед государством в случае беременности их детей, как за их будущее репродуктивное здоровье, так и за рождение вынашиваемого плода. Необходимо добиться отсутствия негативного восприятия родителями беременности их несовершеннолетних детей. В рамках реализуемой в настоящее время программы этого можно добиться с помощью приравнивания новорожденных у несовершеннолетних к детям их родителей и получением соответствующих льгот. Для несовершеннолетних аборт должен быть разрешен только по медицинским или иным исключительным показаниям. Для этой категории стоит смягчить законодательство в вопросе лишения родительских прав и отказа от ребенка. В некоторых случаях, если новорожденный окажется в детском доме, следует разрешить по достижении матерью совершеннолетия его возвращение к ней на воспитание.

Необходимо создание, возможно, в рамках Национального проекта, программы по использованию контрацептивов теми возрастными категориями женщин, среди которых аборт наиболее распространен как средство регулирования рождаемости. В то же время необходимо развитие медицинских аспектов осуществления абортов, внедрение в медицинскую практику наиболее безопасных для здоровья женщины методов, проведение медицинских исследований оценки их эффективности.

Параллельно с изменением у населения отношения к необходимому и желаемому числу детей следует менять его отношение и к практике осуществления абортов. Проведенное исследование «Знания, установки и практический опыт россиян в вопросах репродуктивного здоровья и планирования семьи» показало, что аборты осуждаются всеми без исключения, но при этом «зачастую воспринимаются как необходимое и приемлемое решение проблемы незапланированной беременности» [18]. Необходимо, чтобы была сформирована социальная позиция, осуждающая осуществление абортов, чтобы в случае нежелательной беременности эта позиция повлияла на намерение женщины отказаться от ребенка. Женщины, осуществляющие аборт, долж-

И.В. Петрушин

ны подвергаться санкциям со стороны государства, причем жесткость данных санкций должна, с одной стороны, предотвращать в большинстве случаев прерывание беременности, а с другой – не переводить проведение операций по прерыванию беременностей в криминальную плоскость.

Предлагаемые в настоящее время меры по повышению рождаемости не могут в ближайшей перспективе обеспечить ни расширенного, ни простого воспроизводства населения. Поэтому они должны претворяться в жизнь параллельно с вовлечением в данный процесс единственного на сегодняшний день существующего демографического потенциала – отказа от прерывания нежелательной беременности. Сложившаяся в стране демографическая обстановка вынуждает государство вмешиваться в частную жизнь собственных граждан. Если в ближайшее время удастся сократить число абортс даже наполовину, это создаст предпосылки к нормализации демографической ситуации в ближайшем будущем и позволит разрабатывать не экстренные меры, а строить долговременную демографическую политику.

Литература

1. *Бодрова В.* Репродуктивные установки россиян как барометр социально-экономических процессов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 4.
2. *Голдберг Х., Бодрова В.* Репродуктивное здоровье российских женщин в конце XX столетия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1.
3. *Григорьев Ю.А.* Российские тенденции демографических и медико-демографических процессов в условиях незавершенного эпидемиологического перехода // Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2006.
4. *Ильишев А. М., Лаврентьева И.В.* Стратегия включения репродуктивного труда в экономику России. М., 2005.
5. *Ильишев А.М., Лавров В.Н., Астратова Г.В., Варнавская И.П.* Социальная поддержка репродукции как фактор национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2006. № 4.
6. *Кулаков В., Орлова О.* Репродуктивное здоровье в Российской Федерации // Народонаселение. 2004. № 3.
7. Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. // Госкомстат России. М., 2006.

Нежелательная беременность как составляющая...

8. Стратегия демографического развития России / Под ред. В.Н. Кузнецова, Л.Л. Рыбаковского. М., 2005.
9. *Тобес Б.* Право на здоровье: Теория и практика. М., 2001.
10. *Шарапова О.В., Баклаенко Н.Г.* Медико-социальные и правовые аспекты абортов в Российской Федерации // Планирование семьи. 2003. № 3.

Электронные ресурсы

11. *Белобородов И.* Безальтернативность рождаемости // http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=19&idArt=760#n4#n4
12. Ведомости. 30.10.2006 // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2006/10/30/114905>
13. *Сакевич В.* Аборт – кривое зеркало демографической политики // <http://demoscope.ru/weekly/2005/0199/reprod01.php>
14. *Сакевич В.И.* Аборты – одна из основных причин материнской смертности в России // <http://demoscope.ru/weekly/2005/0199/reprod03.php>
15. *Boonstra H. et al.* Abortion in Women's Lives. New York, 2006 (цит. по: *Сакевич В.* Может ли аборт быть безопасным? // <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0279/tema04.php#5#5>)
16. http://www.fzr.ru/images/Family_Planning_Rus.doc

А.В. Кулешова

КАТЕГОРИИ ЖИЗНИ ПОДРОСТКОВ: СУБКУЛЬТУРЫ, АГРЕССИЯ, ЛЮБОВЬ

Есть три категории, с которыми ассоциируются подростки. С одной стороны, они являются неотделимыми от жизни подростка; с другой стороны, это во многом лишь конструкты взрослых по поводу жизни тинейджеров. А именно: субкультуры, агрессия, любовь. Подростки в силу возраста агрессивны и конфликтны; подростковый возраст – возраст первой сильной любви; подростковые субкультуры часто связаны с наркотиками и криминалом.

Нам бы хотелось посмотреть несколько шире на три эти категории подростковой жизни, выделив из них сложившиеся конструкты, мифы и моральные паники, уточнить эти понятия, по возможности определить их место в социологической науке.

Субкультуры

Само выделение подростков и тинейджеров как возрастной группы спорно. Разные исследователи включают в подростковый возраст период от 11 до 16 лет; а «тинейджеры» – слово, пришедшее к нам из английского языка сравнительно недавно, исходя из буквального перевода, обозначает молодых людей в возрасте 13–19 лет. Оно широко распространено в публицистике и журналистике, однако в отечественной науке это понятие используется редко. Оно более свойственно западной традиции, где, начиная с классической работы Марка Абрамса, применяется в рамках изучения молодежного потребления [1]. Фактически тинейджер рассматривается как подросток потребляющий или подросток, взятый в его досугово-потребительском измерении. В рамках российских исследований данный термин применяется либо как синоним подростковости, либо не выделяется вовсе. Предполагается, что тинейджерство «растворяется» в группе молодежи, являясь ее составной частью [2].

Как и любая социальная группа, подростки создают свою собственную субкультуру. Мы можем говорить о том, что подростки идентифицируют себя именно со своей возрастной категорией хотя бы в силу того, что они являются активными потребителями продукции СМИ для своего возрастного сегмента. Они читают журналы, которые принципиально позиционируют себя как «тинейджерские» – «Teen's», «Cool», «Cool girl» и др. Подростки приходят на «свои» интернет-ресурсы (www.teensclub.ru; <http://drt.mpchat.com>; <http://httpwwwpodrostok007.4bb.ru>). Очевидно, что со стороны СМИ идет активное конструирование образа подростка, но с другой стороны, и сами подростки посредством их выделяют себя из группы молодежи.

В период отрочества необыкновенно возрастает значение групп сверстников. Подростки ищут поддержки у других, чтобы справиться с физическими, эмоциональными и социальными переменами юности. Тинейджеры вырабатывают свои, отличные от других, модели и нормы поведения, установки и символы, служание механизмами воспроизводства данной субкультуры и основаниями для ее отличия от других, в первую очередь, от взрослых. Как молодежная, так и тинейджерская субкультуры являются очень ярким и значимым явлением, причем не только для их носителей, но и для общества в целом. Дело в том, что согласно концепции М. Мид современное общество относится к так называемым префигуративным, где старшие не только обучают детей, но и сами учатся у них. Связывая межпоколенческие отношения с темпом общественного развития, она различает в истории человечества, помимо названного, еще два типа общества: постфигуративные, в которых дети учатся главным образом у старших, и конфигуративные, где и дети, и взрослые учатся, прежде всего, у равных, сверстников [3].

Мы сразу хотели бы оговориться, что субкультуры, зачастую рассматривающиеся как проявление девиантности подростка, не всегда таковыми являются. Включенность в некоторые из субкультур позволяют ребенку сохранить личностную целостность и позитивно влияют на формирование толерантности подростка (например, интеллектуальные субкультуры, политические, ряд виртуальных и ролевых субкультур). Исследование подростковых субкультур в первую очередь связано не столько с самими субкультурами как ценностными системами, здесь важен непосредственно процесс амбивалентности возраста, мотивации и микросоциальных взаимодействий.

При изучении этого феномена наиболее адекватным представляется широкое понимание субкультуры как системы цен-

ностей, установок, моделей поведения, жизненного стиля и т. п. какой-либо социальной группы. Остальные же трактовки отражают характерные черты лишь разновидностей субкультур. Использование термина в вышеуказанном значении не предполагает, что культура группы обязательно конфликтует с господствующей культурой, что предохраняет от «сужения» данного понятия и концентрации внимания на его негативных аспектах. Особое внимание при анализе необходимо уделять двуслойности субкультуры тинейджеров, вследствие чего изучению должны подвергаться не только аутентичные формы активности, практики, нормативы и символики, но и ценности, транслируемые в субкультуру через медиадискурс [2].

Особого внимания в этом контексте заслуживают виртуальные субкультуры подростков. Можно даже сказать иначе, виртуальность вообще имеет особо важное значение для общества в целом и для подростков в частности. Уместно процитировать слова поэта Ильи Кормильцева: «Преодоление общества лежит не на пути философских рассуждений, но на пути технологических инноваций. Сейчас технологические инновации ломают традиционное устройство общества сильнее любой идеологемы».

И здесь, как ни в одном другом случае, особо важно корректное понимание мотиваций подростков. Например, часто возникает путаница в связи с агрессивным поведением подростков в интернет-пространстве. Но является ли агрессивное поведение подростка проявлением собственно агрессивности? Конфликтное самовыражение в сети – скорее способ привлечь к себе внимание. Намеренная конфликтность и агрессивность – реакция на анонимность виртуального мира, стремление быть замеченным, хотя бы даже в негативной форме. Никто не хочет быть полностью анонимным и в результате абсолютно невидимым, без имени, без идентичности [4].

Объективный и жестко структурированный социальный мир, задающий подростку множество ролей и ограничивающий его полом, возрастом, национальностью, успешностью в учебе и, наконец, границами собственного тела, противопоставлен принципиально безграничному виртуальному миру. Миру, в котором благодаря невидимости пользователя и отсутствию визуального контакта не важны внешний облик человека, его социальный статус и т. п. Некоторые исследователи называют возможность «убежать из собственного тела» одним из главных мотивов участия в виртуальной коммуникации [5].

Экспериментирование с собственной идентичностью – одно из самых притягательных возможностей Сети. Подросток может создавать себе фактически любую виртуальную личность, ко-

торая часто сильно отличается от реальной. По сути, самопрезентация в виртуальной коммуникации может быть ограничена лишь текстом, в котором человек описывает себя, либо проявляется в особенностях, стиле виртуального диалога [4]. Рождение новой личности начинается с имени, часто это псевдоним, так называемый «nick» (от «nickname» – псевдоним) или «label» – «ярлык».

В целом мы бы хотели избежать проблематизации подросткового возраста и подростковых субкультур. Очень соответствует нашему отношению к теме высказывание В.М. Сорокина (завкафедрой специальной психологии ИСПП): «Подростковая субкультура не является чем-то изолированным по отношению к культуре вообще и обществу в частности. Изменения, происходящие в обществе, активно ассимилируются и трансформируются подростковой субкультурой. **Но главное состоит в том, что подростковый кризис, как один из многочисленных вариантов развития, стал рассматриваться как явление типичное и всеобщее. Беспроblemный подросток стал выглядеть как странное исключение** (здесь и далее выделено мной. – А. К.).

Подростковая субкультура очень быстро ассимилировала образ трудного подростка и начала его активно расширять и обогащать. Теперь уже педагогика и психология шли сзади и только фиксировали “новообразования”. В данном случае мы столкнулись с интересным социальным феноменом “выученной кризисности”.

Миф о трудном подростке, который мы сами создали, воплотился и начал существовать независимо от учебников психологии. **В культурах, в содержании которых нет представлений о трудных подростках, отсутствуют и сами трудные подростки, за редкими исключениями.**

В современной подростковой субкультуре представления о кризисе возраста являются весьма распространенными и устойчивыми, правда, не лишены своеобразия. Быть беспроblemным – значит рисковать остаться в одиночестве. Наркотики по своей сути есть новый атрибут подростковой проблемности, оправдывающий их и укореняющий их в молодежной культуре» [5].

Однако возможно ли применять термин «субкультура» при описании подросткового возраста, и что следует под ним понимать? Есть несколько трактовок этого понятия.

Субкультура (subculture) – это система убеждений, ценностей и норм, которые разделяются и активно используются явным меньшинством людей в рамках определенной культуры. Феномены молодежных субкультур достаточно длительное время рассматривались в науке как девиации, а сами субкультурные сообщества как угроза позитивной социализации ребенка. Одна-

ко современные подходы к изучению молодежной субкультуры носят довольно либеральный характер. Западное общество, по сути, «разрешает» выражать молодежи себя в этой сфере, акцентируя внимание на социализирующей (адаптивной, интегративной) функции молодежной субкультуры. Субкультура интерпретируется как пространство игры, экспериментирования с нормами, ценностями, иерархией взрослого мира [7].

Эстетика, этика, идеология молодежных сообществ получила признание как особая «молодежная культура». Было констатировано существование и других культур (например, детской), отличающихся от официальной, но вполне реальных, со своими нормативными и символическими характеристиками. Теперь понятие «субкультура» прочитывается в несколько измененном значении – как обозначение подсистемы культуры, указывая на мультикультурный характер современного общества [8].

В западной социологии молодежная субкультура характеризуется как «реег грор». Это понятие означает больше, чем «группа сверстников», «гомогенная возрастная группа». Здесь подразумевается не только возрастное равенство, но и отношение взглядов, ценностей и норм поведения. В «реег грор» складывается субкультура, которая заметно отличается от культуры взрослых [9]. Ей свойственны внутреннее единообразие и внешний протест против установленной системы власти, против всего старшего поколения с его культурными ценностями, образцами. Сутью молодежной субкультуры являются неформальные объединения, в которых и заложен весь семиотический потенциал. Они различаются по характеру социальной нравственности, типу групповых ценностей, особенностями проведения досуга [9].

Признаки, указывающие на существование субкультуры в той или иной среде: общность символики, опосредующей взаимодействия; общность самосознания (основанного на этой символике); воспроизводимость всего этого во времени (т. е. собственно традиция). Это как минимум.

В современных исследованиях особенное внимание уделяется экспериментам с телесностью и чувственностью: не только через одежду, но через тело: бритье головы, татуировки, нанесение шрамов, пирсинг. В этом контексте употребление наркотиков также рассматривается как своеобразный способ экспериментирования [10].

Одновременно отмечается доминирование в молодежных субкультурах новейшего времени «гедонистического мировоззрения», ценностей удовольствия, развлечения, что, в свою

очередь, рассматривается как важнейший мотив регуляции поведения человека в отношении наркотиков [11].

В литературе доминирует тезис о молодежных субкультурах как носителях факторов наркотизаций [12].

Анализ таких молодежных субкультур, как «хиппи», «панки», «растаманы», «грандж», «рейв», показывает, что употребление психоактивных веществ является в большей или меньшей степени значимым атрибутом (элементом) данных субкультур, который может выступать как: ритуал приобщения (инициации) к субкультуре; способ идентификации с ее представителями; элемент символического мира субкультуры; особая форма коммуникации в сообществе; форма протеста по отношению к взрослой культуре и др. Можно говорить о характерных для конкретной субкультуры видах ПАВ (марихуанна у «растаманов»; экстази у «рейверов» и т. д.). В некоторых субкультурах употребление наркотиков выступает важной составляющей идеологии (мифологии) [7].

Подростковые субкультуры вписываются в теорию субкультур в первую очередь по половозрастному признаку. Но в ситуации, когда границы подросткового возраста размыты, оказались нечеткими и границы исследований по этой группе. Подростковый возраст находится на пересечении социологии детства и социологии молодежи. Трактовка детства в русле конструктивизма приводит к пониманию исключительной роли детских практик, посредством которых и конструируется само пространство детства [13]. Данная позиция может быть представлена пониманием феномена детства и раннего подросткового возраста как особой замкнутой системы – субкультуры. Такое понимание встречаем у С.Н. Иконниковой, И.С. Кона, М.В. Осориной и других. С.Н. Иконникова говорит о субкультуре детства [14]. И.С.Кон в своей работе «Ребенок и общество» понимает под культурой детства автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, традициями.

Социологи молодежи, в свою очередь, понимают подростковые субкультуры как часть молодежной культуры. В соответствии с подобным подходом можно говорить о том, что уже само существование терминов «подросток» или «тинейджер» может, с одной стороны, указывать на существование явления, а с другой – в определенной степени конструировать его. Сами подростки не рассматривают себя как однородную молодежную группу (в рамках которой их вписывают исследователи) ни по взглядам, ни по стилям жизни, ни по возрасту. «Молодежь» – это конструкт взрос-

лых, сами же 17-, 15-, а тем более 13-летние не воспринимают людей 25–30 лет как представителей одной с ними группы. С другой стороны, современные поп-индустрия и массмедиа давно ориентируются на группу тинэйджеров [2].

Одновременно с этим следует различать подростковые субкультуры и субкультуры для подростков, в ряде случаев, например в работах Левиковой С.И., это требование самостоятельности в творчестве является критерием разграничения таких явлений, как «молодежная культура» и «культура для молодых». Исследователь различает эти явления, подчеркивая, что молодежная культура создается самой молодежью для себя, не направлена на массовое распространение, носит замкнутый характер, т. е. ориентирована на узкий круг посвященных, характеризуется нонконформизмом и возникает только в крупных городах. Культура же для молодых, напротив, создается «отцами» для «детей», ориентирована на массовое потребление, отличается конформизмом и рассчитана на молодых людей вне зависимости от того, где они живут [15, с. 112].

Однако не стоит противопоставлять данные понятия, скорее можно говорить о двуслойности подростковой культуры: с одной стороны, она включает в себя результаты творчества самих подростков, а с другой – культуру, созданную для подросткового потребления [15]. И разделить эти два слоя в реальном функционировании невозможно. Это связано с коммерциализацией всех сфер общественной жизни и становлением общества потребления, а также с особенностями информационного общества, в котором «люди больше контактируют с опосредованными репрезентациями физического и социального мира, чем просто с объективными реалиями их узкого личного окружения. Современный человек все больше переживает опосредованный при помощи медиа (mediated) мир, чем саму реальность» [16]. Причем подобная двуслойность характерна не только для молодежной, но и для других субкультур.

Половые различия у подростков наблюдаются как в физической, так и в социальной сфере. Одной из характерных для подросткового возраста форм активности является деятельность по увлечениям (реакция увлечения, хобби-реакция). В зависимости от лежащих в основе мотивов выделяют следующие типы увлечений подростков: интеллектуально-эстетические, телесно-мануальные, лидерские, накопительские, эгоцентрические, азартные и информационно-коммуникативные. Тип увлечения напрямую связан с типом личности подростка [17].

Агрессия

Агрессия представляет собой поведение, направленное на причинение вреда или ущерба другому живому существу, имеющему все основания избегать подобного обращения. Данное определение позволяет уточнить ряд параметров, характеризующих агрессию как поведенческое проявление: это всегда целенаправленное, умышленное действие, нацеленное именно на причинение вреда. Агрессия прямо или косвенно направлена на живые объекты, и вред в конечном счете наносится именно им. Жертвы агрессии пассивно или активно противодействуют агрессору. Принято считать, что подростковая агрессия значительно превосходит агрессию взрослых. Чаще всего это объясняют необходимостью самоутверждения [18.1].

Равно как и прочие возрастные группы, подростки имеют определенные возрастные специфики поведения. Но Н.А. Птицына и Е.А. Крохина отмечают, что подростковая агрессия является результатом не только биологических предпосылок, но и специфического социального научения. На развитие агрессивности влияют особенности воспитания в семье, взаимоотношения со сверстниками и окружающими людьми. Значимы и индивидуальные особенности подростков. Внутри подросткового периода выделяют два пика проявления агрессии [18]: у мальчиков в 12 и в 14–15 лет; у девочек в 11 и в 13 лет. Наряду с внешними проявлениями агрессии существуют и другие показатели, свидетельствующие о наличии нетерпимости у подростков, среди которых – низкая степень привязанности к родителям и близости с ними, крайне завышенная (либо заниженная) самооценка подростка.

Но проведенный Птицыной и Крохиной анализ позволил им заключить, что большая часть подростков обладает качествами толерантной личности. Несмотря на то что определенная доля респондентов под воздействием социальных норм, особенностей агрессии, негативно относится к людям другой национальности, вероисповедания, сексуальной направленности, значительная часть участников опроса косвенными высказываниями подтверждает наличие толерантных черт.

Таким образом,

– решающую роль в социальном становлении ребенка играет референтная для него группа (сверстники, семья, объединение по интересам), оказывающая влияние на формирование норм, ценностей, установок, процесса социализации личности подростка;

– подростки, являющиеся членами общественных объединений, обладают позитивным потенциалом для развития черт толерантной личности [17].

Для понимания подростковой агрессии важен анализ соотношения самооценки и внешней оценки референтных лиц. Так, если не удовлетворяется потребность в признании и уважении, то у подростков проявляются такие формы агрессии, как раздражительность, обида, физическая агрессия. Важнейшим условием предупреждения становления агрессивных форм поведения является развитие мотивации привязанности. Самый эффективный механизм формирования неагрессивного поведения [19] – активное социальное научение конструктивным способам разрешения противоречий.

Кроме того, важно акцентировать внимание на том, что говорить о подростковом «агрессивном», «вызывающем» и пр. поведении неуместно вне контекста социальной некомпетентности подростка. У подростка есть желание вести себя, как взрослый мужчина или взрослая женщина, но не всегда понятно, что именно надо делать. И в силу недостаточной компетенции складывается поведение, которое взрослыми интерпретируется как агрессивное.

Подростковый возраст характеризуется также и сексуальной доминантой. В данном возрасте сексуальность становится жизненно важной проблемой. Хотя интерес к вопросам пола возникает у детей задолго до этого, он поначалу не связан с эротическими переживаниями, а является выражением обычной любознательности: ребенок хочет знать, что представляет собой сфера жизни, которую взрослые так тщательно скрывают. В переходном же возрасте интерес к вопросам пола становится напряженным и личным. И хотя существуют некоторые половые различия, проявляющиеся в том, что с 11–13 лет у девочек пробуждается интерес к эротике, а у мальчиков зарождается собственно сексуальная потребность [18, с. 78], этот период одинаково важен и для тех и для других. Под влиянием пубертата происходит перестройка тела, настолько глобальная и бурная, что тело превращается в реальную проблему, а его освоение – в одну из центральных задач подростка. Это объясняет, почему в субкультуре тинэйджеров телесности уделяется столько внимания [2].

Помимо простого знакомства со своим телом идет активное его освоение, в ходе которого человек воздействует на тело и зачастую переделывает его. Методами такого воздействия являются и спорт, включая бодибилдинг, и различные способы украшения тела – тату, пирсинг, скарт, а также эксперименты со внешностью (макияж, цвет волос, различные украшения, маникюр, прическа и т. д.). И, строго говоря, такая «работа над собой», часто воспринимаемая взрослыми в качестве агрессивной настроенности подростка, скорее является не более чем одним из экспериментов на пути познания себя.

Стоит отметить, что такое большое внимание к телесности в субкультуре тинэйджеров во многом определяется общей «реабилитацией тела», произошедшей в XX в. В современном обществе тело все в большей мере считается репрезентацией индивида и даже зеркалом его души [20, с. 429].

Таким образом, тинэйджеры сталкиваются в своей жизни с принципиально новыми феноменами телесности и сексуальности, освоить которые помогает субкультура данного поколения. В условиях, когда общество взрослых продолжает рассматривать 13–19-летних в качестве детей и игнорирует наличие у них интереса к сексуальной сфере, субкультура начинает выступать в качестве единственного реального регулятора половых и эмоциональных отношений. Она не только вырабатывает определенные нормы поведения, механизмы внутри- и межполового взаимодействия, но и способы постепенного вхождения в неизвестные до этого сферы человеческой жизни [2].

Любовь

Подростковый возраст замечателен еще и тем, что это возраст первой сильной любви в жизни человека, образ которой, как правило, сохраняется на долгие годы. Социальное самочувствие подростков напрямую зависит от их реализованности в духовной сфере. Подростки отводят чувству любви особую роль, и трудно переоценить значение первой любви в жизни подростка. Более того, без любви не может формироваться моральный облик человека, не происходит нормального развития. Она может быть в разной степени развита, но ее не может не быть. «Любовь – единственный удовлетворительный ответ на вопрос о проблеме существования человека», – говорит Э. Фромм.

Нам представляется необходимым специальное социологическое исследование восприятия подростками любви, анализ существующих конструктов, даже невзирая на то что классическая европейская традиция категорически исключает эмоции из поля зрения в пользу подчинения иррациональных измерений жизни ее разумному началу. Идущая от М. Вебера линия объяснения рационального действия отказывает аффективным и эмоциональным действиям в рассмотрении. Единственное разрешенное для эмоций пространство – это осмысленное, осознанно ориентированное действие эмоциональной разрядки (М. Вебер). Эмоциональное действие также допускается в социальный мир в качестве рациональной презентации состояний (И. Гоф-

ман). Эмоциональный порядок и эмоциональное действие выводятся из системы осознанных значимых действий (Дж.Г. Мид и символический интеракционизм) и целенаправленных управляемых объектов (А. Шюц и феноменология), ориентированных на нормативный порядок (И. Гофман, этнометодология, Т. Парсонс и функционализм) и характеризующихся аффективной нейтральностью (Т. Парсонс). Эмоциональная и телесная составляющие полностью переведены под рациональное управление и нормативное регулирование (М. Фуко). Э. Гидденс пишет о «скрытой эмоциональной истории» современных обществ.

Операционализировать такую категорию как любовь не только трудно, но и невозможно. Сколь велико число определенных любви, все знают, в научной среде уже стали создавать культурологические анализы научных споров по этой тематике. В этой связи нами предложен подход исследования подростковой любви через отношение. Мы не будем говорить о любви, мы будем говорить об отношении¹ подростков к данному феномену: что подростки понимают под любовью, какие они знают сценарии любви, какие сценарии считают приемлемыми для себя, а какие недостижимыми, какие роли они примеряют на себя и т. д. Для нас не является самоцелью ввести научный термин и определение любви, приемлемое для всех категорий.

Прежде всего, подростковая любовь является важным симптомом, символом процессов, которые происходят во внутреннем мире ребенка, она что-то означает и обозначает. Это, как минимум, возможность примерить ранее недоступные формы взрослого поведения, более того, это можно сделать по-своему, проявив протестность в самом изысканном варианте. Например, при контент-анализе сочинений подростков неожиданно обнаружилось частое экспонирование собственных чувств как альтернативы чувственному миру взрослых.

Второй стороной подростковой любви является не столько определение, сколько упрочение различий между мужчиной и женщиной. У подростка различия между мужчиной и женщиной обуславливают возможность их соединения, возможность создания союза по принципу комплиментарности или взаимодополнительности. Значит, если дошкольник проводит различия между полами, разделяя их, то подросток, уже зная об этих различиях, соединяет их, рассматривая мужское и женское как две стороны единого процесса. В данном случае любовь является чувством, которое способствует установлению, прежде всего, доверительных, дружеских, а позднее интимных и сексуальных отношений между разными полами [21].

Третьей стороной влюбленности подростка является его подготовка к переживанию не только чувства любви, но и всего многообразия чувств, возникающих между партнерами и в итоге определяющих степень гармоничности отношений между мужчиной и женщиной. Именно поэтому в данный момент сам по себе опыт первой любви является для подростка серьезным испытанием.

Имеются ли различия между подростками в переживании чувства первой любви? Безусловно, да. Это различия, обусловленные, во-первых, сформированной моделью привязанности, во-вторых, полом и возрастом подростка.

Кроме того, невозможно говорить о подростках вообще. Хотя бы потому, что говоря о периоде биологическом, невозможно не учитывать степень психологической зрелости. И, конечно же, опыт переживания первой любви будет зависеть от социального состояния подростка. Кто-то попал в группу конформистов, другие являются собой яркие примеры социальной девиации. Но сразу хотелось бы оговориться: принадлежность к различным стратам, группам не предполагает закономерностей в сценариях любви. Нельзя сказать, что у панков это так, а у драйверов по-другому. Более того, то, что демонстрируется в своей среде с целью поддержания статусной роли, зачастую опровергается при индивидуальной беседе или при анализе ненамеренной информации, которую косвенно дал подросток.

И для мальчиков, и для девочек первая любовь является важным моментом в жизни, когда, по мнению Д.Н. Исаева и В.Е. Когана, сексуальность еще не связана с другими составляющими любви. Первая любовь позволяет развить в себе такие качества, которые до сих пор были неведомы ребенку. Это – развитие чувства доверия, сочувствия и сопереживания, стремление исследовать свой внутренний мир, анализируя черты характера и поступки, желание найти общие темы для разговора, быть интересным и глубоким собеседником. Согласно многим авторам, состояние влюбленности типично для подростка, но оно не имеет явного сексуального мотива и скорее похоже на романтическое увлечение, где реальность и фантазия образуют затейливое переплетение. Для мальчика-подростка характерно несоответствие влюбленности и эротических ощущений, которые иной раз оказываются обезличенными. Мужская природа, мужской характер ассоциируются с разумностью, логикой, рациональностью и умением сдерживать свои эмоции. Мальчики менее эмоционально привязаны к объекту любви, поэтому и более свободны в проявлении своих чувств и симпатий к разным девочкам.

Мужской путь развития – личностный рост, саморазвитие и самореализация, поэтому и в партнерских отношениях они занимают достаточно эмоционально отстраненную позицию. На вопрос, обращенный к мальчикам: «Что такое любовь?» – они отвечают: «Это чрезмерный всплеск положительных эмоций, связанных с бессознательными влечениями», или «Это – сильное эмоциональное переживание», или «Это – неконтролируемые импульсы», либо ставят прочерк, видимо, не зная, как это чувство можно выразить словами. У мальчиков любовь связана с расходом энергетических ресурсов и слабо представлена в виде каких-либо осознанных содержаний.

Для девочек-подростков свойственно доминирование платонических отношений над сексуальными. Последние не вполне осознанны и достаточно размыты, даже несмотря на то что современные девочки больше осведомлены в вопросах взаимоотношения полов, нежели девочки того же возраста 70–80-х гг. XX в. Женская природа ассоциируется с чувственностью, эмоциональной привязанностью к конкретному партнеру, его идеализацией, а иногда и обожествлением. При опросе девочек ответы имеют явную содержательную составляющую и делятся на две группы: положительные высказывания и отрицательные. К первым относятся следующие высказывания: «Это – привязанность, доверие к любимому человеку, когда ты можешь поделиться с другим своими чувствами и переживаниями», или «Это – позитивные переживания, принятие другого человека, уважение другой точки зрения, стремление души, телесное стремление, идеализирование положительных качеств и вытеснение отрицательных», или «Это – нежное чувство, уважение, все хорошее», «Это – он и она». К отрицательным высказываниям относятся: «Любовь – это болезнь, от которой нет лекарства», «Это – страшное, но очень желанное чувство, готовность посвятить свою жизнь другому» и др. В высказываниях девочек практически всегда присутствует некто «другой», «любимый», «он», которого чувствуют и понимают, даже не всегда ожидая ответного чувства [22].

Вместе с тем типичность «типичного мужчины» и «типичной женщины» носит условные границы: исследование процессов гендерной социализации позволяет утверждать о наличии по крайней мере четырех подгрупп: «маскулинных» мальчиков и «фемининных» девочек, «фемининных» мальчиков и «маскулинных» девочек – в зависимости от соотношения факторных структур [23]. Гетерогенность пола как сочетание свойств личности, при котором на разных уровнях ее организации могут быть

представлены признаки противоположных полов, проявляется в процессе социализации.

В гендерном подходе, который сегодня широко используется в исследованиях, подчеркивается не природная, а социокультурная причина половых различий. «Маскулинный – от латинского *masculinus* – мужской. В научном языке имеет примерно тот же смысл, что и патриархатный, но подчеркивает иерархический, с господствующим мужским положением, принцип современной культуры. Нередко встречается слово мачизм (от испанского *macho* – самец). В современном дискурсе оно обозначает не только половую принадлежность, но также артикулирует все дополнительные определения, корреспондирующие с ним и считающиеся мужскими: агрессивность, наступательность, жесткость, мощь, брутальность, крепость, грубость, сила, ассоциирующаяся с развитой мускулатурой, энергичность, демонстрация волевого компонента, сексуальная мощь» [24].

Самостоятельный блок опросника² предполагал получение информации о характере жизненных сценариев, образов, степени распространения в них форм «родительского» поведения и поведения, сконструированного СМИ. Здесь, как и следовало ожидать, выявились существенные различия по группам респондентов. Прежде всего, это относится к ближайшему окружению подростков, их компании. Если в среде конформистов, социально благополучных подростков-девочек отношение к любви связывалось в 80% ответов с термином долженствования (любовь должна быть радостной и светлой, молодой человек должен дарить цветы, я должна быть верной), то в той же среде 54% ответов мальчиков связаны с собственным гендером (мужчина никак не относится к любви, он или любит или нет; это для девочек все, им нужно внимание, а мужчина выбирает; в любви можно проявить себя по-мужски). Остальные заявляли свое отношение к любви через протест, подтверждение собственной взрослости, как первый самостоятельный выбор. И если для мальчиков в 80% случаев любовь заявляется как возможность выбора, то для девочек – это в первую очередь подтверждение успешности. И здесь крылась достаточно сложная игра с так называемыми убеждениями-вирусами. Логическая цепочка сильно завязана на установку, что любят только хороших. «Если меня мальчики не любят, значит, я плохая». Или же другой ход, но на эту же тему: «Я любила одного мальчика, но он не из нашей тусы... Таких любить нельзя. Для меня это до сих пор ужасно». Третий вариант, связанный с оценкой «плохой/хороший»: «...мы

расстались. Наверное, оттого, что я плохая. Таких любить нельзя...» Или: «...Но он такой, бесперспективный, таких нельзя любить. Ну, он денег не заработает... Так мама говорит... Нет, ну не все, конечно, хорошие, кто деньги зарабатывает. А как любить, если не зарабатывает?..»

Как правило, отношение к любви с оценкой «плохой/хороший» закладывалось родителями. Отвечая на другие вопросы, связанные с планами на будущее, эти подростки проговаривали фразы: «А чего рыпаться-то? Мать давно уже сказала, что это не для таких как я...»

В значительной степени прочитывались установки на материальные достижения через любовь. Это преимущественно девичий подход, когда любовь рассматривается как достижение замужества, а замужество обеспечивает финансы. Соответственно, отношение к партнеру в этой группе собственническое. Камила Солнцева (16 лет): «Я думаю, что в любви очень важно уметь удерживать. Есть дурочки, которые не контролируют своих парней, от них и уходят к другим... Ну, потом, таким путем и муж уйдет... сама будет виновата, никто не станет ее детей кормить...»

Удивителен сам факт отношения к семье как к своеобразной семейной проституции. Вообще секс за деньги это плохо. Но замужество ради денег – это нормально. Естественно, такая позиция не озвучивалась напрямую, но почти во всех ответах она звучала как норма, к которой есть смысл стремиться. Эта позиция присуща большинству опрошенных девочек.

Любовь как путь к духовной близости встречался и в группе проблемных подростков, и в основной группе. Но здесь больше абстракции, варианты ответов не повторялись. Единственный, стабильно сопутствовавший фактор, который интересно отметить, связан с тем, что ребята, ищущие «духовной близости» в любви, разделились на две группы. Первая считала, что такую любовь можно заслужить, вкладываясь в отношения. Другие считали, что «это чувство само появляется. Оно либо есть, либо нет. А создать его нельзя».

Также любовь рассматривалась как средство от одиночества, случившегося в семье. Это надежда на понимание. Тот, кто любит, не может не понять. 15% девочек заявили, что они будут искать это чувство в каждом молодом человеке, который выразит хоть какие-то признаки внимания (что в данном случае приравнивалось к пониманию). Этим же объяснялись сексуальные отношения. Секс в них рассматривался как средство от одиночества и надежда на успешную личную жизнь. Получилось

своеобразное триединство: одиночество – секс – любовь. И мы здесь можем увидеть классический взрослый расклад, свойственный отечественной ментальности, где ради брака женщины идут на секс, а мужчины соглашаются на брак ради секса. Но все же подростки-мальчики, говоря о том, на что они готовы ради любви, секс ставили на 5-е место. Первое место поделили подвиг и неопределенность с ответом.

Как показало исследование, в подростковой среде нет аутентичных сценариев, это калька со взрослой жизни, отчасти гиперболизированная. Даже протестность в отношении к любви идет от взрослого шаблона и сводится к нему же, только не тому, который видели у родителей, а про который читали/смотрели/слышали, что оказалось ожидаемым результатом.

Мы предлагали подросткам закончить фразу «Важнее любви может быть только...» Оказалось, что важнее могут быть здоровье, деньги и успех. Но при этом 5% опрошенных (мальчиков и девочек) ответили, что важнее любви ничего не может быть.

Образы любви в нашем исследовании были связаны с мечтой. Мы просили рассказать о своих мечтах. Неожиданным оказалось, что многие ребята подходили повторно, желая рассказать новые подробности. Многие девочки сводили мечты о любви к красивой свадьбе, красивому жениху, красивой жизни. Категории «дом» и «семья» были частыми и для мальчиков, и для девочек, но мальчики добавляли категорию «секс», о которой девочки почти не говорили. Было очевидно, что на подобного рода мечтах ребята не особо концентрировались. По крайней мере, этим можно объяснить факт возвратов к теме. «А я еще подумала, ведь даже как-то не позволяла себе об этом мечтать. Ну, о свадьбе – да, о платье... А вот как мы жить будем. Я бы хотела, чтобы он был мне как Оляка, моя подружка, чтобы рассказать можно было все-все...»

Часто встречались образы, взятые из рекламы, сериалов и фильмов. Их характеризовала эпизодичность: «Вот, чтобы он меня так же на руках носил, и ходил все время за мной...» При этом вопросы: «А почему он тебя станет носить на руках, что будет после того, как он поносит тебя на руках?..» – явно ставили в тупик. Своеобразные фрагменты без начала и конца, без причины и следствия. Но во многом они оправданы отсутствием социального опыта.

Основным итогом подросткового возраста считается достижение нового уровня самосознания. К окончанию подросткового возраста человеку необходимо составить о себе и окружающем мире целостное представление, найти ресурс для дальнейшего роста, суметь принять свои недостатки, пройти первые

А.В. Кулешова

серьезные опыты побед и неудач, любви и разочарований... Этот, пожалуй, самый серьезный период в жизни человека, безусловно, связан с тяжелыми, но одновременно и яркими переживаниями, опытами. Как и прочие возрасты человека, подростковость не может быть интерпретирована однозначно; равно и категории подросткового возраста не должны рассматриваться сквозь призму конструктов взрослых. Необходимо найти ресурс и начать принимать подростковость без «моральных паник», которые в конечном счете образуют замкнутый круг, ставя под угрозу жизнь и здоровье подростков. Если сама формулировка «подростковые субкультуры» перестанет ассоциироваться с наркотиками, первая любовь с ранней беременностью, а сам подростковый возраст с агрессией, наверное, у подростков появится шанс быть какими-то еще, кроме как кризисными.

Примечания

- ¹ Отношение – усвоенная постоянная тенденция особым образом воспринимать людей либо ситуации и относиться к ним. Есть несколько определенных термина – Олпорт, Габер и Фрид, Роуквич. Одни считают, что имеющееся в наличии отношение ведет к определенному поведению, другие – что оно существует только мысленно, так как открытое поведение может определяться ситуациями. Поэтому целесообразно выделять три элемента: когнитивный (убеждения и идеи); эмоциональный (ценности и эмоции); поведенческий (предрасположенность к действию или деятельности).
- ² Исследование проведено в Москве в марте–мае 2005 г. Выборка – 80 человек.

Литература

1. *Abrams M.* The Teenage Consumer / M. Abrams. London: Press Exchange, 1959.
2. *Епанова Ю.В.* Функции сексуальной символики в субкультуре тинейджеров // Социальные процессы и молодежь: взгляд в будущее: Мат-лы VI Международной научно-практ. конф. Самара, 2004.
3. *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988.
4. Материалы портала «Фонд развития Интернет» // www.fid.su.
5. *Becker B.* To be in touch or not? Some remarks on communication in virtual environments. 1997.
6. *Сорокин В.М.* Наркотики и подростковая субкультура // Сб. тез. Междунар. конф.: «Подросток и молодежь в меняющемся обществе (проблемы девиантного поведения». М., 2001. С. 104–106.

7. *Косарецкий С.Г., Косарецкая С.В.* Молодежные субкультуры как фактор наркотизации.
8. *Щепанская Т.Б.* Субкультуры // Т.Б. Щепанская. Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 12–24.
9. *Курчашова Т.В., Морева С.Н.* Неформальные объединения молодежи и проблема их взаимодействия в сфере досуга // Соц. технология в сфере культуры и досуга. Тамбов: ТГУ, 2001.
10. *Омельченко Е.Л.* Молодежные культуры и субкультуры. М.: Ин-т социологии РАН, 2000.
11. *Колесов Д.В.* Эволюция психики и природа наркотизма М.: Модэк, 2006. 12. *Макеева А.Г.* Педагогическая профилактика наркомании в школе. Б-ка журн. «Директор школы». М., 1999. Вып. 5.
13. *Митрофанова С.Ю.* Концептуализация основных подходов к изучению детства в социологии // Центр изучения молодежи «Поколения.NET».
14. *Иконникова С.Н.* Защитный пояс культуры и стратегия отношения к детству. Дети и старики как группы риска: миссия социальной работы в обществе переходного типа // Сб. ст. и мат-лов Междунар. конф. (15–17 мая 2000). Самара, 2001. С. 15.
15. *Левикова С.И.* Молодежная субкультура: Учеб. пособ. М., 2004.
16. *Ковальчук С.Ю.* Проблемы субкультурной стратификации в современном мире // Конф. «Третий Российский философский конгресс “Рационализм и культура на пороге III тысячелетия”» // М.: ИФ РАН.
17. *Птицына Н.А., Крохина Е.А.* Общественное объединение как фактор, влияющий на формирование толерантности подростков // Центр изучения молодежи «Поколения.NET».
- 18.1. Профилактика агрессивных и террористических проявлений у подростков / Под ред. И.И. Соковни. М.: Просвещение, 2005.
18. *Зоуир А.А.Р.* Кросскультурное изучение агрессивного поведения у подростков России и Йемена. СПб., 1999.
19. *Мещанинова Т.А.* Педагогика толерантности (специальный курс): Метод. реком. для студ. гуманит. ф-тов вузов. Иваново, 2003.
20. *Хаавио-Маннила Э., Пурхонен С., Турунен Т.* Стройность и самооценка сексуальной привлекательности: сравнительный анализ культурных идеалов // В поисках сексуальности: Сб. статей / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2002.
21. *Харламенкова Н.Е.* Первая любовь // www.psyparents.ru
22. *Харламенкова Н.Е.* Самоутверждение подростка. М., 2004.
23. *Бороденко М.В., Колясникова М.В., Петровский В.А.* Феномен гетерогенности пола // Мир психологии. М., 2001. № 4. С. 185–192.
24. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2001. С. 73.
25. *Кулешова А.В.* Сценарии и образы первой любви подростков // Междунар. конф. «Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность». Тольятти, 2005.

Социология здравоохранения

А.И. Дубинина

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ СИТУАЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ (на примере программы дополнительного лекарственного обеспечения)

Последние годы охарактеризовались для российской системы здравоохранения как время перемен. Попытки осуществить реформы предпринимались с начала 1990-х годов, однако в связи с недостаточным финансированием и низкой приоритетностью здравоохранения фактически все оставалось только на бумаге. Несмотря на то что, к примеру, в 1996 г. были приняты основные положения о федеральных целевых программах в системе здравоохранения, детально продумываться и претворяться в действительность они начали лишь с 2002 г.

С 2005 г. на территории Российской Федерации вступила в действие программа дополнительного лекарственного обеспечения (ДЛО). Согласно данной программе были выделены 20 льготных категорий населения, имеющих право на получение бесплатных лекарственных средств по выписке врача (см. примечания).

Однако участие в программе ДЛО изначально содержало в себе ряд проблем. С одной стороны, льготник имеет право на получение бесплатных лекарственных средств, причем число и стоимость препаратов для человека не лимитированы. С другой стороны, ограничения на выписку бесплатных лекарственных средств существуют для врача, поэтому именно врач определяет, какие препараты и в каком объеме он может выписать. Кроме того, наличие рецепта врача на получение бесплатных лекарственных средств отнюдь не гарантирует льготнику оперативное получение препарата. Зачастую приходится ждать месяц и более, прежде чем выписанное лекарственное средство поступит в аптеку в бесплатный отпуск. Подобные задержки в поставках лекарственных средств главным образом связаны с несвоевременной оплатой государством препаратов, заказываемых у фармацевтических дистрибьюторов.

Скандал, разгоревшийся вокруг реализации программы ДЛО в 2006–2007 гг., связан с задолженностью государства ком-

паниям-производителям и дистрибьюторам около 36 млрд руб. за отпущенные лекарственные средства. Это значит, что за 2006 год было отпущено лекарств на 36 млрд руб. больше, чем планировалось в бюджете. Несмотря на то что в начале 2007 г. президентом России был подписан закон, согласно которому дополнительно выделено 16 млрд руб. на погашение долга по поставкам лекарств в рамках программы ДЛО за 2006 г., долг государства остается и составляет около 20 млрд руб. Сегодня речь идет уже о кризисе в реализации программы ДЛО. Так, в марте 2007 года от должности руководителя Росздравнадзора освобожден Рамил Хабриев. В ходе предпринятых проверок в регионах было зафиксировано нерациональное использование средств по программе ДЛО. По данным АМИ-ТАСС, в регионах повсеместно распространено несоответствие выписанных рецептов диагнозу пациента (например, врачи-гинекологи назначают препараты мужчинам для лечения экзотических заболеваний) либо злоупотребление предоставленным врачу правом по отпуску лекарственных средств (были выявлены случаи, когда врачом осуществлялась выписка до 10 тыс. рецептов для одного пациента в год)¹.

Существующие проблемы с самого начала обусловили выход из программы большого числа льготников. Отказ от участия в программе ДЛО компенсируется ежемесячными выплатами в размере 300 руб. Люди, вышедшие из программы, лишаются возможности получения бесплатных лекарственных средств и вынуждены покупать медикаменты самостоятельно.

С начала реализации программы и до настоящего момента к системе ДЛО подключены около 10% граждан РФ без учета отказников, т. е. более 14 млн человек, из них получают бесплатные лекарственные средства 8,7 млн. На государственном уровне планируется увеличивать долю людей, включенных в программу, однако есть риск, что нерешенные проблемы со своевременной поставкой лекарственных средств приведут к увеличению числа отказников и дальнейшему кризису программы.

Но даже несмотря на все трудности, возникающие в ходе реализации программы ДЛО, общественная значимость ее сохраняется. Для того чтобы представить себе характер и масштаб проводимых мероприятий, достаточно обратиться к некоторым цифрам. Только в 2005 г. для участия в программе было привлечено около 22 тыс. лечебно-профилактических учреждений, что составляет приблизительно 90% от всех ЛПУ Российской Федерации. Более 130 тыс. врачей различных специальностей были включены в программу и получили право выписывать бесплатные лекарственные средства. В свою очередь, льготные препара-

А.И. Дубинина

ты отпускались более чем в 10 тыс. аптеках и 12 тыс. специализированных пунктах отпуска. Общий объем отпуска лекарств по программе ДЛО в 2005 г. составил 1,3 млрд, а в 2006 г. – 2,5 млрд долл. США в ценах поставки, что равно 35% от всего фармацевтического рынка [1, с. 74].

Список ДЛО меняется каждый год. Изменения связаны с тем, что льготникам требуются, как правило, дорогостоящие препараты, направленные на лечение сложных заболеваний. При этом согласно классификации, существующей на фармацевтическом рынке, все лекарственные препараты подразделяются на инновационные и дженериковые.

Управление по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными препаратами (FDA, США) классифицирует инновационный препарат в двух измерениях: новое активное вещество (химическая субстанция), ранее не используемое, или известное активное вещество, которое применяется в другой дозе либо иным способом поступает в организм [2]. Использование инновационных препаратов в медицинской практике в значительной степени повышает эффективность лечения, в том числе применительно к заболеваниям, которые считались неизлечимыми. Применение инновационных лекарственных средств постепенно приводит к отказу от устаревших препаратов как менее эффективных в лечении больных. Для того чтобы препарат был признан инновационным, он должен пройти многочисленные клинические испытания и подтвердить свою эффективность и безопасность. На выведение препарата на рынок в качестве оригинального специалистом часто требуется 10–20 лет.

В свою очередь, дженериковые препараты представляют собой лекарственные средства, выпускаемые производителями в качестве копий на инновационные препараты с истекшим сроком действия патента. Данные бренды не проходят клинических испытаний, поэтому стоят на 20–80% дешевле своего оригинала. Иногда дженерики называют легальной подделкой, поскольку состав и активные вещества инновационных и дженериковых препаратов совпадают, однако аналогичность брендов по сравнению с их оригиналами не доказана.

В 2005 г. с началом реализации программы ДЛО в список льготных препаратов входило 75% дженериковых и 25% инновационных лекарственных средств. Однако лечение категорий населения, признанных льготными, как уже отмечалось выше, требует современных препаратов с максимальной эффективностью. По этой причине производители инновационных препаратов уже два года активно выступают за увеличение доли ориги-

нальных брендов в списке ДЛО. В первом полугодии 2006 г. доля инновационных препаратов была увеличена до 31%, сейчас она составляет 40%.

Та же тенденция характерна и для структуры импортных и отечественных лекарственных средств в перечне брендов в программе ДЛО. С начала 2005 г. до настоящего момента доля импортных препаратов увеличилась с 45,5% до 91,1%. Поскольку импортные препараты считаются более эффективными по сравнению с отечественными, то приоритеты в выборе постепенно склоняются именно в сторону лекарств зарубежного производства. Но таким образом происходит удорожание списка ДЛО: даже когда речь идет об аналоговых средствах импортного и отечественного производства, предпочтение отдается первым. При дальнейшем увеличении доли инновационных и импортных лекарственных средств, должен вырасти и бюджет на программу ДЛО. Однако в 2007 г. рынок ДЛО стагнирует, поскольку долж государства дистрибьюторам за 2006 год до сих пор не погашен, и многие компании сокращают объем поставок в рамках ДЛО или полностью выходят из программы.

Со вступлением в силу программы дополнительного лекарственного обеспечения зафиксировано увеличение потребления лекарственных средств участниками программы. Связано это с тем, что появилась возможность получать бесплатное лечение – то, которое ранее участники программы, как правило, не могли себе позволить.

Однако аналитиками выявлен феномен, сдерживающий выписку льготных лекарственных средств, – так называемый эффект эконома. Суть его сводится к тому, что врач опасается выписывать пациенту дорогие препараты, поскольку помнит программы-предшественницы ДЛО, бюджет которых был весьма ограничен [1, с. 74–75]. Кроме того, для российских врачей характерен недостаточный уровень осведомленности об инновационных препаратах и практически полное отсутствие опыта применения таких средств в лечебной практике. Этот недостаток знания связан с плачевным состоянием системы информирования и образования врачей. Во-первых, научные медицинские издания выписываются лечебно-профилактическими учреждениями во все меньшем и меньшем объеме, во-вторых, такие мероприятия, как конгрессы, конференции и т. д., проводятся не так часто. В-третьих, деятельность компаний-производителей по продвижению дорогостоящих инновационных препаратов до 2005 г. велась довольно вяло, поскольку пациенты в большинстве своем не могли их приобрести самостоятельно.

А.И. Дубинина

Для того чтобы оценить результаты реализуемых мероприятий в рамках программы ДЛО не только на макро-, но и на микроуровне, необходимо обратиться к исследованиям по измерению удовлетворенности программой непосредственно льготных категорий населения.

В августе 2006 г. центром маркетинговых исследований «Фармэксперт» было предпринято комплексное социологическое исследование «Оценка населением ситуации в сфере медицинского обслуживания: качество предоставляемых бесплатных медицинских услуг, а также оценка ситуации в сфере льготного лекарственного обеспечения» (под руководством автора). В ходе проекта использовался метод стандартизированного интервью.

В исследовании приняли участие 1644 респондента из 66 регионов Российской Федерации. Выборка репрезентативна относительно льготных категорий населения. Для отбора респондентов в анкету был включен вопрос-фильтр: «Имеете ли Вы или члены Вашей семьи в настоящее время право на льготное приобретение лекарственных средств?»

Социально-демографический портрет льготника характеризуется следующим образом: женщина старше 60 лет со средним или средне специальным образованием, неработающая пенсионерка с доходом до 7 тыс. рублей, инвалид 1–3 степени.

Поскольку в 2005 г. аналогичное исследование проводилось ВЦИОМом, особую важность представляет возможность проследить в динамике изменения в программе ДЛО по оценкам льготных категорий граждан.

Результаты исследования, проведенного в 2006 г., показывают, что основными проблемами программы ДЛО для льготных категорий граждан являются большие очереди к врачу для выписки льготного рецепта (70,8% респондентов сталкиваются с этой проблемой практически всегда либо довольно часто) и отсутствие нужного бесплатного лекарства в аптеке в момент обращения (57,4% соответственно) (табл. 1). Если первая проблема характерна, скорее, для всей системы бесплатного медицинского обслуживания, то вторая характеризует ход реализации программы ДЛО. Больше половины льготников не имеют возможности вовремя получить бесплатное лекарство, выписанное им по рецепту. Это весьма настораживающий факт, свидетельствующий о дисфункции системы.

Таблица 1

Основные проблемы, с которыми сталкивались льготники
в 2006 г.

Проблема	Практически всегда	Довольно часто	Достаточно редко	Практически никогда	Затрудняюсь ответить
Большие очереди к врачу для выписки льготного рецепта	45	25,8	13	14,1	1,9
Большие очереди в аптеках за получением бесплатных лекарств	11	21	28,5	37	2,6
Отсутствие нужного бесплатного лекарства в аптеке в момент обращения	15	42,4	28,4	12	2,3
Нужное лекарство не входит в список ДЛО	10	28,3	24,7	27,9	8,8

Интересен тот факт, что сами льготники оценивают работу аптек и врачей, включенных в программу ДЛО, довольно позитивно либо нейтрально, в то время как вину за существующие проблемы возлагают на органы местной власти (табл. 2). Связано это с тем, что врачи и работники аптек пытаются на местах разъяснить льготникам сложившуюся ситуацию в выписке и отпуске бесплатных лекарственных средств. Кроме того, люди привыкли винить во всем власть, что в данной ситуации оправданно, о чем говорит скандал вокруг распределения денежных средств по программе ДЛО.

При отсутствии выписанного по льготе лекарственного средства в аптеке в 40,5% случаев люди приобретают необходимые препараты за свои деньги. В 29% случаев вынуждены ждать появления лекарства, причем в среднем период ожидания составляет около 15 дней. 30,5% респондентов действуют по ситуации: или ждут выписанные препараты в бесплатном отпуске, или покупают за свои деньги.

Оценка работы основных структурных составляющих программы ДЛО, %

	Очень плохо	Плохо	Ни хорошо, ни плохо	Хорошо	Отлично	Затрудняюсь ответить
Работа аптек, участвующих в программе ДЛО	4	9	33	34	18	1
Работа врачей, отвечающих за выдачу рецептов на бесплатные лекарства	5	9	29	36	22	1
Деятельность местных властей	17	21	36	17	4	5

Сумма, затрачиваемая льготными категориями граждан на лекарственные средства, которых в момент обращения не оказалось в бесплатном доступе, довольно значительна: она составляет в среднем 1032 руб. в месяц (первая половина 2006 г.). А это примерно треть от дохода самих льготников (если рассматривать доход пенсионеров и инвалидов). Столь значимые в долевом отношении затраты свидетельствуют о неэффективности системы дополнительного лекарственного обеспечения в целом. Причем из табл. 3 видно, что за прошедший год наметилась тенденция к увеличению суммы, затрачиваемой льготниками на лекарства по бесплатному рецепту, это характерно практически для всех регионов.

На макроуровне реализация программы дополнительного лекарственного обеспечения оказалась крайне неэффективной. Сами льготники недовольны результатами программы. По итогам исследования 2006 г., 50% респондентов полностью или частично недовольны льготным лекарственным обеспечением (в 2005 г. такое отношение выразили 57%), в свою очередь, доля полностью или частично довольных – 46% (в 2005 г. – 38%). Таким образом, за прошедший год уровень удовлетворенности программой ДЛО немного повысился, однако незначительно.

Таблица 3

Суммы, затрачиваемые льготниками в месяц на лекарства,
отсутствующие в выдаче по ДЛО
(в среднем по региону, руб.)

	Вторая половина 2005 г.	Первая половина 2006 г.
Северо-Западный	1280	1319
Сибирский	828	726
Приволжский	1203	1276
Уральский	1491	1327
Южный	1657	1781
Центральный	700	753
Дальневосточный	988	1100
Вся Россия	988	1032

Вместе с тем у людей появилось доверие к программе – и это позитивный результат. Данный вывод можно сделать, судя по числу льготников, намеревающихся остаться в ДЛО. Если в 2005 г., когда программа ДЛО только была запущена, 55% респондентов выразили намерение выйти из программы, а 37% подтвердили свое желание остаться в ней, то к 2006 г. это соотношение изменилось: соответственно, 24% собираются выйти из программы и 67% – остаться в ней.

Вместе с тем стоит учитывать, что исследование проводилось до кризиса начала 2007 г., когда фактически приостановились поставки лекарственных средств в аптеки. Предполагается, что в связи с последними событиями число неудовлетворенных программой должно значительно увеличиться. Возможно, параллельно увеличится доля отказников. Однако государством предпринимаются меры по выведению программы из кризиса, и именно от предпринимаемых мер зависит дальнейшая судьба федеральных программ такого уровня и направленности.

Приложение

К льготным категориям граждан в 2006 г. относились следующие группы населения РФ:

- инвалиды войны;
- участники Великой Отечественной войны, ставшие инвалидами;
- военнослужащие, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных во время военной службы;
- участники Великой Отечественной войны;
- военнослужащие, не входившие в состав действующей армии в годы ВОВ;
- лица, работавшие в период Великой Отечественной войны на объектах противовоздушной обороны;
- лица, награжденные знаком «Жителю блокадного Ленинграда»;
- ветераны боевых действий:
 - 1) военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях при исполнении служебных обязанностей в других государствах, а также на территории Российской Федерации;
 - 2) военнослужащие, участвовавшие в операциях при выполнении правительственных боевых заданий в период с 10 мая 1945 г. по 31 декабря 1951 г., в том числе в операциях по боевому тралению в период с 10 мая 1945 г. по 31 декабря 1957 г.;
 - 3) военнослужащие автомобильных батальонов, направлявшиеся в Афганистан для доставки грузов в период ведения там боевых действий;
 - 4) военнослужащие летного состава, совершавшие с территории СССР вылеты на боевые задания в Афганистан в период ведения там боевых действий;
- члены семей погибших (умерших) инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны и ветеранов боевых действий;
- члены семей погибших в Великой Отечественной войне лиц из числа личного состава групп самозащиты;
- члены семей военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей);
- члены семей военнослужащих, погибших в плену, признанных в установленном порядке пропавшими без вести в районах боевых действий;
- бывшие несовершеннолетние узники концлагерей, гетто, других мест принудительного содержания;
- бывшие несовершеннолетние узники концлагерей, гетто,

других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период Второй мировой войны;

– инвалиды (III степень);

– инвалиды (II степень);

– инвалиды (I степень);

– дети-инвалиды;

– инвалиды, не имеющие степени ограничения способности к трудовой деятельности;

– другие, в том числе малоимущие семьи и одиноко проживающие граждане, граждане СНГ, иностранцы и т. д.

Примечание

- 1 Результаты проверок подтвердили нерациональное использование в регионах средств по программе ДЛО (Фармацевтический вестник. 11.04.2007 г.).

Литература

1. Федеральная программа дополнительного лекарственного обеспечения // Российский фармацевтический рынок. Итоги 2005 года. Годовой отчет. Кол. авторов компании «Фармэксперт» под руководством Мелик-Гусейнова Д.В. 2006 год.

Электронные ресурсы

2. *Безюк Н.Н.* Инновационные препараты – стандарт с доказанной эффективностью и безопасностью // адрес доступа: <http://www.bioss-ms.ru/php/content.php?id=872&pr=print>

М.Н. Товкач

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
И УСЛОВИЯ ЕЕ СНИЖЕНИЯ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(на примере Карелии)

В последние годы одной из наиболее острых социальных проблем Российской Федерации является резкое снижение уровня здоровья и повышение смертности населения. По данным официальной статистики, ожидаемая продолжительность жизни россиян составляет сейчас чуть больше 65 лет, что на 14 лет меньше, чем в Германии или Австрии. Еще большие разрывы наблюдаются порой в показателях смертности. Так, например, смертность от внешних причин (несчастных случаев, убийств и самоубийств) в России почти в 8 раз больше, чем в Великобритании [3, с. 43]. К сказанному надо добавить также и то, что показатели заболеваемости и смертности населения разных субъектов Российской Федерации отличаются иногда в несколько раз. Например, показатели смертности среди жителей Белгородской области почти в 2 раза ниже, чем в Псковской или Новгородской областях [3, с. 37]. Описанные факты дают понять, насколько важное значение в современной России имеет тема охраны здоровья населения и особенно ее региональный аспект.

В представленной статье дается краткая характеристика состояния здоровья жителей Республики Карелия, одного из северных регионов нашей страны. Так как здоровье является комплексной величиной, определяемой множеством показателей, нами будет сделан упор лишь на важнейшие из них, а именно на показатели численности и естественного воспроизводства населения, заболеваемости и инвалидности.

Итак, численность населения Республики Карелия неуклонно снижается уже на протяжении многих лет. Причинами этого являются естественная убыль населения, характерная для большинства регионов России, а также отток населения в другие субъекты Федерации, более благополучные по своему географическому, социальному и экономическому положению. В 2005 г. число умерших превысило число родившихся на 5,6 тыс. человек

(в 1,8 раза). Таким образом, ситуация практически не изменилась по сравнению с 2004 г. В абсолютном исчислении население республики уменьшилось за год на 276 человек. В пересчете на 1000 человек уровень рождаемости уменьшился почти на 3%. Для справедливости необходимо отметить, что в 2005 г. в некоторых районах Карелии отмечалось увеличение рождаемости [7].

Число умерших в Карелии в 2005 г. сократилось на 413 человек, с 13,1 тыс. человек в 2004 г. до 12,7 тыс. Таким образом, общий коэффициент смертности снизился на 2,2%, составив по республике 18,1 в расчете на 1000 человек [7]. Нужно отметить, что смертность среди населения республики была и остается выше, чем в целом по Российской Федерации. В последние годы разрыв в значениях этого показателя варьировался от 8% в 2000 г. до 21% в 2003 г. После 2003 г. уровень смертности в Карелии стал снижаться, и в 2005 г. его преобладание над общероссийским показателем составило 12% [7].

Основными причинами смерти карельского населения по-прежнему остаются болезни системы кровообращения, несчастные случаи, отравления и травмы, а также новообразования (см. табл. 1). Удельный вес лиц, умерших от указанных выше причин, в общем числе умерших составлял в 2005 г. более 80%. По сравнению с 2004 г. на 25% увеличилось число умерших от инфекционных и паразитарных болезней, треть из них умерли от туберкулеза. Число умерших от болезней нервной системы возросло на 21%, а от болезней органов пищеварения – на 18%. С другой стороны, по сравнению с 2004 г. количество умерших от болезней органов дыхания сократилось на 7%, от несчастных случаев, отравлений и травм – на 6%, от болезней системы кровообращения – на 4% [4, с. 10]. По ряду причин смерти, например от инфекционных болезней, болезней органов дыхания, новообразований, смертность в республике даже ниже, чем в целом по России. С другой стороны, по таким группам болезней, как болезни системы кровообращения и органов пищеварения, а также по группе внешних причин смерти уровень смертности в Карелии выше общероссийских значений [4, с. 6].

На фоне позитивных изменений в общей смертности населения Республики Карелия тревогу вызывают показатели смертности детей в возрасте до одного года. По оценке демографов, уровень младенческой смертности в 2005 г. составил 10,4 детей в возрасте до одного года на 1000 родившихся, против 9,7 в 2004 г. Младенческая смертность за год выросла более чем на 7%. Основными причинами смерти новорожденных являются состояния, возникающие в перинатальный период, т. е. заболевания, тесно связанные со здоровьем матери, и врожденные аномалии [7].

Смертность населения Карелии и РФ
по основным классам причин смерти в 2005 г.
(на 100 тыс. человек)

	Республика Карелия ¹	Российская Федерация ²	Разница ³ , %
Всего умерших	1806,2	1609,9	12,2
Из них:			
от болезней системы кровообращения	979,0	908,0	7,8
от внешних причин смерти	279,6	220,7	26,7
от новообразований	199,3	201,2	-0,9
от болезней органов дыхания	63,5	66,2	-4,1
от болезней органов пищеварения	72,1	65,5	10,1
от некоторых инфекционных и паразитарных болезней	24,9	27,2	-8,5

Примечания.

- ¹ По данным ГУЗ «Республиканский медицинский информационно-аналитический центр».
- ² По данным Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ).
- ³ Различие показателей смертности в Карелии и РФ в процентах от общероссийских.

Уровень смертности женщин в Карелии в 2005 г. был более чем на треть ниже уровня смертности мужчин. Основными причинами женской смертности являются болезни системы кровообращения, на их долю приходится 64% от общего числа умерших женщин. На втором месте среди причин смертности женщин стоят новообразования (11%), на третьем – несчастные случаи, отравления и травмы (8%). Структура мужской смертности в основных чертах подобна показателям женской [4, с. 10].

Высокий уровень смертности, особенно в рабочих возрастах, сказывается на показателе ожидаемой продолжительности

жизни населения Карелии. В настоящее время средняя продолжительность жизни женщин в республике – 70 лет, а мужчин – 55 лет. Для жителей сельских районов разрыв в ожидаемой продолжительности жизни несколько меньше и составляет 16 лет. Средний возраст женщин Республики Карелия в настоящее время равняется 40 годам, что на 5 лет больше, чем у мужчин [7].

Если попытаться в целом оценить ситуацию с заболеваемостью населения Карелии, то приходится сделать неутешительный вывод, что на данный момент в республике нет практически ни одного человека, который бы не страдал от того или иного заболевания. Показатель первичной заболеваемости за период 1996–2005 гг. в Карелии возрос более чем на 27% и превысил рубеж в 1000%. Так же как и в случае с показателями смертности, уровень заболеваемости населения Республики Карелия на протяжении длительного времени остается выше, чем в целом по Российской Федерации. Однако если в середине 1990-х годов показатели первичной заболеваемости в республике превышали общероссийские приблизительно на 23%, то в начале XXI в. разрыв увеличился, достигнув максимума в 2003 г. (около 45%). В дальнейшем в Карелии отмечалось снижение абсолютных значений заболеваемости, что привело к некоторому сближению общероссийских и республиканских показателей (в 2005 г. – 33%) [6].

Согласно данным статистики, за 1995–2005 гг. в Карелии на две трети увеличилась заболеваемость новообразованиями, более чем в 2 раза возросло количество больных с заболеваниями органов кровообращения и мочеполовой системы [3, с. 78, 82]. На высоком уровне находятся показатели заболеваемости болезнями органов дыхания и кожно-мышечной системы. Велико также число травм и отравлений. Если рассмотреть структуру заболеваемости населения Республики Карелия, то можно отметить, что в 2005 г. она была практически идентичной общероссийской (табл. 2). Также нужно обратить внимание на тот факт, что практически по всем основным классам заболеваний показатели по Карелии выше, чем в среднем по России. Наибольшее превышение наблюдается по врожденным аномалиям (58,8%), болезням мочеполовой системы (55,8%) и болезням уха (53,5%). Только по болезням крови и осложнениям беременности заболеваемость в Карелии ниже, чем в Российской Федерации (на 2,2% и 11,8% соответственно) [2,6].

Также необходимо отметить, что в Карелии наблюдается очень высокая заболеваемость гриппом и острыми респираторными заболеваниями. Так, в 2004 г. число заболевших гриппом в пересчете на 100 000 человек по республике составило 1642 че-

М.Н. Товкач

ловека, что почти в 2,5 раза превосходит средние показатели по стране. Ситуация с инфекциями верхних дыхательных путей менее драматична, хотя и ее нельзя признать удовлетворительной. В 2004 г. показатели заболеваемости этой группой болезней были в Карелии выше общефедеральных на 37% [3, с. 94].

Таблица 2

Первичная заболеваемость населения Карелии и РФ
по основным классам болезней в 2005 г.
(число лиц с впервые установленным диагнозом на 1000 чел.)

	Республика Карелия ¹	Российская Федерация ²	Разница ³ , %
Все болезни	993,5	745,9	33,2
Из них:			
органов дыхания	378,8	295,3	28,3
травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	113,4	90,2	25,7
кожи и подкожной клетчатки	72,8	49,8	46,2
мочеполовой системы	72,0	46,2	55,8
некоторые инфекционные и паразитарные болезни	54,6	37,4	46,0
органов пищеварения	37,7	35,5	6,2
глаза и его придаточного аппарата	40,3	33,7	19,6
костно-мышечной системы и соединительной ткани	49,0	33,4	46,7
уха и сосцевидного отростка	37,0	24,1	53,5
системы кровообращения	25,1	23,1	8,7
нервной системы	16,7	15,3	9,2
эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	14,2	9,6	47,9
новообразования	11,8	9,6	22,9

Заболеваемость населения и условия ее снижения...

	Республика Карелия ¹	Российская Федерация ²	Разница ³ , %
крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	4,5	4,6	-2,2
врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	2,7	1,7	58,8
осложнения беременности, родов и послеродового периода ⁴	55,5	62,9	-11,8

Примечания.

- 1 По данным ГУЗ «Республиканский медицинский информационно-аналитический центр».
- 2 По данным Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ).
- 3 Различия показателей заболеваемости в Карелии и РФ в процентах от общероссийских.
- 4 В расчете на женщин репродуктивного возраста.

В отношении группы так называемых заболеваний социального характера ситуация в Республике Карелия довольно неоднозначна. В целом эпидемиологическая ситуация в 2005 г. улучшилась по сравнению с предшествующими годами. За период 2002–2005 гг. заболеваемость инфекциями, передаваемыми половым путем, уменьшилась на 23%, сифилисом – на 69%. Тем не менее уровень заболеваемости этими недугами по-прежнему выше, чем в среднем по Российской Федерации. Например, уровень заболеваемости гонореей в 2005 г. в Карелии был в 2 раза выше общероссийского. Также ежегодно растет число выявленных ВИЧ-инфицированных: в 2003 г. оно составляло 4,25 на 100 тыс. человек, в 2004 г. – 7,9, в 2005 г. – 10,0 [5, с. 7].

В 2005 г. показатели заболеваемости гепатитом В и С, а также сахарным диабетом были несколько выше общефедеральных, хотя в этих случаях разрыв не был столь значительным. Показатели заболеваемости активным туберкулезом в Карелии на протяжении нескольких лет оставались стабильны-

М.Н. Товкач

ми, 62,4–62,6 на 100 тыс. человек. Это примерно на 9–10% ниже общероссийского уровня. Кроме того, несколько меньше, чем в среднем по стране, в Карелии регистрируется лиц с заболеваниями, характеризующимися повышенным артериальным давлением [5, с. 7].

В течение 2002–2005 гг. общая наркологическая заболеваемость в республике увеличилась на 15%. В основном это произошло за счет алкогольной патологии и токсикомании. Заболеваемость алкогольными психозами выросла за названный период на 26%, алкоголизмом – на 9%, токсикоманиями – на 35%. Заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами была в 2005 г. в Карелии на 76% выше общероссийской. С другой стороны, заболеваемость наркоманией за то же время уменьшилась на 89% [5, с. 7].

Довольно высокими остаются в Карелии и показатели инвалидности. Они более чем на 30% превышают общенациональные. При этом тенденция такова, что общее число инвалидов в республике увеличивается. За период 2001–2005 гг. рост составил около 7% [3, с. 196]. Среди причин этого явления в Карелии преобладают болезни системы кровообращения, которые определяют почти 70% всех случаев инвалидности в республике. Некоторый оптимизм в описываемой ситуации вселяют показатели детской инвалидности. Здесь тенденция такова, что число детей-инвалидов в республике в последние годы становится меньше, хотя темпы этого процесса крайне низки. Начиная с 2002 г. уменьшение составило около 2% [7].

Общим выводом из всего сказанного может стать утверждение, что здоровье населения Республики Карелия оставляет желать много лучшего. Негативные составляющие сложившейся ситуации явно перевешивают по своей значимости немногие позитивные явления. Очевидно, что описанные проблемы не имеют одной, строго определенной причины. Свой вклад в существующее положение дел вносят множество факторов и условий. Во-первых, необходимо упомянуть географическое положение Карелии, часть территории которой отнесена к районам Крайнего Севера. Неблагоприятный температурный баланс и высокая влажность воздуха не могут не оказывать влияния на рост заболеваемости, особенно болезней органов дыхания. Во-вторых, нужно отметить неблагоприятную экологическую обстановку некоторых районов республики. Эта проблема стоит особенно остро в промышленных центрах Карелии, так как основными отраслями ее экономики являются целлюлозно-бумажная промышленность, деревообработка, черная и цветная металлургия. В-третьих, надо упомянуть о низком уровне жизни карельского

населения, более 20% которого живут за чертой бедности [7]. На действие этой причины косвенным образом указывает, например, высокий уровень смертности от отравления алкоголем, превышающий общероссийский почти в 3 раза [5, с. 20], а также высокий уровень заболеваемости так называемыми болезнями социального характера. В качестве причин второго порядка, усугубляющих плохое состояние здоровья населения Карелии, необходимо назвать высокий уровень износа промышленных мощностей на предприятиях республики, что приводит к большим показателям производственного травматизма, а также высокий уровень преступности в регионе.

Перечисление причин неблагоприятных тенденций заболеваемости и смертности в Карелии не было бы полным без упоминания о тяжелом состоянии системы здравоохранения региона. Ведь именно на плечи медицинских работников в первую очередь ложится бремя по урегулированию сложившейся тяжелой ситуации. На конец 2005 г. в Республике Карелия насчитывалось 321 учреждение здравоохранения, в том числе 53 больницы, 51 амбулаторно-поликлиническое учреждение, 200 фельдшерско-акушерских пунктов, 1 дом ребенка и 10 домов сестринского ухода [1, с. 6]. Всего в сфере здравоохранения Карелии на конец 2005 г. было задействовано 18 467 человек (в 2000 г. – 18 783), из которых 2824 человека (в 2000 г. – 2962) – врачи различных специальностей, а 7920 человек (в 2000 г. – 8433) – средний медицинский персонал [1, с. 11].

Принимая во внимание негативную динамику численности населения, можно отметить, что за период 2000–2005 гг. обеспеченность жителей Карелии врачами различных специальностей возросла приблизительно на 4%, составив в 2005 г. 43,8 врачей на 10 000 человек населения. Это несколько ниже значения аналогичного показателя для России в целом, равнявшего в том же году 48,8 врачей на 10000 человек населения [1, с. 21]. Даже такая небольшая разница (чуть больше 11%) уже вызывает опасения, учитывая, что уровень заболеваемости в Карелии на 23% выше общефедерального. Эти опасения только усилятся, если рассмотреть обеспеченность медицинскими кадрами отдельных районов республики. Прежде всего, можно установить, что более половины всех врачей практикуют в столице Карелии городе Петрозаводске. В силу этого обеспеченность населения этого города медицинскими кадрами составляет 63 врача на 10000 человек населения [1, с. 21]. А, например, в Питкярантском и Кондопожском районах значение описываемого показателя составляет около 29 врачей на 10000 человек населения. Причем это одни из

М.Н. Товкач

самых высоких значений. С другой стороны, в Муезерском и Кемском районах, где обстановка наименее благоприятна, уровень обеспеченности еще в 2 раза ниже (около 14 врачей на 10 000 человек населения).

Неутешительными являются и цифры по отдельным врачебным специальностям. Например, уровень обеспеченности терапевтами и хирургами в Карелии приблизительно в 2 раза ниже, чем в целом по России, уровень обеспеченности педиатрами ниже в 1,5 раза, а акушерами-гинекологами – приблизительно на 20% [1, с. 6] (табл. 3).

Схожие выводы можно сделать, если рассмотреть показатели обеспеченности средним медицинским персоналом. Динамика обеспеченности жителей Карелии этой группой медицинских работников не была однонаправленной. Так, в 2002 г. значение этого показателя достигало максимума в 117 медицинских работников на 10 000 человек населения, что было на 5,5% больше, чем в 2000 г. Однако после 2002 г. шло постепенное снижение уровня обеспеченности населения данной категорией специалистов. В 2005 г. значение анализируемого показателя равнялось 113,5 медицинских работников на 10 000 человек населения, т. е. приблизительно на 3% меньше по сравнению с 2002 г. Обеспеченность населения отдельных районов Карелии средним медперсоналом была неоднородна в той же степени, как и обеспеченность врачами. Самое высокое значение данного показателя фиксировалось в Пряжинском районе (201,1). Первенство этого района объясняется тем, что в нем расположена Республиканская психиатрическая больница, штат которой в совокупности с небольшой численностью населения данного района дает подобное значение анализируемого показателя. На втором и третьем местах находились соответственно города Костомукша (195,9) и Петрозаводск (125,0). Наименьшая обеспеченность средним медицинским персоналом отмечалась в 2005 г. в Прионежском районе (71,0) и Вепсской национальной волости (55,9) [1, с. 21].

Таблица 3

Обеспеченность населения Карелии и РФ
врачами основных специальностей в 2005 г.
(на 10 000 чел.)

	Республика Карелия ¹	Российская Федерация ²	Разница ³ , %
Численность врачей на 10 000 человек	43,8	48,8	-10,2
Из них:			
терапевтов	5,6	11,3	-50,4
хирургов	1,9	4,6	-58,7
акушеров-гинекологов ⁴	4,7	5,6	-16,1
педиатров ⁵	21,4	32,0	-33,1
офтальмологов	0,9	1,1	-18,2
отоларингологов	0,7	0,9	-22,2
неврологов	1,6	1,8	-11,1
психиатров и наркологов	0,6	1,7	-64,7
фтизиатров	0,7	0,7	0,0
дермато-венерологов	0,7	0,9	-22,2
рентгенологов и радиологов	1,4	1,3	7,7
врачей по лечебной физкультуре и спорту	0,3	0,3	0,0

Примечания.

- 1 По данным ГУЗ «Республиканский медицинский информационно-аналитический центр».
- 2 По данным Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ).
- 3 Различия показателей обеспеченности врачами в Карелии и РФ в процентах от общероссийских.
- 4 В расчете на женскую часть населения.
- 5 В расчете на детскую часть населения.

Как видно из приведенных цифр, ресурсы здравоохранения Карелии распределены по территории региона крайне неравномерно. В большинстве своем они сосредоточены в Петрозаводске,

М.Н. Товкач

а также в крупных районных центрах. Это, в свою очередь, не может не породить проблемы в получении населением квалифицированной медицинской помощи, особенно той его частью, что проживает в сельской местности вдали от городской инфраструктуры. Без эффективного решения в будущем названных проблем вряд ли можно надеяться на существенное улучшение показателей здоровья населения Карелии. Однако что-то должно быть сделано уже в настоящее время. Положение дел таково, что требует принятия незамедлительных мер как экономического, так и политического характера. И такие меры действительно предпринимаются. В Карелии разработаны и осуществляются несколько целевых программ, направленных на улучшение состояния здоровья населения республики. Среди этих программ следует назвать следующие: «Здоровый образ жизни», «Дети Карелии», «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями в Республике Карелия», «Развитие физической культуры и спорта в Республике Карелия». К сожалению, судить об эффективности предпринятых мер пока еще рано. Первые итоги можно будет подводить лишь по прошествии нескольких лет.

Литература

1. Деятельность и ресурсы учреждений здравоохранения Республики Карелия в 2005 году: Статистические материалы. Петрозаводск: ГУЗ «Республиканский медицинский информационно-аналитический центр», 2006.
2. Заболеваемость населения Республики Карелия в 2005 году: Статистические материалы. Петрозаводск: ГУЗ «Республиканский медицинский информационно-аналитический центр», 2006.
3. Здравоохранение в России. 2005 год. М.: Росстат, 2006.
4. Смертность населения Республики Карелия в 2005 году: Статистические материалы. Петрозаводск: ГУЗ «Республиканский медицинский информационно-аналитический центр», 2006.
5. Социально значимые заболевания населения Республики Карелия в 2005 году. Статистические материалы. Петрозаводск: ГУЗ «Республиканский медицинский информационно-аналитический центр», 2006.

Электронные ресурсы

6. www.gks.ru/wps/portal
7. goskomstat.karelia.ru

А.В. Стрельникова

НЕПОЛНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ: ТРИ УРОВНЯ РАССМОТРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Вот уже более полувека в России проводятся многочисленные социологические исследования. Эмпирический базис социологической науки расширяется, но вместе с тем все более острой становится проблема неполного использования социологической информации. В частности, информационные ресурсы, которые можно использовать для вторичного анализа, практически не представлены в практике социологических исследований, отсутствуют также и доступные хранилища. Это приводит к тому, что социология остается преимущественно «полевым» феноменом, а ресурс исследовательских данных вырабатывается не полностью. Таким образом, под неполным использованием мы понимаем незаслуженное исключение из анализа тех данных, которые могли бы предоставить необходимую информацию, а также поверхностный анализ имеющихся данных.

Обращение к проблематике неполного использования социологических данных особенно актуально сейчас, в условиях перехода к рыночным отношениям и коммерциализации науки. Исследовательский информационный ресурс стал одной из разновидностей товара на высоко-конкурентном и насыщенном рынке, а использование экономических понятий становится востребованным не только в социологии, но и в других областях гуманитарного знания. Там, где возникают вопросы конкуренции, затрат и качества, должен возникнуть и стимул решать научные задачи эффективнее, используя накопленные вторичные данные.

Приходится констатировать, что вопросы об эффективном использовании исследовательских данных и результативной организации научной деятельности освещены в современной литературе недостаточно. Анализ источников свидетельствует, что напрямую указанная проблема практически не затрагивается или упоминается только в контексте возможностей для интерпретации социологических данных [1; 4]. Аналогичным образом дело обстоит

А.В. Стрельникова

и с вопросами поиска и хранения социологической информации. Большинство авторов, заводя речь об анализе данных, описывают ситуацию «после поля». Они ориентированы на исследователя, который провел полевые работы, собрал данные и теперь не знает, что с ними делать, как анализировать и интерпретировать. При этом вторичный анализ как стратегия привлечения уже имеющихся до «поля» данных, удаивается лишь кратких упоминаний. Исключения составляют работы таких авторов, как Дж. Дункан и Дж. Кэлтон, Э.М. Коржева, Л. Корти, М. Проктор, Г.И. Саганенко, П. Томпсон, К. Хэжим и др. [5; 7; 14; 15; 16]. Указанные исследователи проблематизируют использование вторичных данных и задаются вопросом о расширении сферы поиска информационных источников, применения архивных ресурсов.

Чтобы понять, насколько проблема неполного использования социологических данных укоренена в логике функционирования социологического знания, рассмотрим ее на трех теоретико-методологических уровнях: науковедческом, общеметодологическом и уровне методологии анализа данных. Затем попытаемся измерить уровень неполного использования социологической информации.

Науковедческий уровень

Рассмотрение институционального аспекта проблемы подразумевает привлечение социологии науки, науковедческих исследований и концепций. Несмотря на то что впервые вопросы об эффективном использовании исследовательских данных и результативной организации научной деятельности были поставлены еще в работах Р. Мертона и его учеников [17], исследований на данную тему в современной литературе немного. Анализируя современное состояние российского научного сообщества, большинство авторов квалифицирует его как кризисное. Эффективная организация научной деятельности (в том числе использование исследовательских данных) оказывается в такой ситуации под угрозой. Поэтому целесообразно рассмотреть основные препятствия при функционировании научного сообщества в контексте неполного использования исследовательского информационного ресурса.

Каждое новое научное направление в своем развитии обычно проходит несколько этапов. По устоявшемуся мнению специалистов в области методологии науки, уровень теоретического развития, достигнутый научной дисциплиной в определен-

ный момент, обуславливает характер и сущность исследовательской работы [2; 11]. Наиболее операциональной считается модель четырех стадий развития: норма, сеть, сплоченная группа, специальность (дисциплина). На каждой из этих стадий происходят изменения не только в структуре научной коммуникации, но и в соотношении эмпирических методов «проб и ошибок» или направляемых теорией разработок. При этом наиболее продуктивной стадии соответствует работа с систематизированными накопленными результатами, т. е. этап систематизации свидетельствует о взрослении науки, о переходе на более высокую ступень развития.

Систематизация исследовательских результатов подразумевает вовлечение в оборот данных предшественников, возможность их многократного использования. Поскольку данные, которые являются продуктом уже проведенного исследования, могут быть использованы вновь, они рассматриваются нами как относительно неисчерпаемые. С этой точки зрения, если социолог добывает заново ту информацию, которая уже содержится в предыдущих работах, то эффективность его усилий можно оценивать как низкую. Несмотря на то что в реальности необходимость по-новому извлекать данные может быть связана с недоступностью материалов предшественников, в нормативной модели науки подразумевается свободный обмен как исследовательскими результатами, так и промежуточными наработками. Описывая научную деятельность как корпоративную, Г.С. Батыгин, Р. Коллинз, Э.М. Мирский, Э. Уолгар подчеркивают, что научное знание только тогда легитимно, когда оно является достоянием всех. В отличие от экономических ресурсов, знание не убывает при подобном «расходе», а, напротив, прирастает [13].

Общеметодологический уровень

Социология как научная дисциплина может быть представлена на нескольких уровнях познания. Традиционно они выделяются по оси «фундаментальное–прикладное»: уровень парадигм, уровень больших теорий, уровень частных концепций, предметный уровень. Но каждый из этих уровней также является дискретным. На предметном, или эмпирическом, уровне можно выделить следующие ключевые этапы: определение методологической основы исследования, поиск, сбор, анализ, хранение данных. Однако в литературе представлены преимущественно такие схемы, в которых опущены один или несколько указанных этапов.

А.В. Стрельникова

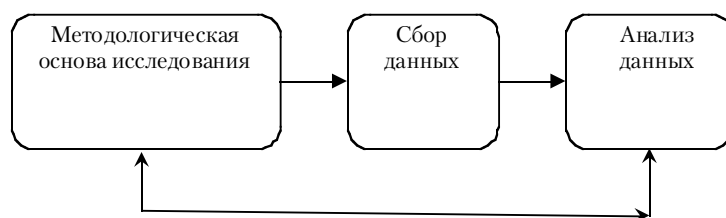

Рис. 1. Представление предметного уровня социологических исследований – традиционная методологическая схема

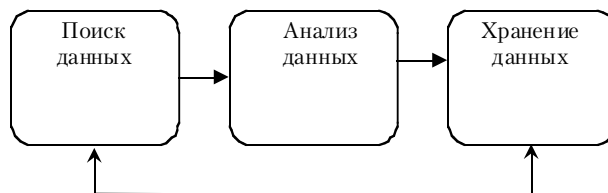

Рис. 2. Представление предметного уровня социологических исследований – традиционная техническая схема

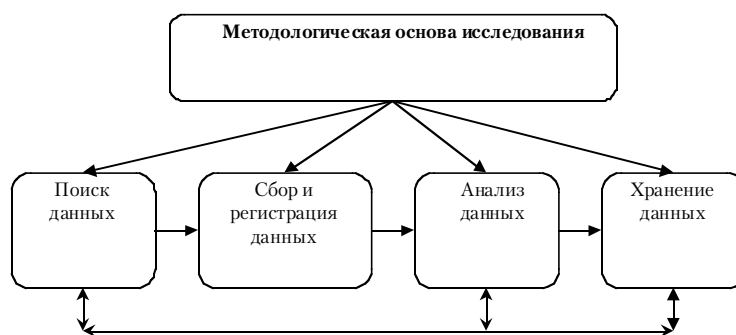

Рис. 3. Представление предметного уровня социологических исследований – обобщенная структурная схема

Традиционная методологическая схема соотношения исследовательских этапов, которая представлена в отечественной литературе, включает в себя методологическую основу исследования, сбор и анализ (рис. 1). Традиционная техническая схема, возникающая на уровне анализа данных (этап «после поля»), чаще встречается в зарубежных работах [16] и включает в себя поиск, анализ, хранение данных (рис. 2). Иногда к этой схеме добавляется этап извлечения данных, т. е. процедуры data mining [15]. Мы предлагаем скомбинировать эти схемы, чтобы получить целостную картину места изучаемой проблемы неполного использования данных в методологическом дискурсе «до поля» и «после поля» (рис. 3).

Определение методологической основы исследования подразумевает выбор модели познания: парадигмы, теории, направления и согласующихся с ними методик исследовательской работы. Данному этапу посвящена, пожалуй, наиболее солидная часть публикационного массива в социологии.

Согласно К. Попперу, началом и основным условием научной деятельности является базовое («фоновое») знание в форме гипотетических ожиданий и установок [19, р. 24–29], которые определяют и последующий ракурс рассмотрения проблемы. Эти гипотетические ожидания, перерастая в научные гипотезы, должны, по Попперу, обладать критерием фальсифицируемости, опровергаемости в ходе проверки [19, р. 79]. Исследовательская работа должна быть рациональна в том смысле, что должен обеспечиваться прирост уже существующего знания. Исходя из этого при переходе к этапу поиска данных следует опираться на результаты предшественников, чтобы дополнить их или пересмотреть с критических позиций. Однако, по нашему мнению, этот принцип часто воспринимается как номинальный. Согласно устоявшейся в прикладной и описательной социологии позиции, интереса заслуживают только наиболее свежие данные [13, р. 124–139]. Соответственно, социологи стремятся перейти к сбору, минуя этап поиска. Поэтому сегмент работ по методикам сбора данных развит достаточно хорошо, в противовес сегменту поиска данных.

Роль анализа и интерпретации эмпирических данных среди прочих этапов исследовательского процесса трудно переоценить. Неоднократное использование данных подразумевает прохождение полного цикла интерпретаций, после которого может начаться новый виток интерпретаций, с другой исследовательской перспективой. В то же время еще А. Шутц поставил проблему несоответствия научной реальности (конструктов, ко-

А.В. Стрельникова

торые создаются исследователем) и реальности простых людей (конструктов первого порядка). Такое несоответствие может усиливаться, если в ходе анализа не учитывать всех особенностей используемых данных.

Производство и воспроизводство научного знания связано с накоплением результатов. Использование вторичных данных подразумевает признание роли хранения и воспроизводства данных как важной функции научного знания. Однако текущее положение дел заставляет усомниться в подобном признании. Дело в том, что тематика хранения и введения в научный оборот уже имеющихся данных незаслуженно находится на периферии интересов отечественных социологов. При этом, поскольку большинство социальных процессов уникальны и быстротечны, многие эмпирические исследования просто невозможно провести повторно. Это хорошо понимают западные специалисты, для которых этап хранения является не только техническим, но и методологическим, так как вписывается в общую логику социологической работы. Например, межуниверситетский Консорциум политических и социальных исследований (США) обосновывает важность хранения данных тем, что хранение: 1) расширяет возможности научного поиска, 2) способствует разнообразию методов анализа, в том числе апробации новых методов, 3) обеспечивает проведение новых исследований и критическую проверку результатов, полученных ранее, 4) способствует развитию математико-статистических методов, 5) уменьшает затраты, вследствие того что поля не дублируют друг друга, 6) выполняет функцию «учебного полигона», 7) делает данные доступными широкому кругу заинтересованных специалистов [6].

Напрямую о неполном использовании информационного ресурса в сегменте рассмотренных методологических работ не говорится. Но это не означает, что методологи не ставили проблему использования социологических данных. Так, например, В.А. Ядов поднимал проблему искажения поля. Сущность этой проблемы заключается в том, что объект социологического исследования не остается неизменным после взаимодействия с социологом. Каждое общение исследователя с респондентом изменяет последнего, т. е. каждый новый срез информации все больше и больше искажает его исходные установки, мнения, язык.

И.А. Бутенко заостряет внимание на некорректном обращении с данными [4]. В полемичной статье «Какого обращения заслуживают социологические данные?» Бутенко рассматривает практики обращения с социологическими материалами в контексте человеческих качеств исследователя (пристрастность, ув-

леченность обыденными объяснениями, двойственность самой позиции социолога). В результате появляется возможность конкретизировать понятие «некорректное обращение с данными» в современных прикладных исследованиях, различая фальсификацию, спекуляцию и манипуляцию. Эти варианты некорректного обращения с данными И.А. Бутенко рассматривает с привлечением примеров из публикаций ведущих социологических изданий и служб. В качестве возможного решения указанной проблемы он предлагает социологам-прикладникам повышать собственную и взаимную требовательность в отношении методологической рефлексии как один из аспектов профессионализма.

Уровень методологии анализа данных

Среди российских исследователей значительного продвижения в указанном направлении достигли Г.Г. Татарова и Ю.Н. Толстова. Г.Г. Татарова вводит само понятие «методология анализа данных» в российский исследовательский дискурс [8] и описывает различные стратегии анализа данных, уделяя особое внимание языку анализа, вопросам эмпирической интерпретации и способам формализации понятий. Исследуя возможности работы с эмпирическим материалом, в монографии «Типологический анализ в социологии» Татарова рассматривает теорию и практику типологического анализа в социологии, описывает объекты типологизации и классификации, рассуждает о свойствах эмпирических индикаторов и анализирует структуру связей между ними.

Определяя методологию анализа данных как «научную рефлексия по поводу различных типов информации, специфики приемов ее измерения, логики и методов ее анализа», Татарова структурно выделяет следующие сферы этой рефлексии:

- 1) типы данных в контексте различия исследовательских задач, приемов, способов, методов работы социолога с этими типами;
- 2) приемы, подходы к сбору данных;
- 3) восходящие методы анализа данных (проверка описательных гипотез);
- 4) нисходящие (проверка объяснительных гипотез);
- 5) типологический анализ, факторный анализ и т. д. [8].

Проблема неполного использования данных имеет отношение преимущественно к первой и второй группе указанных вопросов.

Особую группу составляют исследователи, чьи работы и научные интересы изначально посвящены использованию вторич-

А.В. Стрельникова

ных материалов [5; 7; 14; 15; 16]. Особо следует отметить английского исследователя П. Томпсона и его коллег, которые, выпустив в 1998 г. полемичную статью «Почему вы сидите на своих качественных данных?» [14, р. 85–89], положили начало дискуссии о возможности многократного использования данных, полученных «качественными» методами. Однако российские ученые до сих пор практически не вовлечены в эту дискуссию.

Таким образом, можно сделать вывод о неравномерном развитии исследовательских полей. Традиционно методологи особое внимание уделяют первому, третьему и четвертому полям (методологическая основа, сбор и анализ), при этом второе и пятое поля – поиск и хранение – развиты в значительно меньшей степени. Также проблемой является слабая методологическая проработка опосредованных связей между полями, в особенности между сбором и хранением. Приходится констатировать, что проблеме эффективного использования тех или иных информационных ресурсов уделяется недостаточно внимания. Несмотря на существование определенного числа работ по этой теме, целостного взгляда на данную проблему в литературе не сложилось. При этом состояние исследовательской ситуации благоприятствует новому этапу обсуждения.

Операционализация и измерение неполного использования социологических данных

Для того чтобы строить гипотезы о неполном использовании социологических данных и подвергать их проверке, необходимо перевести это определение на операциональный уровень. Операциональное определение подразумевает: 1) разработку и категоризацию значений, каждое из которых может измеряться на соответствующей шкале, и 2) сохранение контекста, в рамках которого существует операционализируемое теоретическое определение [2]. В качестве первого шага к операционализации проблемы неполного использования социологических данных мы попытались разработать индекс неполного использования. На основе показателей этого индекса был произведен анализ публикационного массива российских исследовательских материалов в сопоставлении с западными.

Основная проблема, с которой мы столкнулись при построении этого индекса, заключалась в том, что именно следует рассматривать в качестве критериев неполного использования. Нами были выбраны следующие критерии: предоставление ре-

Неполное использование социологических данных...

зультатов исследований в специализированные архивы; обращение к данным предшественников / использование архивов, проведение сравнительного анализа, проведение вторичного анализа, использование сложных процедур анализа. Эти критерии непосредственно сопряжены с основными институционально-научоведческими индикаторами: атомизация / согласованность научного направления, наличие / отсутствие преемственности знания, стадия научной работы (этап накопления или систематизации). Шкала значений для каждого из предложенных критериев является номинальной дихотомической, т. е. подразумевает наличие либо отсутствие соответствующего признака в каждой из анализируемых печатных работ.

Индикаторы	Компоненты	
Атомизация / согласованность научного направления	Предоставление результатов исследований в специализированные архивы	
Наличие / отсутствие преемственности знания	Обращение к данным предшественников / использование архивов	Проведение сравнительного анализа
Стадия научной работы (этап накопления или систематизации)	Проведение вторичного анализа	Использование сложных процедур анализа

Рис. 4. Компоненты индекса неполного использования данных и их связь с институционально-научоведческими индикаторами

Помимо указанных критериев, в анализ были введены такие переменные, как дата и параметры публикации, предметная область исследования, объект исследования, источники данных, тип данных, территориально-временной охват, информация о поддержке грантами, соотношение этапов «до поля» и «после поля» (баланс / дисбаланс размеров текстового пространства, отведенного на данные этапы; обоснование выбранных методов анализа и самих данных).

Индекс неполного использования подсчитывался суммарно, т. е. каждому критерию присваивался одинаковый вес в 1 балл (положительный в случае отсутствия рассматриваемого критерия в исследуемой работе и отрицательный в случае наличия критерия). Если нельзя было оценить однозначно, имеется

А.В. Стрельникова

ли тот или иной критерий в работе, присваивался нулевой балл. Таким образом, максимальный балл для неполного использования информационного ресурса равнялся +5, для полного использования –5 (см. рис. 4).

Индекс был подсчитан и проанализирован на публикационном массиве журналов «Социологические исследования» (180 статей), «International Journal of Social Research Methodology» (20 статей), «Oral history» (36 статей). Для репрезентации российского уровня полного / неполного использования данных был выбран журнал «Социологические исследования», поскольку он является наиболее массовым и поддерживает самый широкий тематический горизонт публикаций. Журнал «Oral history» был выбран, потому что наибольшее развитие многократного использования данных было зафиксировано именно в социально-исторических исследованиях. Журнал «International Journal of Social Research Methodology» был выбран из-за междисциплинарности и международного, сравнительного характера публикаций. Мы предположили, что публикации данных журналов позволят сопоставить приемы исследовательской работы в более полном (сравнительном, историческом) варианте использования данных. Из всех публикаций в анализ включались авторские статьи по результатам исследований (исключались информационные сообщения, книжные обзоры, «круглые столы» и теоретические работы). Помимо собственно подсчета индекса была сделана попытка ответить на следующие исследовательские вопросы: 1) каковы причины и факторы неполного использования эмпирических данных, 2) в каком контексте подобные эмпирические исследования ведут к расслоению / размыванию стандартов эмпирического исследования.

Результаты

Подсчет индекса неполного использования показал, что исходное предположение об актуальности и масштабности недоиспользования социологических данных подтверждается. Индексная структура оказалась достаточно неоднородной, варьируясь от минимального до максимального значений, причем модальное значение индекса для публикаций в «Социологических исследованиях» равняется 3, в то время как для проанализированных западных исследований модальное значение составляет –2. При этом, как правило, можно говорить о неполном использовании информационного ресурса: потенциал данных, собранных специально для обоснования исходных исследовательских

гипотез, проверкой, подтверждением или опровержением их справедливости не исчерпывается, они могут быть использованы повторно.

По результатам нашего анализа, можно говорить об отчетливом дисбалансе этапов «до поля» и «после поля» в российских социологических публикациях. Под указанными этапами мы понимаем элементы представленной выше традиционной схемы исследовательского процесса (методологические основы – сбор – анализ) и элементы технической схемы (поиск – анализ – хранение). Дисбаланс, проявляющийся в этапах «до поля» и «после поля», отмечен нами не только в рамках первой схемы (здесь он выглядит как доминирование описания методологической основы и процедур сбора данных), но и на самом этапе анализа, т. е. в рамках технической схемы (непроработанность стадий поиска и хранения данных).

Считается, что определенные ограничения на повторное использование данных закладываются самим инструментарием исследования (например, «качественный» и «количественный» методы постулируются как особые способы сбора, обработки и анализа данных). Однако за тем, что обычно принимают за влияние метода, скрывается, на наш взгляд, латентный фактор. Этот фактор мы бы назвали перекосом в сторону разработки «доэмпирических» (теоретико-методологических) процедур в ущерб процедурам анализа и совершенствования способов предоставления результатов («постэмпирических» процедур). Или на более высоком уровне абстракции это перекосяк в соотношении социологической методологии и методологии анализа данных (не в пользу последней). Складывается впечатление, что многие исследователи просто теряют интерес к тому, что происходит после получения данных, а сам эмпирический материал давит, доминирует. Если дело касается проведения самих исследований, то в них нет недостатка, однако потребность в глубокой интерпретации данных остается достаточно острой.

По нашему мнению, процесс одностороннего развития «доэмпирических» процедур может быть связан с двумя причинами. С одной стороны, обилие вариантов и средств на «доэмпирической» стадии предоставляет поле для творчества социолога. Это особенно важно для антисциентистски настроенных исследователей, в особенности для тех, кто утверждает, что социологические практики предназначены лишь для увеличения знания о знании, наращивания слоя социологической культуры самих исследователей. С другой стороны, многих исследователей, особенно начинающих, разочаровывает «очевидность» и обыденность полученных дан-

ных. Г.С. Батыгин поясняет, что «...результаты анализа статистических распределений выглядят вполне заурядными даже тогда, когда за ними стоит огромная работа. Далек не каждый знает, что если какая-то цифра кажется интересной или необычной, наверняка эта цифра ошибочна или случайна» [3, с. 36]. Поэтому мнимая или реальная бедность результатов (а также неумение их проинтерпретировать) заставляет акцентироваться на актуальности и эстетическом эффекте методологии, но не на результатах и их значимости. Это приводит к тому, что работа становится описательной, причем вне зависимости от исходной стратегии и характера полученных данных. Г.Г. Татарова в связи с этим с горькой иронией подмечает, что «уж в чем-чем, а в описании социологам нет равных» [8]. Отметим также, что описательность, как правило, сопряжена с достижениями в эмпирической области и со сравнительно элементарным развитием методологической и концептуальной базы.

В то время как предварительная теоретико-концептуальная часть присутствует практически во всех работах (занимая порой более половины общего текста статьи), обоснование выбранных методов анализа в рассмотренных публикациях журнала «Социологические исследования» встречается только в 11% работ и занимает при этом две-три строчки. Обоснование причин выбора для исследования первичных данных вообще встречается в единичных случаях. Способ предоставления результатов также выглядит не лучшим образом: среди методов анализа доминируют простейшие описательные статистики, а иногда авторы ограничиваются табличными данными с их минимальной интерпретацией (обосновывая это, например, так: «представленную таблицу можно оставить без комментария, настолько выразительны ее данные»).

В то же время типичное описание данных в проанализированных западных журналах происходит по следующему шаблону: «Мы использовали данные 30 респондентов, которые участвовали в 30 исследованиях» (указывается порядковый номер в национальном или другом исследовательском архиве, номер депозита данных). Далее детально описываются особенности исследования и типы данных, характеристики введенных в анализ переменных, этапы реорганизации данных и т. д.

Профиль неполного использования социологических данных в российских исследованиях можно представить следующим образом: дисбаланс этапов «до поля» и «после поля» (89%), отсутствие практики распространения данных и отсылки к архиву (96%), превалирование «срезовых» исследований (85%) и самых простых приемов анализа (83%).

Численность методических исследований, в которых основной задачей является не получение эмпирических результатов, а проверка и усовершенствование того или иного метода сбора или обработки данных, составляет всего 7% от общего публикационного массива «Социологических исследований».

По результатам проведенного анализа можно говорить о неразвитости культуры в области хранения, накопления и распространения данных. Можно предположить, что посредством «узурпации» данных проявляется конкуренция в борьбе за символический капитал, неготовность к усложнению исследовательской работы (посредством вовлечения этапов поиска и хранения), неразвитое сетевое взаимодействие между институтами и исследователями. Проблемная ситуация усугубляется тем, что если исследование имеет коммерческую ценность (является заказным, в том числе проведенным при грантовой поддержке), то вероятность широкого доступа к материалам минимальна даже спустя годы после получения результатов. Поэтому неудивительно, что анализ вторичных данных не встречается даже в тех случаях, когда он подразумевается логически, например, когда рассматривается временная или территориальная динамика.

Таким образом, говоря о полном использовании социологической информации, мы подразумеваем возможности для вторичного использования и расширенные возможности для интерпретации. При рассмотрении проблемы неполного использования социологических данных нами зафиксировано неравномерное развитие рефлексии по поводу различных этапов социологического исследования. В то время как традиционно особое внимание уделяется таким этапам исследования, как проработка методологической основы, сбор и анализ, этапы поиска и хранения данных развиты в значительно меньшей степени. Также проблемой является слабая методологическая проработка опосредованных связей между этапами, в особенности между сбором и хранением.

Литература

1. Бак Д.П., Кузнецова Н.И., Филатов В.П. Границы интерпретации в гуманитарном и естественно-научном знании // Вопросы философии. М., 1998. № 5. С. 144–150.
2. Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.
3. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о качественной социологии // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.

А.В. Стрельникова

4. *Бутенко И.А.* Какого обращения заслуживают социологические данные? // Социологические исследования. 2002. № 1.
5. *Коржева Э.М.* Некоторые методологические проблемы вторичного анализа социологических данных // Государственное регулирование экономики и социальные проблемы модернизации. Ч. II. М.: Эдиториал УРСС, 1997.
6. О подготовке данных во время исследовательской работы // Методические указания междуниверситетского Консорциума для политических и социальных исследований в США («Preparing Data During the Research Stage») // <http://www.icpsr.umich.edu/access/deposit/preparing.html>
7. *Саганенко Г.И.* Сопоставление несопоставимого: обоснование сравнительного исследования на базе открытых вопросов // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 144–156.
8. *Татарова Г.Г.* От постулатов эмпирической социологии к методологии анализа данных // Социология: 4М. 1999. № 11. С. 51–71.
9. *Толстова Ю.Н.* Методология математического анализа данных // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 77–87.
10. *Тернер Дж.* Аналитическое теоретизирование // Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1999. С. 103–156.
11. *Уолгар С.* Идентификация и определение научных коллективов // Социология науки / Сост. Э.М. Мирский. М.: Институт системного анализа РАН, 2000.
12. *Ядов В.А.* Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 3–16.
13. *Collins R.* Sociology: prescience or antisience? // American Sociological Review. 1989. February. Vol. 54. P. 124–139.
14. *Corti L., Thompson P.* Are you sitting on your qualitative data? Qualidata's mission // International Journal of Social Research Methodology. 1998. Vol. 1 (1). P. 85–89.
15. *Hoover K., Perez S.* Three attitudes towards data mining // Journal of Economic Methodology. 2000. № 7. Vol. 2. P. 195–210.
16. *Kritzer H.M.* The data puzzle: The nature of interpretation in quantitative research // American Journal of political Science. Austin, 1996. Vol. 40. № 1. P. 1–32.
17. *Merton R.* The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by N. Storer. Chicago: The University of Chicago Press, 1973.
18. *Plummer K.* Documents of life: An introduction to the problems and literature of a humanistic method / Contemporary social research series. L.: Unwin Hyman Ltd, 1990.
19. *Popper K.* Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Oxford: Clarendon Press, 1979.

Н.В. Романовский

УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУРСА
«ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ»*

Индивидуальное лицо всякого университетского курса не отменяет его общенаучного стержня, выраженного в идеях и методологии обучения конкретной аудитории. Потенциал социологии дает преподавателям ряд дисциплинарных преимуществ: возможность применять к курсу как объекту научной рефлексии теории, общесоциологические правила метода, не говоря специально о социологии науки или образования. Социологу его профессия диктует необходимость вести за читаемым курсом включенное самонаблюдение, анализировать работу студентов (индивидов и групп) и т. д. Написанное ниже – продукт анализа и самоанализа на протяжении ряда лет взаимодействий с вереницей прошедших через курс студентов, часть из которых стала коллегами по кафедре.

Основная эмпирическая база изложенного – включенное наблюдение за возникавшими в ходе преподавания истории социологии в университетах проблемами. Фоном, контекстом, задним планом, сказал бы И. Гофман, наблюдения выступало преподавание комплекса социологических дисциплин, а также постановка обучения и обеспечения его, даже мелочей университетской повседневности. В центре внимания статьи будет преподавание истории социологии в гуманитарных университетах. Лишь попутно будут затронуты проблемы технических или военных университетов: связи с будущей специальностью, с поиском того общего, что позволяет преподавателю социологии, скажем военной, заниматься наукой первого сорта. Методология написания данного текста – обычная для социолога работа с эмпирическими данными о преподавании и изучении истории социологии в стране и за рубежом. Станным было бы ждать не-

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ, грант 06-03-00108а.

социологического подхода в анализе социологии социологом. Эту методологию когда-то А. Гоулднер назвал «социология социологии» [7, с. 50–52]. Важным для этой темы представляется замечание: «Нет ясной границы между историей социологии и социологией социологии» [23, р. 14]. Максимально применен дисциплинарный инструментарий социологии – рамочный анализ, феноменология, структурный функционализм, культурная (культуральная) социология, историческая социология и многое другое.

Начну со значения («нужности») истории социологии. В США историю социологии как научную и учебную дисциплину прочно признали примерно через сто лет после ее дебюта в университетах (1876 г.); делались попытки отвергать нужность этой дисциплины [20, р. 6]. Подмечено также необычно большое (с подтекстом – избыточное) внимание социологов к истории своей дисциплины, чем в случае физики, математики и вообще точных наук. Действительно, странным было бы спрашивать на экзамене будущего хирурга о технике операции аппендицита изобретателем ее техники. Но от студента-социолога требуют знать классику социологии суицида.

В «оправдание» повышенного внимания социологов к истории социологии приведу ряд аргументов. (А) Курс по истории дисциплины – наследие университетской традиции с ее ориентацией на фундаментальность. Она сложилась во второй половине XIX в. у тогдашних соседей России – в Германии, лидере университетской науки. В немецкой науке XIX в. историзм был одним из ведущих факторов формирования социологии [15, с. 40–47]. Стремление к фундаментальности объясняет, почему будущие социологи так основательно осваивают прошлое своей дисциплины. (Б) Все гуманитарные науки в той или иной степени изучают свое прошлое. В исторических науках – историография, в философии – ее история и т. д. (В) Если – пока условно – считать человека объектом социологии, попытки постижения этого объекта на исходе эпохи Просвещения так же актуальны для социологов сегодня, в начавшемся тысячелетии, впрочем, как и многие античные сентенции на этот счет.

Какие факторы и рамочные условия оправдывают, делают нужными, мотивируют рефлекссию читаемого курса истории социологии? Социологам необходимо ревизовать сделанное в этой области знания. На университетскую социологию надвигаются «болонские» новации, которые внесут новые акценты в соотношение прикладных и фундаментальных дисциплин. В педагогическом плане актуализируется – это показано ниже – анализ

ситуации изучения предмета со стороны Другого, т. е. главным образом студента, и т. д.

Начну с положения студента. Перед ним (и тем, кто читает курс) стоит вопрос: какой учебник лучше? Выбор обилен. В освоении предмета «История социологии» (зарубежной и отечественной) социологи России сделали многое, что усложняет выбор и взаимоотношения студентов с тем, кто читает курс. Количество учебников и учебных пособий по истории социологии велико. В начале 1990-х из специальных книг по истории социологии мы располагали кратким текстом под общей редакцией белорусского коллеги А.Н. Елсукова «История социологии. Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов вузов», фрагментарными «Очерками по истории теоретической социологии XX столетия» и наполовину переведенной (главным образом, из книги Л. Козера) «Историей социологии в Западной Европе и США» под общей редакцией академика Г.В. Осипова. Теперь количество учебников по истории социологии перевалило за два десятка [3]. А еще есть уникальные своей аутентичностью переводы [4]. Появляются все новые пособия, монографии и другие публикации, дополняющие и детализирующие содержащийся в учебниках материал. Возникает соблазн расширять содержание курса за счет истории, например, эмпирической социологии [13]; региональной социологии стран Восточной Европы, Латинской Америки, Азии, Африки [6], персоналий классиков социологии [10], национальных традиций в социологии, истории институтов, социологических школ, эффективности влияния социологии на общество и правительства [2]; проблем истории отечественной социологии [19]; наконец, вновь и вновь обнаруживаемых интереснейших фактов прошлого [16]. В последнем я убедился при подготовке публикации о первом президенте советской социологической ассоциации Ю.П. Францеве [17, с. 123–128]. Отдельно стоит вопрос воспроизведения в курсе социальных и политических контекстов истории социологии, которые, как можно ожидать, студенты усваивают в курсах по всеобщей истории (Нового времени).

За проблемой обилия учебных текстов стоит еще одна сложная и трудоемкая проблема: изучение – не просто прочтение – оригиналов трудов изучаемых социологов. Не знаю, что важнее, учебники или оригиналы трудов (скорее и то и другое)? Классики написали много, нередко создавали многотомные труды. Общее число книг, которые должен прочесть будущий социолог, методологически дотошные немцы оценивают в 750 [24, с. 250]. Хорошо, если бы будущие социологи за студенческое время ознакомились с большей частью списка «100 знаменитых

трудов по социологии». Список легко найти в интернете, значительная часть – более половины списка – переведена на русский; прирост переводов идет за счет этого списка, а цифра 750 пусть служит следующим ориентиром.

Констатирую, что объем некоторых учебников близок к тысяче страниц. И это проблема для студентов при выборе оптимального учебника и с точки зрения способности прочитывать, скажем, сто страниц в неделю на протяжении курса. Это проблема и для преподавателей, читающих курс, – как реагировать на вопросы студентов по поводу конкретного текста, ориентировать на воспроизведение логики авторов, как самому быть при таком обилии текстов и т. д.? Проблему объема литературы, стоящую перед изучающим курс истории социологии, отодвинуть в сторону нельзя, хотя бы по соображениям реализма.

Вопрос, далее, в динамике развития социологического знания и истории социологии: нужно идти в ногу, нужно учить студентов ориентироваться в массе разных текстов и содержащихся в них подходов, оценок. Но еще важнее в этом плане не упустить смысла пути, пройденного современной социологией в общем-то за короткий период. Смысл обозначенного выше комплекса литературы в российском контексте несколько иной – его можно назвать компенсаторным. Усваивая богатства социологической мысли, находившейся с 1920-х гг. под запретом, мы надеемся сократить время решения проблемы ликвидации отрыва лидеров (западной и мировой социологии). Такую цель не ставить нельзя – индивидуально и перед всем сообществом отечественных социологов, – еще (в дополнение к задаче, говоря языком первых советских пятилеток, ДИП – «догнать и перегнать») и по той причине, что в условиях открытости европейского университетского пространства отстающие станут терять аудитории обучающихся.

Нужна рефлексия стратегической цели, что для конкретного преподавателя означает проблему изучения предстоящих перемен. Осознание такой цели позволяет индивиду соотносить свою повседневность с динамикой базовых разделов социологического знания, под этим углом зрения видеть всю проблематику вопроса и возможные (не обязательно, как бывает, целесообразные) перемены, например существенное сокращение названного курса или появление кафедр истории социологии с обновлением, детализацией разделов курса. Для этого и нужна ревизия достигнутого.

Каковы «рамочные условия» сегодняшней российской университетской истории социологии? По-видимому, в отечест-

венной социологии и (вокруг нее – в плане научной окружающей среды) складывается ряд показателей приближения нового этапа в ее развитии и истории. Читаемый курс может отражать новую меняющуюся среду изучения социологии и обучения профессии социолога в стране и за ее пределами. Ревизия сделанного, достигнутого позволит выверить дальнейшие шаги, не даст развиться возможным тупиковым тенденциям.

Во-первых, (вос)становление истории социологии как научной дисциплины – отдельно от университетской специальности – в общих чертах в России свершилось. Сложился корпус исследователей и преподавателей, специализирующихся на социологии как самостоятельной, отдельной от социальной философии (в недавнем прошлом – исторического материализма). Во-вторых, в вузах России реальностью становятся императивы перестройки, инициированные вхождением России в общеевропейское образовательное пространство [14]. В результате некоторые из курсов (на мой взгляд, история социологии одна из них), несомненно, обретут новые рамочные условия. Фундаментальность изучения социологии и болонский процесс соотносятся весьма диалектически. При курсе на меньшую степень фундаментальности подготовки основной массы студентов – во имя прагматических целей – перемены неизбежны. Тем более что и фундаментальность (если еще и знать, что это такое) труднодостижима, да и среди студентов, если их опросить, не все в ней заинтересованы. Проблемы идентичности и сильных сторон (фундаментальность – одна из них) подготовки в наших университетах будут рассматриваться и решаться, видимо, в контексте плюсов и минусов нашего социального наследия. В-третьих, в социологическом образовании встают проблемы, обозначившиеся вследствие интернет-революции. В-четвертых, образование все больше становится пожизненной задачей. Рост объемов знания, его обновление, динамика порой затрагивают фундамент – с существенными последствиями для практики. Наука, в-пятых, в обозримом будущем, как это не раз было в истории знания, будет менять свою нарезку полей, формировать новые комплексы знания, в частности относящегося к живой природе и человеку; изменится карта гуманитарных, общественных наук, не только социологии, но и экономики, философии, истории, психологии и др.

Отсюда и проблемность растущего количества и разнообразия текстов для преподавания дисциплины «История социологии» в нашей стране, тенденций роста их объемов. Количество действительно переходит в качество, что бы ни говорили антигегельянцы. Качество учебников по истории социологии разное. К

тому же и восполнение белых пятен и черных дыр отечественной социологической литературы (науки) завершено в основном и не всегда в главном. Легко вообразить историю социологической анкеты, взаимодействия социологии с властью (или математикой), историю профессии социолога и т. д. Ведь пишет же – и интересно – Б.З. Докторов, например, об истории техник массовых опросов [9] – это основное поле приложения сил и умений выпускников факультетов социологии в США – бакалавров.

Что же для разрешения этой проблемы предоставляют методология и методика, выработанные социологией? Идти и дальше по пути умножения текстов и усложнения курса/курсов, относящихся к истории социологии? Продолжать институционально обеспечивать обучение студентов этому разделу социологического знания, создавая кафедры истории социологии, детализируя (спец-)курсы за счет специальных социологических дисциплин (их число никто назвать не возьмется), создавая специализированную периодику по истории социологии, социологии классической?

Прежде всего, зафиксирую понимание главной цели качественной подготовки специалиста в университете: специалист должен быть современным. Такая целевая установка определяет ключевую проблему курса или текста по истории социологии: проникновение автора книги (того, кто читает курс) в проблематику, да и в «повседневность» современной социологии, в определенной мере абстрагируясь от воспроизведения прошлого социологии отечественной и зарубежной в строгом соответствии с канонами исторической науки. Это, на мой взгляд, – ведущий критерий формирования курса, отбора для него данных, наполнения фактическим материалом, требовательности к обучаемым и т. д.

Главный из возможных аргументов против предлагаемого подхода выглядит примерно так: сказанное равнозначно разрыву с историзмом в построении курса. На самом же деле нет и речи об отказе от поиска фактов, выявления периодов, дат, об анализе процессов истории социологии – каноны исторической науки следует соблюдать самым тщательным образом. Речь идет об отказе от историзма пушкинского летописца Пимена: «описывай, не мудрствуя лукаво», по рецепту немецкого историка середины XIX в. Л. Ранке: «*Wie es eigentlich gewesen war*» – «Как оно было на самом деле». Фолиант по истории социологии даже в тысячи страниц (на фоне возможностей интернета) множество важных сюжетов оставит неосвещенными. Налицо проблема отбора исторических фактов, и здесь решает целесообразность – для соци-

олога, как и для историка, не самоцель, а средство. Чем следует овладевать будущему социологу? Можно в наследии Конта детально выделить влияния предшественников, формировавших подход основоположника социологии. Но можно на первый план поставить созвучность социологии Конта современным ее проблемам. Классики потому и классики, что в их трудах всегда есть нечто релевантное современным проблемам. Их наследие в зависимости от развития социологии, науки и общества обнаруживает нечто актуальное для социологии современной, а не только для знатока истории нашей дисциплины.

На чем сфокусировать усилия специалистов по истории социологии? На факультетах социологии обучают социологов. Им нужен отбор исторических данных по критерию научной и современной актуальности предмета «История социологии», нужен для формирования профессионального социолога. Акцентировки накопления фактов из прошлого социологии, с одной стороны, и овладения предметом социологии, с другой, имеют тонкую, но принципиальную разницу. Представляется, что выделяющими для разрешения реального противоречия выступают два фактора, объединяющих обе стороны процесса обучения: 1) стержень курса «История социологии» не столько история, сколько социология; 2) курс этот строится – при соблюдении всех требований научности, включая историзм, – вокруг проблематики социологии сегодняшней. Отдельно стоит подчеркнуть потенциал такого подхода к дисциплине, позволяющий развивать социологическое мышление и воображение, формировать умение самостоятельно научно мыслить.

В практических целях требуется удовлетворительно (видимо, лишь на определенный период развития социологии, после которого фокус придется сменить) разрешить вопрос: вокруг какого стержня (ядра) производить отбор накопленных фактов и структурировать содержание курса? Насколько для достижения этой цели эффективен классический подход исторической науки: этапы, подэтапы, тенденции и т. п.? Историческое знание в любом случае имеет ценностную составляющую. И думающий о своем будущем социолог станет искать для себя в данных о прошлом, главным образом через призму в контексте ожидаемого личного «опыта» в социологии. Как в биографии (жизненном пути, вспоминаемом и описываемом) человек (точнее, отдельные люди, поскольку многие, если не большинство, собственную жизнь тщательно, тем более научно, не анализируют) видит, акцентирует свои потребности тем или иным образом, так же следует поступать в рассматриваемом курсе. И еще – насколько

эффективны подходы, реализованные в имеющихся текстах по истории социологии? Решение нашей задачи предполагает прежде всего сопоставление только что сформулированного принципа с реальными подходами учебников по истории социологии.

Но предварительно отведу еще одно возражение и разберу связанные с ним обстоятельства. Речь идет об утвердившемся в исторической науке с конца XIX в. мнении о принципиальной невозможности научной истории современности. Этот аргумент приходилось слышать и в связи с проблемами современной истории социологии. Действительно, даже в середине прошлого века написание научной истории какого-либо события, личности и т. д. считалось возможным при наличии интервала во времени в несколько десятков лет. Но во второй половине XX в. современная, новейшая, даже текущая история получила (частично благодаря взаимодействию с социологией) в исторической науке полное признание. В этом плане неоправданно ссылками на необходимость исторической дистанции во времени завершать курс в точке времени, отстоящей от сегодняшнего дня, от времени проведения зачетно-экзаменационной сессии. Любой учебник за время от окончания его написания и до момента, когда по нему сдается экзамен, отстает от развития социологии и несколько устаревает. Но отставание вполне может восполнить ведущий данный курс профессор, преподаватель. Если современная социология стала для него составным и ведущим элементом курса истории социологии, а накануне сессии в социологии произошло событие, которое войдет в историю нашей науки, преподаватель может интегрировать его в читаемый курс, даже на итоговой консультации.

Возможно, новые информационные технологии позволят уйти от названного недостатка книги как носителя знаний и получать знания по состоянию на данный момент по модели «Википедии» – интернет-энциклопедии постоянно обновляемых в реальном времени знаний. Правда, и этим пособием надо уметь пользоваться, как и книгой. Пока же обращение непосвященных к интернет-источникам способно лишь усугублять неупорядоченность представлений о социологии и ее развитии. Получить справку из, скажем, информационно-справочной системы Google легко. Осмыслить контекст затронутой в ней проблемы труднее. Препятствие на этом пути в современном дискурсе социологов обозначено ярлыками «фрагментация», «калейдоскопичность», «мозаичность» социологического знания, выделения множества специальных отраслей социологического знания.

Кстати, электронные пособия типа «Википедии» лишь прибавляют разорванности представлениям о реально целостном социологическом знании.

Интернет в принципе решает вопрос лишь доступности знаний как важнейшей предпосылки их удовлетворительного или успешного усвоения (в чем наглядно убеждает легкость, с которой нерадивые студенты отчитываются перед преподавателями, предоставляя любое количество и по любым темам докладов, рефератов, конспектов), но выдвигает перед преподавательским составом более сложную задачу. Это хорошо представленная в истории социологии проблема научного мышления, в нашем случае – социологического, развития социологического воображения. Все знают, все признают это требование, но оно недостаточно конкретизируется в изучаемом студентами курсе. В истории социологии факты и лица, даты и теории лишь развивают знакомые из школы виды мыслительной деятельности. А социологическое мышление, научное мышление – тип более высокий, незнакомый. Первые шаги на этом пути могут быть связаны с переходом от воспроизведения полученных знаний к самостоятельному конструированию, созданию логически определенных схем в данной сфере науки. И в этом смысле преподавателю не стоит бояться своей неспособности дать исчерпывающие ответы на кажущиеся простыми вопросы. Например: «Что такое социология»?

Современность знаний, знание современной социологии – это центральная грань проблематики качества профессиональной подготовки социологов. Объектом курса «История социологии» можно со всеми оговорками считать исторические данные о возникновении и развитии социологии как научной дисциплины. Предмет же курса непосредственно связан с макропроблемой современной социологии: что представляет собой эта научная дисциплина в полном объеме разделов социологического знания? Предмет курса «История социологии» – движение нашей науки к ее современному состоянию. Если этой цели не достигает выпускающий дипломника факультет (сказанное не отменяет социологически установленного факта наличия среди студентов группы, вовсе не стремящейся к постижению высот своей профессии, но это другой разговор), не направлять ли тогда выпускника прямехонько доучиваться в институт повышения квалификации?

Но вернемся к проблеме того, какой предстает история социологии в учебниках по этой дисциплине. Конечно, в сумме имеющиеся учебники дают относительно системное и полное –

не скажу всестороннее – представление о современной на момент написания конкретного текста социологии. Но на деле тексты учебников организованы, прежде всего, вокруг двух кластеров проблем: галереи творческих портретов классиков социологии, теории (парадигмы), которые эти классики создали, сделав себя классиками. Очевидны ограничения этих подходов. Их можно показать на одном из самых старых и известных текстов по истории социологии – книге Льюиса Козера «Мастера социологической мысли», вышедшей в США в 1968 г., а в России в 2006 г. (в книге 20 творческих портретов). На обложку автор вынес принципиальное уточнение – подзаголовок «Идеи в историческом и социальном контексте» [12]. То есть перед нами переплетение в соотношениях, которые еще надо выделить, уточнить, даже измерить, творчества индивидов, теоретических идей и исторического контекста. Но что такое этот контекст, каково соотношение творчества мастеров и контекста, исчерпан ли этим комплекс составляющих историю социологии, здесь ли ядро курса истории социологии? – возникают вопросы. Их число и смысл призывают отнестись с вниманием к тому, что студенты в итоге изучения курса истории социологии в таком ракурсе могут и не получить сколько-нибудь связного представления о своей науке, своей профессии.

Ценность личностного подхода к развитию науки, акцентировки авторами соответствующих текстов именно этой составляющей истории социологии, к сожалению, упускается за галереей портретов. За образами создателей классических парадигм лишь «маячит» неявный смысл внимания создателей текстов по истории социологии именно к видным социологам, к ее классикам. И суть проблемы курса заключена в этом неявном смысле. Преподавание истории социологии целесообразно строить вокруг определения этой науки, ее объекта и предмета. Если помнить, что только определений социологии известно не менее двух сотен, споры – с предельным упрощением – можно свести к такой дилемме, которую и нужно доносить до студентов. Или мы говорим об обществе (социальной реальности, ее законах), или индивиде, человеке (его, их действиях, взаимодействиях), или обо всем, что лежит между этими полюсами континуума. Этим и можно объяснить объект и проблематику многих книг по истории социологии – прожитая в социологии жизнь классика этой науки. То, что у Льюиса Козера названо социальным историческим контекстом, образует фон деятельности в поле науки реальных лиц.

Считаю полезным ради максимизации эффективности курса, длящегося два-три семестра, напоминать студентам о ключе-

вой проблеме социологии, о загадке ее предмета, точнее – об одиссее поиска его. Эта целеустановка открывает путь к концентрации внимания обучаемых на понимании «человека социологического» – социолога и объекта его изысканий. Возможно, этот поиск и есть стержень даже не курса (это лишь во-вторых), а комплекса предметов обучения будущих социологов (особенно тех, кто специализируется в сферах социальной и гуманитарной). В пользу такого предложения (его принципиальная альтернатива – изучение общества, законов и закономерностей его развития) можно привести следующий аргумент. Научная мысль, наука стала обращаться к человеку как к личности, члену групп и общностей сравнительно недавно, с XVIII в., эпохи Просвещения. Достаточно вспомнить психологию. Многие аспекты понимания учеными проблем человека, включая социальные (например, гендер), вообще феномены XX в. Постановка вопроса о «социологии человеческого тела» [18, с. 16–25] и сейчас вызывает вопрос типа: «А это как?». В применении к социологам-гуманитариям сказанное практически бесспорно. Но и в коммерческой, политической, инженерной, военной и других «социологиях» положение отличается немногим.

Предложенный «стержень» курса истории социологии не следует видеть как путь к унификации. Напротив, это основополагающая предпосылка для воспроизведения истории социологии во всем ее многообразии, рассмотрения ее во времени и пространстве. Курс истории социологии позволяет научить студентов мыслить социологическую науку в пространственной целостности и в временном развитии. Говоря о времени, имею в виду и выделение периодов истории социологии, и преподавание курса как социологии социологии, точнее, исторической социологии социологии. Иными словами, это строго социологический анализ прошлого этой научной дисциплины. Что касается пространства, речь идет о полноте прослеживания эволюции структуры социологического знания, о географии мировой, международной социологии.

Но как следует выстраивать курс вокруг определенных наукой периодов и вокруг комплекса факторов, придающих динамику развития социологической науке? Такую целостную картину до сознания обучаемых можно донести в виде комплекса очевидных и неочевидных факторов динамики развития социологической науки, а также – с учетом социологического профессионализма – путем измерения, оценки силы этих факторов. Картину истории социологии можно представить в форме таблицы, где на сетку периодов этой истории накладывается некая

сумма факторов – движущих сил прогресса социологического знания.

Можно предложить таблицу, которая даст представление о формировании и функционировании современной социологии. В ней будет представлен набор факторов динамики развития науки. Они условно разделены на внутренние и внешние по отношению к социологии. В комментариях преподавателя к ней можно показать социологию как знание (количество и качество, а также формы презентации), и как практики (добывания, обработки и т. п.), и как повседневность (феноменология), и как комплекс ресурсов, институтов и т. д. Каждый фактор можно подвергнуть экспертной оценке наиболее успевающих студентов курса и получить ориентировочные цифровые значения каждого из факторов. Затем и остальные студенты могут вывести индивидуальную цифровую оценку каждого фактора, что позволит преподавателю оценить уровень знания (и мышления) в зависимости от меры отклонения от средней величины экспертных оценок. Дополнительно к заполнению таблицы в задание можно включить требование дать краткий комментарий с мотивами выделения тех или иных цифровых величин. Таким путем, в частности, решается и важная прикладная задача опережающего обучения. Наученный видеть динамику развития социологии специалист сможет дольше обходиться без «освежения» своих представлений в этой части социологического знания.

Табличное представление истории социологии даже визуально продемонстрирует ряд белых пятен в сложившихся подходах к предмету. В этом легко убедиться, просмотрев популярные учебники по истории социологии. Речь не идет о радикальном изменении структуры и содержания курса, о равномерном и детальном изучении каждого фактора развития нашей науки. Визуализация пути развития социологии помогает вырабатывать определенное качество мышления, научного и самостоятельного. Кроме того, и некоторые уточнения содержания читаемого курса могут оказаться целесообразными. Возьмем пример влияния на развитие социологии перемен в стране и в мире. Опыт Германии при власти фашистов, когда, по словам Р. Арона, «нацистский режим 1935–1945 гг. парализовал в Германии социологию» [21, Р. 122] позволяет, к примеру, оценить время, потребовавшееся немецким социологам после Второй мировой войны на компенсацию утраченного мирового лидерства (по крайней мере, в теоретической социологии). Такая оценка, в свою очередь, позволит сделать предположения, относящиеся к перспективам международного рейтинга социологии современной России.

Попутно подчеркну, что не считал бы принципиально важным отделение (выделение) или объединение истории отечественной социологии и зарубежной. Гораздо важнее донести до аудитории единые критерии познания и преподавания данного круга вопросов. Один из таких критериев – сопоставление (и усвоение результатов) изучаемого в зарубежной истории с той социологией, в которую предстоит войти студентам-социологам. Базовый раздел поля преподавания истории социологии проходит сейчас, как правило, по границе двух относительно самостоятельных курсов истории социологии российской и зарубежной. Помимо единства в основных подходах следовало бы основательнее реализовывать в курсе истории отечественной социологии ее прикладной потенциал. Выделение отечественной социологии оправдано уже тем, что студенты могут в нем получать нужные им для выбора индивидуальной профессиональной карьеры и сферы деятельности, которые их ожидают. Если в этом курсе дан зримый облик современной социологии в России, тенденций ее развития, то тем самым создаются предпосылки для прогнозирования и личного самоутверждения в науке, в ином виде профессиональной деятельности. Знание динамики роста современной, не абстрактной «западной», а социологии российской, какая она есть на данный момент, важно начинающему специалисту для поисков возможного места приложения полученных знаний и личных усилий. Не говорю о том, насколько эффективным в глазах студентов выглядит университет, заботящийся о трудоустройстве выпускников не только на «ярмарках вакансий».

Важным представляется оговорить и факт очевидной неприемлемости термина «западная социология». Эта формула встречается и в учебниках, и у студентов, использующих тексты советских времен или приобретенные рефераты, контрольные работы и т. п. Приведу некоторые аргументы ‘contra’. Если «западная», то почему нет «восточной» или «южной» – об исламской социологии в некоторых регионах мира вопрос ставится. Термин «западная» хранит неочевидное для нынешних студентов противопоставление советских времен: «наша», истинная наука об обществе, и западная, «буржуазная». Это не единственный и не самый значимый пережиток в сравнении, например, с влияниями истмата через проблемы социальной философии. Отечественная социология (как собственно и «западная») – часть социологии мировой, международной. Естественно, сказанное не отменяет реального факта, что сейчас «западная» социология прочно занимает позицию лидера международной социологии, диктуя и соответ-

ственные пропорции внимания со стороны тех, кто учит сегодня социологов завтрашнего дня.

Выход за пределы Запада в понимании предмета истории социологии открывает еще один важный горизонт в динамике социологии. Создается еще одно условие формирования представлений студентов о конкретных «точках роста» социологии, в прошлом и настоящем, в американском, немецком и современном российском контекстах. Но получаемые студентами представления в рамках социологии «зарубежной» позволяют увидеть и перспективу выхода за пределы европо-атлантической социальной реальности, движения к действительно международной социологии. Возможно, уже при жизни тех, кому сейчас читают европоцентристскую версию истории социологии, станет очевидным перемещение центра развития социологии из США в Европу, и на этом развитие науки не остановится.

Такие понятия, как центр развития социологии, ее точки роста, позволяют сделать вывод, что этот круг проблем не может сводиться к развитию теоретической мысли. В неменьшей мере значимы для социологии (и анализируемой ею социальной реальности) эмпирические поиски, способные менять облик науки. Вполне обоснованно, на мой взгляд, предположение, что социологию США в мировые лидеры начала выводить Чикагская школа, в которой крупных социологов-теоретиков не было. В этом смысле отечественная социология делает сейчас одно дело с быстро количественно (пока) растущей социологией стран Азии и Латинской Америки. Теоретические новации социологов вне Европы и Северной Америки (предпосылка для этого – множество исследований специфики конкретных социумов) могут стать рубежом в этом отношении.

Для подготовки российских социологов достижения социологии «среднего уровня» в «незападных» регионах мира, сопоставимые с российской проблематикой, представляют интерес еще в одном отношении. Здесь возникли и окрепли разработки таких проблем социологии, как развитие, бедность, экстремизм, бюрократия, малое предпринимательство, религия, гендер и т. п. Многие из таких тем в социологии европейской пик интереса уже утратили. В США, например, резонирует скорее социология экзотических меньшинств, в иных условиях вызывающая как минимум удивление. Актуален и проводимый социологами стран этой части мира анализ крупных ошибок, совершаемых руководителями стран, корпораций, ведомств при жизни современных поколений, ошибок досадных, быстро становящихся очевидными («социология дураков», о которой всерьез писали

сингапурские социологи [20. с. 19–20]). На чужих ошибках в конце XIX в. предпочитал учиться О. Бисмарк. В России не учатся пока и на своих ошибках, замечает в этой связи комментатор московского еженедельника [8, с. 4].

Еще один узел и ресурс повышения отдачи истории социологической науки – ее открытость к взаимодействиям и заимствованиям из других областей знания. Только за последние два десятилетия имели место плодотворные взаимодействия социологии даже с весьма отдаленными, на первый взгляд, науками: электроника (компьютер), математика, синергетика, биология. Генетика, например, сделала возможным прочтение ранее недоступных страниц далекой истории социума, а медицина и трансплантология создали целый шлейф социальных проблем – моральных, правовых, конфессиональных и пр. Сильнейшее воздействие на социологию оказали такие отрасли гуманитарного знания, как история, философия, культурология, психология. Проблема эта для студентов, для каждого университета имеет первостепенное значение. История социологии доказательно демонстрирует студентам плодотворность практического овладения преподаваемыми в университете дисциплинами, которые, как правило, лишь иным кажутся далекими от избранной профессии. Речь идет об определенном резерве выработки и развитии мотивации студентов на овладение предлагаемыми им курсами. Не касаюсь здесь, конечно, всей проблемы мотивированности университетского студенчества на получение высшего образования [11, с. 98–103] и овладение конкретной специальностью.

На этом фоне нельзя обойти проблему интереса студенческой аудитории к самому курсу истории социологии. Она (проблема) не в умиротворении тех, кто наивно полагает, что специализация по Public Relations, маркетингу или рекламе позволяет без забот относиться ко всему, что, по их разумению, лежит вне желанной специализации. И даже не в том, чтобы напоминать подобным «студиям»¹, что эти специализации имеют основания, незнание которых равноценно отказу от фундаментальности освоения специализации. История социологии предлагает широкий диапазон возможности учета специализации, к примеру, по общей, политической или экономической социологии, социологии СМИ. Классики социологии, ее парадигмы заложили основы соответствующих социологических теорий, дальнейших открытий в этих отраслях науки, развития специализаций, представители которых составляют аудиторию на лекциях и семинарах.

Что может сделать преподаватель? Специфика современной аудитории в этом плане подсказывает использование воз-

возможностей доступа к интернету с учетом ограничений в виде, преимущественно, оплаты. Для лекционной компоненты курса исключительно важны целенаправленные акценты, вокруг которых обучаемые могли бы самостоятельно подбирать и выстраивать релевантную информацию. Социологию Маркса в курсе можно представить студентам как важный для изучения современной политической социологии вопрос, как аспект современной проблематики труда, обмена, идеологического воздействия, проблем личности, межличностного взаимодействия, истории и социологии семьи («частной собственности и государства», – хотя это уже альтер эго Маркса – Ф. Энгельса) и т. п. Дюффрейдовские социологи психологической школы – это аспект подготовки к освоению проблематики СМИ, пиара и т. п. Недостатка в материалах такого рода нет, напротив, есть океан информации, где пользователя ждет обилие подводных камней, о которых важно знать преподавателю, чтобы выступать перед студенческой аудиторией еще и штурманом плавания по океанским киберпросторам.

Важно, наконец, в построении и подаче курса учитывать болевые точки современной российской и международной социологии. Проблемы этого плана в той или иной форме присутствуют в каждой аудитории, хотя часто в причудливых, далеких от истины и науки формах. Отношение студентов-социологов к специализации своего выбора связано с современной ролью социологии в обществе, ее положением среди других наук, способностью влиять на окружающую реальность и т. п. Поводов для разговора со студентами на эти темы в курсе истории социологии достаточно. Напомню об озабоченности по этому поводу Э. Гидденса («Призыв к оружию») [5, с. 4–5], М. Буравого (публичная социология) [22, р. 4–28] или Ч.Р. Миллса в труде «Социологическое воображение». Отзвуки этих проблем в студенческой среде связаны, например, с цифрами конкурсов при поступлении в университеты, с сопоставлением популярности своего и других факультетов, читай – специальностей. Конкуренция в этом плане – такая вещь, непризнание которой напоминает страуса, прячущего голову в песок.

Конечно, я упомянул некоторые узловые проблемы курса «История социологии» сегодняшнего и, возможно, завтрашнего дня. По мере их разрешения перед социологами встанут иные задачи. Но для этого еще нужно пройти определенный путь, свое видение контуров которого попытался обозначить автор. В этом видении социология выступает как надежная «рамка» преподавания истории социологии, действий ученых в поле научного

знания, взаимодействия с властями, оценок будущего социологии. Чего не следует делать в таких рамках, это исходить из священной истины (она априорно непостижима), включая истину социального устройства и познания социальной сферы, данной человеку свыше. Это касается и наличия среди студентов верующих, и попыток отдельных авторов (включая авторов книг по истории социологии) вносить в научный обиход проблематику священного. Если Бог есть истина, пусть помогает студентам искать эту истину в социологии, идти вперед, быть готовым к тому, что день грядущий готовит.

Примечание

¹ Слово редкое, но в памяти компьютера оно есть – красная черта не появилась.

Литература

1. «Автономная» социология – идея или гипотеза? // Социол. исслед. 2006. № 9.
2. *Баразгова Е.М.* Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург; Бишкек. 1997; *Осипова Н.Г.* Современная французская социология. М. 1997; *Курбатов В.И.* Современная западная социология. Ростов н/Д., 2001; Социология в социалистических странах. М., 1984; Из истории социологической мысли в социалистических странах. Т. 1–2. М., 1988; Немецкая социология / Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Наука, 2003; и др.
3. *Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г.* История социологии: Учеб. М.: Новый учебник. 2004; *Кравченко А.И.* История социологии: Учеб. М.: ТК Велби-Проспект, 2006; *Зборовский Г.Е.* История социологии. Классический и современный этапы. Учеб. для вузов. Екатеринбург, 2003 (московское издание: Гардарики, 2004); *Добреньков В.И.* История социологии (XIX – первая половина XX века). М.: Инфра-М, 2004; *Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А.* Западная теоретическая социология. СПб., 1996; *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология: В 3 т. Т. 1: Методология и история. М., 2000; Очерки по истории теоретической социологии XX столетия. М., 1994; История социологии в Западной Европе и США / Под общ. ред. Г.В. Осипова. Учеб. для вузов. М.: Норма-Инфра, 2001; *Волков Ю.Г., Нечипуренко В.И., Самыгин С.И.* Социология: история и современность. Ростов н/Д., 1999; *Гофман А.Б.* Семь лекций по истории социологии. М., 1997; *Капитонов Э.А.* Социология XX века: история и технология. Ростов н/Д., 1996; История социологии. Учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов вузов /

- Под общ. ред. А.Н. Елсукова. Минск, 1997 (1993); *Луков В.А.* История социологии в конспективном изложении. М.: Социум, 2001; *Осинова Н.Г.* Становление и развитие западной социологии. Краткое учебно-методическое пособие. М.: ИСПИ РАН, 2002; *Плахов В.Д.* Западная социология XIX–XX вв.: от классики до постнеклассической науки. Эпистемологическое обозрение: Учеб. СПб., 2003; *Воронцов А.В., Громов И.А.* История социологии. XIX – начало XX века. Ч. 1: Западная социология. Ч. 2: Русская социология. Учеб. пособие. М.: Владос, 2005; *Бачинин В.А., Сандулов Ю.А.* История западной социологии. СПб., 2002; *Желтов В.В., Желтов М.В.* История западной социологии: этапы, идеи, школы: Учеб. пособие. Кемерово, 2004; Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2004; *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 1996; *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995; Ленинградская социологическая школа 1960–1980-е годы. М.; СПб., 1998; *Новикова С.С.* Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000; Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Ин-т социологии РАН, 1998; *Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000; *Шпаковский В.В.* Общее и особенное в развитии социологической науки в России: Учеб. пособие. Тамбов, 1997; *Кравченко С.А.* Социология: Учеб. пособие для вузов. М., 2002 (второе, дополненное издание – 2005, третье: Социология: парадигмы через призму социологического воображения: Учеб. М.: Экзамен, 2007) и др.
4. *Беккер Г., Босков А.* (сост.). Современная социологическая теория: В ее преемственности и изменении. М., 1961; *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985; *Монсон П.* (сост.) Современная западная социология: теории, традиции. СПб., 1992; *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993; *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002; *Гидденс Э.* (при участии К. Бердсолл). Социология / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2005; *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / Пер. с польского. М.: Логос, 2006 и др.
 5. *Гидденс Э.* К социологическому сообществу // Социол. исслед. 2007. № 9 (Оригинал опубликован в британской газете «Гардиан» 26 ноября 2006 г.).
 6. *Голенкова З.Т., Нарбут Н.П.* История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2003; *Брисеньо-Леон Р.* Вызов для социологии: ситуация в Латинской Америке // Социол. исслед. 2003., № 7; *Алли Ш., Муни К., Стюард П.* Социология в ЮАР (1920–1970) // Социол. исслед. 2006. № 3; *Цыбикова Б.Ц.* Становление и развитие социологии в Китае. Дис. ... канд. социол. наук. М.: ИСПИ РАН, 2005; *Митунова С.А.* Становление и развитие социологии в Японии. Дис. ... канд. социол. наук. М.: ИСПИ РАН, 2007 и др.
 7. *Гюлднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. Гл. 2, разд. «По направлению (в английском тексте стоит слово

“towards”, которое лучше было бы перевести предложением “к”, но качество переводов социологических текстов – отдельная тема. – *Н. Р.*) к социологии социологии».

8. *Гундаров В.* Кое-какая сила есть... // Независимое военное обозрение. 2007. № 26.
9. *Докторов Б.З.* Гэллаповское наследие: прошлое и настоящее одного из наиболее известных социологических индексов (ст. 1–2) // Телескоп. 2001. № 4, 6; *Он же.* Эмиль Хурья. Забытая страница из истории изучения общественного мнения // Социол. исслед. 2005. № 2 и др.
10. *Ионин Л.Г.* Георг Зиммель – социолог: Критический очерк. М., 1981; Американская социологическая мысль. Тексты. М.: МГУ, 1994; *Баньковская С.П., Гофман А.Б., Давыдов Ю.Н.* История теоретической социологии. М., 1993; *Кравченко Е.И.* Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. М., 1997; *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998 и др.
11. *Калачева Т.Г., Абросимова Л.В.* Установки выпускников школ на получение высшего образования // Социол. исслед. 2000. № 5.
12. *Козер Л.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006.
13. *Лапин Н.И.* Эмпирическая социология в Западной Европе: Учеб. пособие. М., 2004; *Беляева Л.П.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. М., 2004; *Ионин Л.Г.* Философия и методология эмпирической социологии. М., 2004; См. оценку этого комплекса трудов: *Тощенко Ж.Т.* Новое слово в истории социологии // Социол. исслед. 2005. № 1.
14. *Майкова Э.Ю.* Социологическое образование в свете Болонского процесса // Социол. исслед. 2008. № 8.
15. Немецкая социология / Под. ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Наука, 2003.
16. *Осипов Г.В.* Три встречи с Питиримом Сорокиным. 2004. № 5; *Ашин Г.К.* Памяти учителя // Социол. исслед. 2003. № 9; *Дьяльнов Г.В.* Социологический факультет Саратовского государственного университета // Социол. исслед. 2004. № 4; *Осипов Г.В.* Возрождение российской социологии (60–90-е годы XX века): страницы истории // Социол. исслед. 2004. № 2; *Бороноев А.О., Скворцов Н.Б.* Социология и социологическое образование в Санкт-Петербургском университете: традиции и современность // Социол. исслед. 2005. № 8 и др.
17. Первый президент Советской социологической ассоциации (к 100-летию со дня рождения Г.П. Францева) // Социол. исслед. 2003. № 9. С. 123–128.
18. Тело человека – новые горизонты социального познания // Социол. исслед. 2006. № 4.
19. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950-1980-х годов: Курс лекций. СПб., 2001; *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995; Ленинградская социологическая школа 1960–1980-е годы. М.; СПб., 1998; *Новикова С.С.* Социология: история,

Н.В. Романовский

основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000; *Грушин Б.А.* Четыре жизни в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. М., 2001; *Weinberg E.A.* The Development of Sociology in the Soviet Union. L., 1984 и др.

20. *Alexander J.* Introduction. Differentiation Theory: Problems and Prospects // Differentiation Theory and Social Change. Comparative and Historical Perspectives / Eds by J. Alexander, P. Colomy. N Y; Oxford: Columbia univ. Press, 1990.
21. *Aron R.* German Sociology. Glencoe Ill., Free Press, 1957.
22. *Burawoy M.* For public sociology // American Sociological Review. 2005. V. 70. № 1.
23. *Platt J.* Historical methodology: Comparative and macro // Timeliness. E-newsletter ASA HOS. 2006. № 5.
24. *Reckwitz A.* Der soziologische Kanon: Disziplinierung oder Grenzüberschreitung? // Soz. Revue. 2002. Juli.

Abstracts

Toshenko J.

Contemporary images of ochlocraty

The article is dedicated to the essence and the particularities of ochlocraty as a specific type of power. Characteristic features of ochlocraty in traditional and modern societies are being analyzed from the historian of social approach's point of view. On the basis of the conducted analysis the typology of ochlocraty in modern Russia is offered.

Velikaya N., Gambashidze I.

Party competition at local elections as a factor of perfectibility of democratic process

The article deals with a study of the results of local elections of local in 2006-2007 and analysis of the impact of stabilization of party system on practices of local self-government formation in Russian Federation. The authors mark out a number of particularities of elections of local authorities coming from changes in federal and regional legislation about elections and parties, emphasizing that a process of institutionalization of party system at local level not always leads to the democratization of political process.

Anisimov R.

The forming of the institution of Russian Federation at the epoch of Putin

This work is about the processes of strengthening the central power at the time of Putin. As the basic of the methodology was taken the paradigm of Norbert Elias. This paradigm has the mechanism of the creation of modern European states. There is also the attempt to use this model with the historical experience of Russian Federation. This article is also about three strategies of the relationships between elites and the ruler. Two of them are negative, that lead to the collapse of the state, and one of them is positive, that is about the creation of «the dynamic balance». Putin does the last one. There are also some thoughts about the process of the creation of

«the global dynamic balance». And the author underlines that the modern society is on this stage.

Popov V.

Political parties in the information space of electoral campaign of March 2007 (on the material of regional mass media)

The article deals with a study of activity of political parties in the information space of electoral campaign of March 2007 (on the material of regional mass media). The analysis of the rating of parties on the quality and quantity of references in mass media gave an option of bringing to light main tendencies of illumination of activity of political parties in the information space of a number of regions of Russian Federation: the first quinary of the parties in the rating repeats the of the parties that has won in the elections. The article states that the intensity of illumination of party activities exerted influence on the result of the voting.

Korsunov A.

Corporate Social Responsibility in Russia: problems of legitimizations

The base level of responsible behaviour for private company is legal compliance and the Government has a role to play in setting standards in areas such as environmental protection, health & safety and employment rights. In Russian Federation some companies still not always remember about liability to pay taxes, so we can hardly talk about good developed Corporate Social Responsibility. Under such conditions the Government can also provide a policy and institutional framework that will stimulate companies to raise their performance beyond minimum legal standards: we need compulsory adoption of Corporate Social Responsibility.

Gudkov I.

Forming of regional legislatures: analysis of electoral behavior (example of Evenkiya region)

In this article we attempted to analyze electoral behavior of citizens on an example of Evenki Autonomous region. During our research a range of factors determining political choice and political behavior was revealed. In our study people's expectations from one-mandatory candidates and from deputies, balloting under party lists,

are considered, their distinctions are shown. Through public attitude towards the government bodies the efficiency of their functioning is estimated. The data analysis of quantitative and qualitative research, taken by the author, allowed to reveal and to describe the basic support and voting motives for candidates running for the representative government in the area.

Velmakin M.

The social base and the development of nonparty oppositional youth movements in Byelorussia

This article tells us about the social and political reasons, which are the reason of formation of nonparty oppositional movements in Byelorussia. The author analyzes political build in Republic, smakes the analysis of self-identification of youth and defines prospects of it's part which wants to participate in a political life of the country.

Churkina O.

The evaluation of Internet-communications of Russian non-governmental organizations

This article is based on research of Internet-communications of Russian non-governmental organizations. Research was conducted using content-analysis of 300 NGO web-sites. A special scale of summarized grades was developed to measure the effectiveness of NGO site function in establishment of relations with state, media, business, and other NGOs. Results show that Russian civil organizations realize on average only 40% of the web-site's potential. The web-sites of human rights organizations proved to be the most effective.

Key words: civil society, Internet, communication, non-governmental organizations

Chrienko A., Chrienko Al.

Electoral ratings as a tool of manipulating the public opinion

This material was prepared on the base of sociological analysis of the specific character of applying the method of interview in studying the public opinion of Ukrainian electors in the run-up to the pre-scheduled parliamentary elections on September, 30 2007.

In the run-up to the pre-scheduled parliamentary elections in Ukraine the mass media here have published plenty of sociological articles devoted to revealing the Ukrainian electors' political priori-

ties. Almost every day different sociological and specializing centers for scientific research cited the figures of electoral polls properly forming the public opinion of people. The results of such research were often equivocal and mainly contradictory. Within the framework of this article there is undertaken an attempt to reveal the bases for such the contradictions and to draw conclusions about possible ways of high-quality perfecting the structure of organizing and conducting electoral polls as one of the forms of social diagnostics.

Zvetkova L., Bespolitov A.

Social differences as the factor of local community's activity

About a year and a half ago in Russia local government became independent. Nevertheless, this official status has changed very slightly the life of the members of the local community. The stratification has increased strikingly, deep estrangement, apathy and passivity has been revealed. As a result, the balance of social differences, which determines social relations and integration, has been affected. Although, these questions are of strategic importance and are fraught with serious costs and failures in practice. That's why this article is aimed at identification and analysis of activity of subjects with certain social differences, which constitutes the basis of hierarchical relations.

Karimova A.

Region as the «roadmap» of globalization

Author analyzes current form of the globalization process. Modern world development trend shows that *region* in world policy acts as a *conceptual space* which allows to expand the analysis format, inevitably shrinking in the strategic and economic view. Regions like all other human associations are constantly being defined and re-defined. The most unstable are adjacent territories, where Asian, American and European spaces are interacting and supporting the existing global level, however this very process clearly indicates the loss of monopolistic functions once possessed by certain players and the fact of the world order formation.

Dynamics – is indisputable and significant market resource that determines the basic cost of all exchanges, while the exchange order reflects political and economical hierarchy. However political organization of the space is reflected by customs and geographical state

borders, different from communications projects existing in the world market. Therefore, in the mid XX century the world market's «roadmap» and world political map have become the actual development alternatives.

Matasova I.

Style of management at the governmental and nongovernmental enterprises

The article is devoted to the questions connected with style of a management at the companies of different patterns of ownership (state and private). Within the limits of the article attempt of the analysis of a definition «style of a management» is undertaken, thus questions of evolution of paradigms of understanding at different stages of development of a public idea, various behavioural experts of heads in relation to subordinates, and also delimitation of the concept «style of a management» are considered. The main accent is made on revealing of indicators of style of a management by means of which it is possible to lead the correct analysis of style of a management at the companies of the state and private patterns of ownership. Conclusions are based on the data received during carrying out free, deep and semi-formalized interview to heads of the companies, and also questionnaire from their subordinates.

Kruchmalev A.

Different faces of xenophobes

In this work are being analyzed such phantom phenomena of the modern society as xenophobes according of sociological and ethnological approaches. Having international character xenophobia appears especially in split societies and heterogenic societies. Analyzing the political situation in Russia, the author stresses the different actors of forming stereotypes causing xenophobia in Russia.

Lu Unyanuyan

Advertising as social process: Chinese specificity of outdoor advertising

The attempt to understand and to describe the phenomena of advertising is made in this article. Author considers advertising as one of the forms mass communication and tries to explain how some new forms of advertising appear in developing China. In spite of the

similar features of the Russian and Chinese consumers the dominated types of advertising are different. The most important sector of advertising in China is the outdoor advertising, which has a lot of advantages and limits.

Goloseyeva A.

«Towards the question of the types of cultural interaction in the epoch of globalization»

The article deals with analyses of possible consequences of processes of globalization for cultural development of mankind, on the assumption of different types of cultural interaction. The author gives an account of those acculturation processes which could accompany one or another case scenario and, in particular, the impact of migration processes on it.

Finally the author repudiates the models implying total integration or total confrontation. As the most probable model the author suggests symbiosis which presupposes unstable integrity and diversification of types of cultural interaction as a speciality of the global system.

Krukovskaya A.

The trends of the theatre development in Moscow in the beginning of the XXI century

The article was written in the context of sociology of art. The author's researches conducted during the period from 2005 to 2007 was underline the article. This work was dedicated to analysis of the main tendencies of theatre development in modern Moscow and also social functioning of theatre. Besides the features of mutual relation of creative collective inside and its interaction with public are considered in this article.

Sheglova S.

Dialogue of cultures: the searching of universal ways to the childhood

In this article fundamental ideas of children's culture and the differences between it and the cultural universal forms are viewed. There is also the author's characteristics of the children's quasi-culture. It is also about basic contradictions of the functioning of different cultures and potential foundations for the creation of the universal ways to the childhood in the society.

Gorbacheva V., Belyaeva J.

Civil marriage as matrimonial essential practice

The authors of this article consider the youths' marriage behavior is civil marriage. According to youths' opinion civil marriage allows to play social roles of husband and wife, but not to take responsibility for the partner. Such form of relations allows adapting to social risky conditions. Empirical evidence which was received from the authors in 2004-2005 forms the base of this article. Positive and neutral attitude youths' to cohabitation allows us to suppose their further expansion in the society.

Petrushin I.

Undesirable pregnancy as the part of outstanding demographic potential

The article is devoted to the problems of overcoming the demographic crisis in Russia. Acceptance of the National program of demographic development is not capable to improve a situation cardinally in the near future. In this connection there is a realization on the foreground so-called demographic reserves, undesirable pregnancy is the most significant from which, which annual number of interruptions practically twice exceeds a level of birth rate in the country. The brief history of a question of abortions is considered in clause. The modern situation in sphere of interruption of undesirable pregnancy is described, and also a number of the recommendations put forward, that directed on decrease of number of abortions in modern Russia.

Kuleshova A.

Lifestyle categories of the teenage group: subcultures, bellicosity, love

There are three categories the teenage group is usually associated with: subcultures, bellicosity, love. In this article author gets a closer approach to each of these categories in order to mark myths, moral panics and constructs. More details are to be given for each of these terms and they should be placed appropriately in the science.

Dubinina A.

Public opinion about situation in public health system in Russia

States policy in the field of public health services is one of the most discussed topics in information space today. Per 2005-2007 federal programs in public health system are declared and realized on the state level as priority. In this connection the problem of quality of state medical care becomes particularly actual. In present article the situation with the state medical care in Russia is analyzed from the point of view of preferential categories of population – the citizens attached to Reimbursement program.

Tovkach M.N.

Sickness rate and conditions for it declining: regional aspects (example of Karelia)

The factors that leads to the declining of the level of health and increasing of death-rate are analyzing in this article. The short characteristic of level of health of the inhabitants of the Karelia (one of the north region of the Russian Federation) is described. Author pays attention only for the most important indicators of level of health as population, reproduction of population, sickness rate and invalidity rate. Statistics shows that the situation in this region is in breaking point and the system of health care is not perfect. In spite of adopted programs for healthcare it s early to speak about real results in this sphere.

Strelnikova A.

Incomplete using of sociological data: three levels of considering the problem

The goal of this article is to address the problem of non-effective usage of sociological data. The author points out that the empirical basis of social science is increasing, but there is a greater problem of “under-utilization” of sociological information. This problem can be considered at three levels: sociology of science level, general methodology level, and level of data analysis methodology. The author introduces the phases of searching and storing data into the of structural design of sociological study. The article also examines several empirical criteria for non-effective usage of sociological data, in the case of texts in sociological journals.

Romanovsky N.V.

Key issues of the *History of sociology* course

The paper summarizes recent Russian literature in the history of sociology, as well as author's experiences in teaching the subject to university students in Russia. Some key issues are analyzed and discussed including foci of the course, proper choice of literature and prospects for a further rise of efficiency of the course.

Сведения об авторах

- Анисимов Р.И.*, преп. кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ; 8-903-231-20-02; ranisimov@list.ru
- Беляева Я.В.*, аспирантка Московского гуманитарного университета
- Бесполитов А.А.*, соискатель кафедры прикладной социологии РГГУ
- Великая Н.М.*, д-р полит. наук, проф. кафедры прикладной социологии РГГУ; 8-910-471-26-86; Velik69@mail.ru.
- Вельмакин М.В.*, аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, 8-903-965-69-85; mvelmakin@yandex.ru
- Гамбашидзе И.А.*, соискатель кафедры прикладной социологии РГГУ; elections@inbox.ru
- Голосеева А.А.*, канд. ист. наук, преподаватель кафедры культурологии Московского гуманитарного университета; goloseyeva@rambler.ru
- Горбачева В.И.*, канд. социол. наук, доц. кафедры прикладной социологии РГГУ; 8-903-261-54-93; v.gorbacheva@mail.ru
- Гудков И.В.*, аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ; i_gudkov@rambler.ru
- Дубинина А.И.*, аспирантка кафедры прикладной социологии РГГУ; 8-903-00-44-728; dubinina@pharmexpert.ru
- Каримова А.Б.*, д-р полит. наук, проф. кафедры прикладной социологии РГГУ; 8-926-143-75-56; albecar@yandex.ru
- Корсунев А.С.*, соискатель кафедры прикладной социологии РГГУ; livejo@gmail.com
- Круковская А.В.*, аспирантка кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ
- Крухмалев А.Е.*, д-р филос. наук, завотделом редакции журнала «Социологические исследования»
- Кулешова А.В.*, аспирантка кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ; 8-926-222-55-57; parafraza@mail.ru
- Лю Юаньюань*, аспирантка кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ; 8-903-501-97-36; yuanyuanrus@mail.ru
- Товкач М.Н.*, аспирант кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ; 8-926-500-42-58
- Майорова -Шеглова С.Н.*, д-р социол. наук, проф. кафедры теории и истории социологии РГГУ; 8-916-141-23-24; sheglova-s@yandex.ru

Матасова И.М., аспирантка кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ; 8-926-219-75-35; jelanpaуa@gmail.com

Петрушин И.В., аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ; 8-926-320-11-07; haos_helicopter@mail.ru

Попов В.В., соискатель кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ; 8-903-976-83-87. popov@novopol.ru

Романовский Н.В., д-р ист. наук, проф. кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ; 120-10-50

Стрельникова А.В., канд. социол. наук, ст. преп. кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ; 8-926-279-28-68; professional@post.ru

Тощенко Ж.Т., д-р филос. наук, членкор РАН, декан социологического факультета РГГУ; 120-10-50; zhantoshenko@mtu-net.ru

Хриенко А.П., аспирант кафедры МСИ социологического факультета МГУ

Хриенко Ал.П., канд. социол. наук, ст. преп. кафедры прикладной социологии РГГУ; 8-916-629-92-38; khrienko76@mail.ru

Цветкова Г.А., д-р социол. наук, проф. кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ; 8-906-729-86-18

Чуркина О.А., аспирантка кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ; 13olga@gmail.com

Журнал «Вестник РГГУ»
по различным аспектам гуманитарных знаний
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений (индекс 36626).

Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!

Редактор *Л.П. Бурцева*
Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать
Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 19,5.
Тираж 1050 экз. Заказ №

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
12599, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru